

06.4
2-14
Дагестанский
государственный
университет
имени
В.И. Ленина

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том VIII

1962

Дагестанский государственный университет имени В. И. Ленина

Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ VIII

(филологическая серия)

Издательство Саратовского университета

1 9 6 2

2-14

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Фарбер Б. С. (ответственный редактор), Гайдаров Р. И., Лихтман Р. И. (ответственный секретарь), Назаревич А. Ф. (заместитель ответственного редактора), Судакова Н. Я.

201672

Б. С. ФАРБЕР

ЛЕНИН И ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО XIX ВЕКА

«Ильич хорошо знал русскую литературу — она была для него орудием познания жизни. И чем полнее, всестороннее, глубже отражали художественные произведения жизнь, чем проще они были, тем больше ценил их Ильич».

Н. К. Крупская¹

Труды Владимира Ильича Ленина имеют огромное значение для понимания и надлежащей оценки отечественной и мировой художественной литературы прошлого и настоящего, для дальнейшего формирования искусства социалистического реализма.

Гениальный вождь и учитель трудящихся, развивший и обогативший эстетическое учение своих предшественников, рассматривал произведения литературы как могучее средство воспитания революционного сознания масс, как испытанное временем оружие нашей партии в борьбе за коммунизм. В одной из бесед с А. В. Луначарским Ленин заметил: «Какая удивительная область история искусств, сколько здесь работы для марксиста»². Вождь социалистической революции считал, что накопленные человечеством духовные ценности должны быть тщательно изучены и осмыслены современниками с позиций самой прогрессивной идеологии—марксизма. Ленин много сделал в этой области. В его трудах читатель получит ответы на вопросы, связанные с понятием красоты, найдет характеристику творческого пути выдающихся деятелей искусства и литературы, обнаружит оригинальные трактовки выдвинутых современностью творческих проблем.

¹ Сб. «В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., 1957, стр. 560.

² А. В. Луначарский. Воспоминания о Ленине. М., 1933, стр. 46.

Ленинская теория познания помогает читателю раскрыть специфику искусства, понять его место в осуществлении исторических задач, начертанных нашей партией. Только исходя из марксистско-ленинского учения о прекрасном и неоспоримого положения о том, что «наши ощущения, наше сознание есть лишь *образ* внешнего мира, и понятно само собою, что отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего»¹, можно объяснить характер и борьбу творческих школ и направлений минувшего века, завершившуюся торжеством социалистического реализма. Только исходя из ленинской теории отражения, можно понять неразрывность идейных, познавательных и эстетических задач художественного творчества.

В. И. Ленин пришел к закономерному выводу, что для буржуазного общества характерны две культуры, выражающие существенные черты непримиримой классовой борьбы в нем. Он обратил внимание современников на то, что эти культуры пропагандируют взаимоисключающие идеи. Ленин был убежден, что социалистический пролетариат позаимствует из культурного наследия все ценное и прогрессивное и создаст новые духовные ценности. Ленин писал: «Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы¹, берем их *только* и *безусловно* в противовес буржуазной «культуре, буржуазному национализму *каждой* нации»².

Гениальный мыслитель рассматривал проблемы культуры в свете задач социалистической революции. Он резко осудил нигилистические теории, пропагандировавшие создание новой культуры без учета духовных достижений человечества. Ленин не мыслил себе высокоинтеллектуальной личности социалистического общества без освоения ею опыта предшествующих поколений. Он требовал от деятелей социалистической культуры бережного и вдумчивого подхода к духовному наследию и беспощадно высмеивал «модные» течения, предлагавшие списать классиков с парохода современности. Ленин гордился Пушкиным, Гоголем, Тургеневым, Чернышевским, Некрасовым, Толстым, Чеховым и многими другими представителями отечественной художественной мысли, завоевавшими по праву бессмертие. Он чтит их за народность и реализм, за то, что они доставляют людям эстетическое наслаждение. Сочинения классиков Ленин противопоставлял литературной стряпне декадентов, пытавшихся оторвать читателей от насущных проблем века, отвлечь их от активной борьбы за

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 57.

² Там же, т. 20, стр. 8.

революционное переустройство родины и всего мира. В беседе с Кларой Цеткин об искусстве Ленин сказал: «Красивое нужно сохранить, взять его за образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно-прекрасного, отказываться от него как от исходного пункта для дальнейшего развития только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо поклониться только потому, что «это ново»?... Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости»¹.

Таким образом, Ленин требовал от искусства не только правдивого отображения противоречий действительности, не только мысли в полноценных образах, но и эстетической радости. По воспоминаниям Н. К. Крупской, он вновь и вновь перечитывал Пушкина, Чернышевского, Некрасова, Толстого и других выдающихся художников, брал их сочинения с собой в ссылку. Ленин подчеркивал, что в сферу искусства должна входить вся многогранная жизнь человека: от крика новорожденного до последнего вздоха старика, что художник должен изображать жизнь человека, исходя из непреложных законов правды.

Эти взгляды нашего вождя и учителя нашли свое воплощение в его теоретических работах и в практической деятельности. Именно об этом свидетельствует бесчисленное количество исторических документов Совнаркома, направленных на развитие многонационального советского искусства. Примечательно, что в декрете об увековечении памяти выдающихся деятелей культуры минувших столетий, подписанном В. И. Лениным в 1918 году, рядом стоят имена Некрасова и Тютчева, хотя, как известно, эти современники придерживались полярных взглядов на пути развития общества. Нет сомнения, что Ленин учитывал при подписании этого декрета специфику искусства, видел в нем то, что для многих было непонятно и закрыто временем. Об его исключительной прозорливости в области искусства свидетельствует весьма знаменательный эпизод, приведенный В. И. Качаловым, присутствовавшим при разговоре Ленина с Горьким. На совет Горького включать в репертуар театров только героические пьесы, вождь социалистической революции со свойственной ему дальновидностью заметил, что советскому зрителю необходимо дать и лирику, и Чехова, и всю правду, выраженную в многообразных художественных формах.

Ленин рекомендовал писателям не ограничиваться достигнутым классиками, а неустанно искать новые творческие пу-

¹ Сб. «В. И. Ленин о литературе и искусстве», стр. 583.

ти. Он напоминал, что эти поиски увенчаются успехом лишь тогда, когда мастера искусства не будут созерцателями действительности, а станут творить в тесной связи с жизнью. Он требовал от искусства воспроизведения не случайного, а типического в отборе наблюдаемых явлений жизни. Уже в статье «Статистика и социология» Ленин с предельной ясностью аргументировал эту мысль и обосновал при этом методологию типического: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры, вообще—не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»¹

Труды Ленина, в частности о литературе, являются наилучшим доказательством этого. Основываясь на обобщении типических явлений в исторической конкретности, они служат человечеству незаменимым барометром и путеводителем. Следует напомнить, что ленинские работы о литературе помогли советскому читателю разобраться в недавно состоявшейся на страницах нашей печати дискуссии о роли художественного творчества в советскую эпоху, в эпоху беспримерного торжества науки. Некоторые корреспонденты «Комсомольской правды» даже дошли до того, что, перефразировав реплику Евгения Базарова («Отцы и дети»), уверяли, что «порядочный физик полезнее всякого поэта». Подобные высказывания ничего общего не имеют с ленинизмом, с учением нашей партии об искусстве как форме познания. ЦК КПСС, исходя из учения Ленина о роли литературы в поступательном движении многонационального советского народа к коммунизму, указал, что наши писатели являются верными и надежными помощниками партии в осуществлении исторической миссии нашего народа, и возложил на них задачу воспитания советского человека правдой и красотой художественных образов. Присуждение ленинских премий за лучшие художественные произведения подтверждает, что наша общественность высоко ценит представителей искусства, шагающих в ногу со временем.

Уже в раннем труде «Экономическое содержание народничества» Ленин противопоставил марксистскую партийность буржуазному объективизму. В этой и последующих работах Ленин убедительно доказал, что художник не творит вне времени и пространства и что даже независимо от своего жела-

¹ Сб. «В. И. Ленин о литературе и искусстве», стр. 57.

ния он выражает взгляды того или иного класса, Ленин призывал писателей служить интересам цвета нации — трудящихся, связать свою судьбу с осуществлением народных идеалов. Он писал, что «отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий» а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их»¹.

Ленин ориентировал художников на то, что партийность литературы — высшая форма ее народности. Этот критерий является подлинным мерилom в оценке художественности произведений.

История русской литературы строится на основе ленинской периодизации истории освободительного движения — от дворянской до пролетарской революционности. Эта периодизация опровергает буржуазную теорию «единого потока» в искусстве и убедительно доказывает, что борьба в нем идейно враждебных лагерей особенно обострилась на третьем этапе в связи с перемещением мирового революционного центра в Россию. Ленинская периодизация помогла литературоведам правильно оценить литературу XIX века, прошедшую путь от сентиментализма до вершин критического реализма. С помощью своей периодизации Ленин не только показал сущность и характер классического наследства от Пушкина до Чехова, но и обосновал мысль об органической связи прогрессивной литературы минувшего столетия с освободительным движением. В программном труде «Что делать?», появившемся накануне революции 1905 года, Ленин писал: «Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература». Ленин разъяснял, что каждая эпоха выдвигает перед писателями новые художественные задачи и что решение этих задач зависит от степени знания ими современной жизни и достижений предшественников. Ленин старался приобщить деятелей искусства к идеям века, направить их мастерство на реализацию тем, отвечающих требованиям жизни.

Труды Ленина о литературе дают возможность писателям осмыслить литературное наследство, чтобы создавать художественные шедевры, достойные величия наших дней.

Ленин давал решительный отпор буржуазным литературоведам, фальсифицировавшим творчество Герцена, Белинского, Чернышевского, Некрасова, Успенского, Толстого и других ко-

рифеев минувшего столетия. В своих трудах он показал сильные и слабые стороны классиков и вместе с тем выделил тот положительный вклад, который внес каждый из них в культуру, связанную с освобождением народа от эксплуататоров.

После скрупулезного анализа творческого пути Чернышевского Ленин пришел к выводу, что от его сочинений веет духом классовой борьбы и что он был единственным русским писателем, достигшим высот цельного философского материализма. Ленин восхищался автором романов «Что делать?» и «Пролог». Он вскрыл исторические причины, помешавшие вождю революционной демократии подняться до научного социализма, и высоко оценил положительных героев, благотворно повлиявших на воспитание пролетарских революционеров. «Величайшая заслуга Чернышевского в том, — писал Владимир Ильич, — что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления. Перед этой заслугой меркнут все его ошибки, к тому же виноват в них не столько он, сколько неразвитость общественных отношений его времени» В. И. Ленин показал, что эстетические воззрения Чернышевского, воплощенные в его художественной практике, благотворно влияли на его последователей. Чернышевский проявил себя не только приверженцем гоголевской школы, но и далеко идущим новатором, определившим ход развития художественной литературы второй половины XIX века.

В борьбе за правильную оценку литературного наследства предшественников Н. Г. Чернышевского, В. И. Ленин особое внимание уделил А. И. Герцену и В. Г. Белинскому. В статье «Памяти Герцена» он дал всесторонний анализ формирования взглядов великого мыслителя и художника, разбуженного декабристами и вставшего вровень с веком. Ленин вскрыл причины заблуждений писателя, коренившиеся в сложных обстоятельствах времени, и показал, что при всех обстоятельствах демократ в нем брал верх. Ленин гордился автором «Былого и дум», сумевшим подойти вплотную к диалектическому материализму, поднять знамя революционной борьбы с самодержавием, воспитывать в читателе сознание о неразрывности идей демократизма и социализма. Он также высоко оценил «вольное слово», с которым Герцен обратился к народу. Отдавая должное Герцену в подготовке русской революции, Ленин писал: «Чествуя Герцена, пролетариат учится

на его примере великому значению революционной теории; *— учиться понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы»

Белинского Ленин назвал предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении. Он показал его путь от объективного идеалиста до материалиста и революционера-демократа. Ленин видел силу Белинского в научной критике, исходящей из требований современности, из идей освободительной борьбы. Он неоднократно указывал, что литературно-критическая мысль Белинского служила интересам народа. Белинский был, по мнению Ленина, лучшим исследователем классической литературы первой половины XIX века. Труды Белинского способствовали укреплению реализма и народности в литературе, помогли герою из народа занять в художественных произведениях достойное место. Благодаря Белинскому, возглавлявшему натуральную школу, писатели стали проявлять интерес не только к трудовой деревне, но и к обитателям городских трущоб.

Ленин высоко оценил «Письмо к Гоголю», в котором Белинский выразил чаяния и надежды трудового народа и ведущие идеи революционной демократии. Он рассматривал письмо Белинского как образец произведения бесцензурной демократической печати.

Ленин считал, что эстетика Белинского легла в основу всех последующих прогрессивных учений об искусстве и литературе и что она питает лучшими соками современное литературоведение.

При оценке литературного наследства многих выдающихся писателей минувшего столетия В. И. Ленин исходил из убеждения, что если перед нами действительно великий художник, то он непременно отразит картины жизни в своих произведениях. Именно так подошел Ленин к творчеству Тургенева, Толстого, Достоевского.

В. И. Ленин неоднократно обращался к творчеству И. С. Тургенева, он видел в нем художника-реалиста, хорошо знавшего действительность. В статьях «Внутреннее обозрение» и «Памяти графа Гейдена» В. И. Ленин не только ссылаясь на автора «Записок охотника», но, что примечательнее всего, расширил понятие о Пеночкиных, показал этих лицезмеров с новой стороны. Вождь социалистической революции вывел Пеночкиных далеко за пределы их усадеб и, сорвав с них маску на виду у всех, показал, что они готовы на любую подлость ради своих классовых интересов.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 15.

Ленин положительно оценил образы разночинцев Тургенева, но все свои симпатии отдал героям романов Чернышевского — Рахметову и Волгину. Раскритиковав в статье «Памяти Герцена» поведение растерявшегося перед революционной ситуацией постепеновца Тургенева, Ленин вместе с тем отдал должное его художественному таланту, назвав его могучим. Разделяя суждение Ленина о Тургеневе, М. И. Калинин писал: «Творчество Тургенева имело не только художественное, но и общественно-политическое значение... Если изъять общественно-политическое значение из произведений Тургенева, то они не заняли бы столь почетного места в истории русской литературы»¹.

Владимир Ильич отдавал должное Гончарову, развернушему перед читателем широкую панораму дореформенной Руси. Живопись слова и скульптурные образы Гончарова не могли остаться вне поля зрения Ленина. Из знаменитой трилогии В. И. Ленин наиболее высоко ставил роман «Обломов», где автор правильно показал источники паразитизма в условиях частнособственнического общества. Трактовка Добролюбовым романа «Обломов» импонировала Ленину. Он перечитывал это произведение Гончарова «можно сказать, с подстрочными замечаниями»² соратника и друга Чернышевского. Ленин неоднократно призывал к искоренению остатков обломовщины, доставшихся в наследство от капиталистического строя. Он не сомневался в том, что труд, к которому с презрением относились обломовы, станет в социалистической стране делом чести и славы.

Титану художественной мысли Л. Н. Толстому Ленин посвятил специальные работы, которые стали незаменимым путеводителем при изучении гениального наследия писателя. В статьях о Л. Толстом Ленин выдвинул много проблемных вопросов, связанных с оценкой всего классического наследия и формированием культуры социалистической эпохи. В трудах Ленина о Толстом подчеркнута мысль о значении передового мировоззрения для художника, стремящегося служить интересам народа. Только гений Ленина смог с такой исчерпывающей полнотой вскрыть кричащие противоречия в творчестве великого писателя, показать его сильные и слабые стороны. Только Ленин сумел доказать, что мировое значение Толстого как художника и мировая известность как мыслителя объясняются его реализмом в отражении эпохи подготовки первой русской революции. "Он писал: «Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего чело-

¹ М. И. Калинин. О литературе. Л., 1949, стр. 181.
² «Вопросы литературы». М., 1957, №8, стр. 134.

вечества»...¹. И в другом месте: «Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого»². Ленин считал, что жизнь русского народа между двумя поворотными пунктами отечественной истории — 1861 и 1905 годами — нашла в лице Толстого своего наилучшего выразителя, что его устами заявило о себе многомиллионное крестьянство, которое писатель превосходно знал.

Реализм произведений Толстого, как показывает Ленин, низводил на нет его проповедь непротivления злу насилием и объективно звал к расправе с монархией и порожденными ею институтами. Выражая интересы патриархального крестьянства и разделяя их, Толстой не смог осознать историческую миссию пролетариата и его партии. Страстный обличитель эксплуататорского строя обнаружил непонимание причин кризиса и средств выхода из него.

Труды Ленина о Толстом помогают читателю отделить в творчестве писателя то, что принадлежит прошлому, от того, что современно и принадлежит будущему. Эти труды выделяют также ведущую мысль в творчестве великого художника, заключающуюся в том, что прогрессивное развитие человека возможно только на почве народной жизни, на основе восприятия и осуществления народных идеалов.

Интерес к поэзии возник у Ильича еще в юные годы. Этому способствовала семья Ульяновых, интересовавшаяся фольклором и художественными произведениями классиков. По словам Надежды Константиновны Крупской, Ленин был «большим лириком», но предпочитал стихи, в которых господствовали гражданские идеалы. Литературный манифест Некрасова «Поэт и гражданин», как и все его творчество, немало способствовал размышлениям Ленина о месте художника в освободительном движении. Он неоднократно ссылаясь в своих трудах на творчество поэта скорби и гнева народного, видел в его произведениях залог дальнейшего расцвета демократической литературы. Не обходя колебаний Некрасова и объясняя их личной слабостью, Ленин подчеркивал, что поэт был верен идеям Чернышевского, это сказалось и в его журналистской деятельности, в особенности после ссылки Чернышевского. Ленин высоко оценил мастерство Некрасова, срывающего, как и Щедрина, все и всяческие маски с туеядцев, прикрывавшихся гуманизмом. Он заметил при этом, что сатира Некрасова «учила ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов».

Еще около полувека тому назад ленинская «Правда» видела в лице Некрасова художника, убежденного в том, что

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 293.

² Там же, стр. 323.

только от пробуждения сознания масс зависит их освобождение. Некрасов сделал все от него зависящее, чтобы на эксплуататоров «Русь поднялась неисчислимая» и «сила сказалась в ней несокрушимая».

Ленинская оценка Некрасова помогла критике освободиться от вульгарного социологизма в некрасоведении, правильно понять и оценить художественное наследство замечательного поэта. Характерно в этом отношении высказывание о Некрасове А. В. Луначарского: «Не принося ни на минуту ни великих алтарей Пушкина и Лермонтова, ни более скромных, но прекрасных памятников Алексея Толстого, Тютчева, Фета и других, мы все же говорим: нет в русской литературе, во всей литературе такого человека, перед которым с любовью и благоговением склонялись бы ниже, чем перед памятью Некрасова»

Ленин видел в лице Некрасова одного из «штурманов будущей бури», к которой наша партия готовила народные массы. Образы положительных героев Некрасова сыграли значительную роль в формировании революционного сознания масс, поднявшихся в 1917 году на штурм капитализма.

Среди предшественников русской социал-демократии Ленин ставил рядом с Некрасовым М. Е. Салтыкова-Щедрина. Он неоднократно рекомендовал партийной печати широко пропагандировать произведения великого сатирика, цитировать *еп*¹. Эстетические принципы талантливого сатирика, изложенные им в цикле «Круглый год», были близки Ленину. «Я никоим образом не был по щекам, — писал Щедрин, — хотя некоторые «критики» уверяют, что я только этим и занимаюсь. Моя резкость имеет в виду не личности, а известную совокупность явлений, в которой и заключается источник всех зол, угнетающих человечество»². Несомненно, что такой взгляд на отношение искусства к действительности способствовал типизации писателем явлений, созданию образов, ставших нарицательными. Ленин подчеркнул в литературном наследии Щедрина главную мысль, убеждавшую читателя в том, что народ не объект для сострадания, а субъект, преобразующий мир на справедливых основах. Эзоповская речь Салтыкова, построенная на использовании синонимов и полисемии словарного состава родного языка, была взята Лениным на вооружение в борьбе с врагами революции. Образы великих русских художников слова XIX века, особенно Гоголя и Щедрина, нашли в трудах Ленина новое толкование, продиктованное условиями развивающихся социальных отношений. Таков, например, образ Иудушки Головлева. М. В. Нечкина отмечает, что «Гоголевский, щедринский или мольеровский образ живет

¹ Сб. «Некрасов в русской критике», М., 1944, стр. 90.

² М. Е. Салтыков-Щедрин. Соч., т. 13, стр. 266.

в тексте Ленина особой жизнью. Сохраняя старые черты, хорошо знакомые еще со школьной скамьи, он все же глубоко нов, он совсем другой и наполнен иным содержанием. И нов не только он — нова и окружающая его атмосфера, нова его социальная позиция как образа»¹.

Ленин гордился тем, что русская революционная демократия не «по-холопски» понимала патриотизм, а сочетала его с революционным преобразованием родины, с интересами закрепощенных царизмом народов. Он писал, что революционеры-демократы были на высоте идей, объединявших народы против общего врага трудящихся—царизма. Вполне закономерно, что Шевченко с благоговением относился к лагерю Чернышевского, проявил особую симпатию к «Современнику», выступавшему в защиту «обездоленного смерда».

Немало работ написано литературоведами о Глебе Успенском. Многие из них трактуют его сложный путь в свете ленинской оценки творчества писателя. Ленин часто ссылался на талантливого очеркиста как на знатока деревни. Он показал, что Успенский не смог подняться, хотя и пытался это сделать, до марксистского мировоззрения, что он не вышел за рамки революционного демократизма. В редакционной статье ленинской «Искры», опубликованной в 1902 г., подчеркивалось, что из всех легальных писателей 70—80 годов наибольшее влияние на русское освободительное движение оказал Глеб Успенский. Ленин полностью солидаризовался с мнением о писателе одного из первых марксистов Гурвича, изложенным в его труде «Экономическое положение русской деревни». В отличие от Плеханова, Ленин нашел в творчестве Г. Успенского ядро боевого демократизма, показал на примерах его творчества, что миллионы Тяпушкиных («Выпрямля») выпрямятся в ходе революции и будут достойными гражданами социалистического общества.

В. И. Ленин всемерно помогал Горькому в борьбе с «архискверной достоевщиной», но вместе с тем выступал за правильное истолкование творчества Достоевского-реалиста, создавшего в литературе минувшего столетия несравненные картины капиталистического ада. Ленин, в отличие от некоторых современных исследователей творчества Достоевского, не смешивал все этапы его художественного развития. Он показал порочность «Бесов» и правдивость «Записок из мертвого дома», назвав их замечательным произведением мировой художественной литературы. Ленин показал, что при всей своей противоречивости творчество Достоевского насыщено важнейшими проблемами времени, которые автор поставил перед общественностью для разрешения. «Беспощадно осуж-

¹ М. В. Нечкина. Гоголь у Ленина, М.-Л., 1936, стр. 3.

дал Владимир Ильич реакционные тенденции творчества Достоевского...,—вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич.—Вместе с тем Владимир Ильич не раз говорил, что Достоевский действительно гениальный писатель, рассматривавший большие стороны современного ему общества, что у него много противоречий, изломов, но одновременно — и живые картины действительности»... Живые картины действительности в творчестве Достоевского должны быть верно и четко охарактеризованы современным литературоведением, чтобы читатель понял место и значение этого великого художника.

В. И. Ленин очень любил и высоко ценил Чехова. В его произведениях, как и в произведениях Толстого, он видел отражение предреволюционной эпохи, выраженной в талантливых художественных образах. Еще в студенческие годы В. И. Ленина потрясла повесть «Палата № 6», осудившая теорию непротивления злу и призывавшая к разрушению «темного царства», охраняемого держимордами. Тема о будущей трудовой родине, превращаемой людьми в цветущий сад, была близка Ильичу. Чеховские образы нашли свое место в трудах Ленина, в частности, в его борьбе против народнических иллюзий и ренегатства. Ленин, в отличие от Толстого, положительно отзывался о драматургии Чехова, оценивая ее как важную веху в истории отечественной художественной мысли. Близким чеховскому гуманизму Ленин считал Короленко, которого назвал прогрессивным писателем¹.

В программном труде «Партийная организация и партийная литература» Ленин подвел итоги развитию художественной литературы за минувшее столетие и определил ее очередные задачи. Основные принципы ленинской эстетики, выраженные в этом труде, нашли свое блестящее воплощение в романе «Мать», высоко оцененном В. И. Лениным на Лондонском съезде нашей партии.

Ленин писал, что только социалистическая революция даст возможность художнику развернуть во всю ширь свой талант на благо интересов освобожденного от ига эксплуататоров народа. Наша советская действительность полностью подтвердила предвидение вождя социалистической революции.

За 43 года Советской власти сформировалась и расцвела литература, национальная по форме и социалистическая по содержанию. Определяя ее задачи в поступательном движении многонационального советского народа к коммунизму, ЦК КПСС в своем обращении к инженерам человеческих душ подчеркивает, что «литература коммунизма должна быть

¹ В. Бонч-Бруевич. Ленин о книгах и писателях. «Литературная Газета», 21 апреля 1955 г.

² В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 237.

великой литературой не только по богатству идейного содержания, но и по художественному совершенству. Большие идеи требуют высокого мастерства, героические характеры—достойного художественного воплощения. Народу нужна литература, которая воспитывает и учит человека правдой и красотой художественных образов, духовно обогащает его, расширяет его кругозор, раскрывает рост сознательности людей в процессе коммунистического строительства. Нашему обществу в особенности нужна литература, в которой актуальные темы современности получают яркое художественное воплощение»¹.

¹ «О литературе и искусстве». Сб. документов. М., 1959, стр. 110.

Т. Д. ФРОЛОВА

ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ П. А. ПАВЛЕНКО О ДАГЕСТАНЕ

Дагестан на протяжении многих лет привлекал к себе пристальное внимание Павленко-художника. Особенно интересовала П. А. Павленко тема русско-кавказской войны, которую он хотел изобразить по-новому, с позиций писателя социалистического реализма. В одной из заметок о своем творчестве Павленко пишет: «Много лет меня занимала тема «Кавказской войны», национально-освободительного движения кавказских горцев. Материал был обширен и нов, контуры большого исторического романа казались легко решаемыми. Однако, когда я ближе познакомился с материалом (а начал я работать над этой темой с весны 1933 года), дело оказалось труднее, чем я думал.

Написать исторический роман о Шамиле и Хаджи-Мурате, по-новому развернуть течение борьбы и определение характеров было, быть может, и интересно, но недостаточно... Показать прошлое Кавказа можно было лишь в свете опыта и побед Великой Октябрьской революции»¹.

Собирая материалы для этого замысла, Павленко неоднократно бывал в Дагестане. Первую большую поездку в Дагестан П. А. Павленко совершил, по свидетельству Н. Тихонова, зимой 1932 года, когда он побывал в ауле Гергебиль на работах по строительству плотины Гергебильской электростанции и на Гунибском плато². Сохранилось письмо Павленко к писателю Слонимскому от 22.III.1933 г., в котором Павленко рассказывает о своих впечатлениях от весеннего Дагестана: «Могу тебе доложить, что в Дагестане готовятся к се-

¹ П. А. Павленко. Кавказская повесть, «Новый мир», 1957, № 2, стр. 60.

² Н. Тихонов. В долинах Дагестана. «Дагестанская правда», 12 октября 1933 г. По-видимому, речь идет о зиме 1932—33 гг.

2. Ученые записки, том VIII.

ву, отлично ловят рыбу и уже получили первую партию замечательной весны, следы которой я ухитрился довести с гор в Москву на лице и руках... Горы—это замечательная вещь»¹.

В письме, написанном Эффенди Капиеву через несколько дней, Павленко обещает летом «обязательно быть в Дагестане». «Страна серьезная и стоящая»,—делает он вывод, а еще через несколько недель сообщает, что затевает большую поездку в горы совместно с Н. Тихоновым и В. Луговским².

Бригадная поездка по Дагестану летом—осенью 1933 года, когда Павленко вместе с Луговским и Тихоновым в течение четырех месяцев пристально изучал страну гор, была особенно плодотворной. Как рассказывает Н. Тихонов в статье «В долинах Дагестана», подводящей первые итоги поездки, русские писатели изучали прошлое Дагестана, знакомились с редчайшими книгами и документами, с любопытными рукописями, имели ряд встреч с ответственными работниками республики, которые «ввели писателей в круг многочисленных местных вопросов. Русские писатели побывали в Гунибе, в Хунзахе, в ауле Шовкра, в Лакистанских горах, в ущельях Хван-ора, в теснине Сулака и во многих других уголках Дагестана. Они познакомились с Сулейманом Стальским, Гамзатом Цадаса, Эффенди Капиевым и другими дагестанскими писателями. На заседаниях дагестанского оргкомитета русские писатели совместно с дагестанскими обсуждали вопросы подготовки к I Всесоюзному съезду писателей. Павленко посещал Дагестан и в последующие годы.

Все эти поездки вдохновили писателя на большие творческие замыслы. Еще в письме к М. Горькому от 21.1.1933 года Павленко рассказывал о своем намерении «написать сцены из жизни дагестанского аула за семьдесят лет, от Шамиля до наших дней». Павленко сообщает, что он нашел такой аул, «где Шамиль строил дубовую плотину на реке и где мы сейчас строим гигантскую электростанцию, сохранились современники Шамиля и постройки плотины, они сейчас служат, говорят, сторожами на стройке и выступают в качестве биографов своего аула. Хочется написать историю события, роман самого события»³.

Осуществляя этот замысел, уже летом 1933 года Павленко в журнале «30 дней» печатает отрывок из повести о Дагестане «Гергебиль» с подзаголовком «сцены из жизни аула». В процессе работы замысел несколько раз изменялся, и в конце концов появилась «Кавказская повесть», опубликованная уже

¹ Цитирую по монографии Л. Левина «П. А. Павленко», М., 1953, стр. 2 101.

² Там же.

³ П. А. Павленко. Собр. соч. в 6 томах, т. VI, М., 1955, стр. 526. В дальнейшем цитаты из его произведений, кроме специально оговоренных случаев, даются по этому изданию; будут указываться только том и страницы.

после смерти писателя. Параллельно Павленко работает над повестью «Шамиль».

Эти интересные и почти совершенно не изученные произведения Павленко — предмет специального исследования, выходящего за рамки данной статьи.

Наряду с монументальными книгами о Дагестане Павленко пишет целый ряд очерков и рассказов на дагестанские темы.

В одной из записных книжек Павленко имеется запись беседы писателя с М. Горьким, относящаяся к 1933 году. Рассказы Павленко о Дагестане заинтересовали Горького, и он предложил Павленко написать об этом¹.

Горький высоко ценил рассказы и, в особенности, очерки Павленко. Он ставил его в ряд талантливых очеркистов, которые постепенно придают очерку формы «высокого искусства». Одновременно М. Горький отмечал большое познавательное и «социально-педагогическое» значение таких очерков².

Очерк — излюбленный жанр в творчестве Павленко. Как справедливо отмечают исследователи творчества писателя, «очерк был для Павленко своего рода разведкой новых тем»³. В статье «Кстати о жанре» Павленко говорит: «Очерк — наилучшая форма для опытов, самая благодарная... самая легкая, податливая, удобная»⁴. Часто лишь условная грань отделяет очерки Павленко от рассказов, нередко также основанных на фактическом материале. Для многих очерков писателя, как и для его рассказов, характерны фактическая достоверность, пластичность, лиризм.

Тематика дагестанских очерков и примыкающих к ним рассказов многообразна. Один из своих рассказов писатель посвящает гражданской войне, в очерке «Дагестанцы» рассказывает о героизме горцев в период Великой Отечественной войны. Но главное внимание в очерках Павленко уделяет изображению Дагестана 30-х годов, теме социалистических преобразований в горах. В ряде очерков он создает яркие образы горцев. Изображая дагестанцев-современников, писатель часто обращается к прошлому страны, потому что национальный характер дагестанца, по убеждению Павленко, во многом объясняется «тем удивительным наследством выдержки и упорства, которое позволило ему пятьдесят лет размахивать кинжалом перед лицом русской империи на глазах всей Европы»⁵. Поэтому прошлое Дагестана и его действительность 30-х годов постоянно переплетаются в очерках писателя.

¹ П. А. Павленко, т. VI, стр. 447.

² М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, М., 1953, стр. 256.

³ П. А. Павленко, т. V, примечания, стр. 539.

⁴ Там же, стр. 29.

⁵ Там же, т. VI, стр. 62.

В очерках «Дорога в Дагестан», «С. Стальский» Павленко говорит, что, описывая сегодняшний Дагестан, невозможно не коснуться его истории: «Мы едем по истории. Вот тут, в Дженгутае, знаменитый Хаджи-Мурат украл ханшу, на Кизыл-ярском перевале дрались апшеронские стрелки, о Левашах слагали песни — в Левашах дрались в двадцатых годах прошлого века и в шестидесятых, и в семидесятых, и в пятом, и в девятнадцатом, и в двадцатом нашего первого большевистского столетия»¹.

В очерке «Люди в горах» Павленко рассказывает о посещении в Хунзахе дома Хаджи-Мурата, где под крышей еще сохранились рога, прибитые им самим. Здесь писатель встречался с внучкой знаменитого наиба, так много сделавшего для русской литературы. В Согратле даже камни напоминают о героической борьбе горцев за свою независимость: «Развалины царской крепости глядят с соседней горы на пожарище старого Согратля, на обломки каменных хижин, поросших бурьяном. Этот каменный поединок истории (аул сожжен в 1877 году казаками; крепость немногим позже сожжена согратлинцами) красноречив, как памятник»².

Тема национально-освободительной борьбы горцев органично была слита в творческом сознании Павленко с темой гражданской войны. Как рассказывает сам писатель, он лично встречался с героями борьбы за Советскую власть, которые когда-то в юности принимали участие в движении Шамиля. Путь горцев — от борьбы с царизмом при Шамиле до борьбы за Советскую власть — изображается Павленко как типический для лучших представителей Страны Гор. Эту тему Павленко затрагивает в неопубликованном сценарии «Партизаны». Теме гражданской войны в Дагестане посвящает Павленко и свой «Рассказ в горах», опубликованный в 1942 году.

Н. Тихонов в уже упоминавшейся статье «В долинах Дагестана», рассказывая о встречах с героями борьбы за Советскую власть в горах, отмечал: «Бесхитростные рассказы участников гражданской войны, устные повествования старых партизан воскрешают факты такой живописной силы, что они кажутся легендой, а не событием, действительно совершившимся»³.

Основную часть «Рассказа в горах» и составляет такой «бесхитростный» рассказ участника -трагических событий времен гражданской войны. Рассказ поражает своим лаконизмом и напряженным драматизмом. На первый взгляд он даже

¹ П. А. Павленко, т. VI, стр. 63.

² Там же, т. V, стр. 132.

³ «Дагестанская правда», 12 октября 1933 г.

производит впечатление мелодрамы, кажется скорее похожим на легенду, но, без сомнения, имеет фактическую основу.

По своей проблематике «Рассказ в горах» перекликается с некоторыми «Донскими рассказами» Шолохова — он также ставит тему раскола семьи в годы гражданской войны. Сюжет рассказа несложен. Муж и два старших сына аварки Патимат были красными партизанами, младший же сын служил у Деникина. Узнав об измене младшего сына, отец поседел, старшие братья старались особенно отличиться в боях, чтобы смыть позор с семьи. Но неожиданно приходит весть, что младший сын раненый вернулся домой, и мать, пожалев, приняла его.

«Куда домой? Разве у изменников дом бывает?»—сказал отец, и Патимат узнала об этих словах. Вскоре до нее дошел слух, что муж едет домой для суда над сыном. Она поняла, что прощения сыну не будет, и в страшную ветреную ночь столкнула его в пропасть. Муж вошел в дом, просидел пять минут и сказал: «Когда с детьми вернусь, чтобы тебя не было здесь. Грязь развела, честь забыла, разным темным людям приют даешь. Не жена ты мне больше»¹.

В рассказе предстают мужественные и прямолинейные характеры горцев не знающие компромиссов с совестью: «В наших местах, товарищ, народ простой, совесть чистой должна быть. Совесть не иметь хуже всего. Бессовестный — это бессовестный!»²—говорит горец.

До конца жизни он не может простить сына-изменника. Это подчеркивается красноречивой деталью: в сакле висят фотографии двух молодых людей в черкесках с красными бантами на груди, в третьей же раме находятся открытки.

Нарисовав твердый, волевой характер горца, Павленко не превращает своего героя в схему «железобетонного» человека. Много лет спустя горец сумел понять материнские чувства жены и простить ее. Об этом говорит концовка рассказа, в которой автор достигает большой художественной силы, подлинного психологизма: «Шопот в соседней комнате стал громче и беспокойнее. Хозяин замолчал. И чтобы ничто не осталось непонятым мною, добавил, твердо глядя в лицо мне с какой-то каменной улыбкой:

— Конечно, мать — всегда мать. Всегда жалость к сыну имеет. Пожалела младшего. А теперь, как ветер, спать не умеет,—все слушает, голоса его ждет. Вот какой случай у нас был.

Из соседней комнаты, как отголосок ветра, доносился жалкий, взбудораженный шопот старухи.

Конечно, мать — всегда мать»³.

¹ П. А. Павленко, т. III, стр. 350,

² Там же, стр. 349.

³ Там же, стр. 350.

Удачно примененный прием повтора (а это один из любимых стилистических приемов Павленко) звучит как последний аккорд, придает рассказу художественную завершенность.

Большое место в рассказе занимают пейзажные зарисовки, гармонирующие с описываемыми событиями. Исключительную, драматически насыщенную ситуацию рассказа подчеркивает картина разбушевавшейся стихии в горах, описание неистового ветра как лейтмотив проходят через весь рассказ: Ветер, застрявший в утомительной кривизне ущелий, здесь, наверху, безумствовал с осатанелым размахом. Глаза наши слезились, мы шли почти ощупью, не видя на три-четыре шага перед собой, и дышали коротко и нервно, как рыбы, выброшенные на песок»¹.

А через страницу автор снова напоминает: «Ночь не успокаивалась. Ветер делался все бедственнее. С пронзительным свистом старался он стащить саклю в пропасть, и старые полы трещали, и что-то сыпалось с потолка, и дрожали, готовые лопнуть, стекла окон»². Ветер разбудил страшные воспоминания в душе старого партизана, весь его рассказ идет под аккомпанемент свирепого горного ветра.

Пейзажные зарисовки даются почти во всех произведениях Павленко, посвященных Дагестану. Пейзаж, как правило, открывает дагестанские очерки писателя. И всюду Павленко стремится подчеркнуть суровую красоту безлесных дагестанских гор, «эпос камней», по его выражению.

В очерках «С. Стальский» и «Дорога в Дагестан» писатель рассказывает: «Уже нет ничего, кроме гор. Они стоят, похожие на окаменевшие тучи, и вечернее небо, касаясь вершин их, также каменеет и валится на них черно-синей густотой, и застывает, и сливается с ними до самого верха, так что нельзя отличить, где граница камня и воздуха»³. В другом месте писатель снова подчеркивает: «Все в горах. И север, и юг, и восток, и запад — всюду горы. Вот они сидят широкими рядами, как путники, сбросившие цветные рубахи к ногам, и греют на солнце темные немые спины в рубцах и ссадинах»⁴. Суровый дагестанский пейзаж неизменно вызывает в сознании писателя мысль о мужестве горцев, и не случайно сравнение горных вершин с израненными путниками. Характерно, что аналогичный образ встречается и в кавказских стихах Н. Тихонова⁵.

Именно поэтому рефреном через многие дагестанские

¹ П. А. Павленко, стр. 347.

² Там же, стр. 348.

³ Там же, т. VI, стр. 61.

⁴ Там же, стр. 69.

⁵ См. стихотворение Н. Тихонова «Джугань».

очерки Павленко проходят слова: «Когда увидите горы Дагестана — воздайте мужеству человека».

Для дагестанских пейзажей Павленко характерна полемическая заостренность, направленная против романтизации **гор**, против любования горной экзотикой. Писатель подчеркивает свою принципиально иную творческую позицию — он стремится нарисовать горы и быт их обитателей «изнутри», взглянуть на них глазами горца. Открывая один из первых очерков Павленко о Дагестане «Люди в горах», читаем: «Горы в том виде, как они даны нам природой, хороши только издали. Жить в них трудно. Не добровольно вскарабкались аулы на дьявольские высоты, не из любви к альпинизму. Их загнала вверх, на откосы гор, *борьба*. Аулы стоят на краю пропастей, как самоубийцы. Сделай шаг к ним, попробуй схватить их — и, кажется, они тотчас ринутся вниз головой в пади ущелий»¹.

Черты полемической заостренности в изображении горного пейзажа еще более усилены в очерке «С. Стальский»: не о романтических легендах, а о жестокой борьбе за жизнь и свободу горцев говорят прежде всего горы Дагестана. «Когда вы смотрите на дно ущелья, — пишет Павленко, — не думайте, что именно здесь пролетал к своей Тамаре Демон. Нет, с этого обрыва сбрасывали белых, с того бросались вниз красные»².

Часто скупыми, лаконичными деталями Павленко рисует пластическую картину дагестанских гор и аулов. Вот, например, описание общего вида аула Согратль в очерке «Люди в горах»: «Снизу, из ущелья, Согратль похож на небоскреб, упавший назад и прислонившийся к скале. Некоторые этажи небоскреба как бы лопнули, и трещины стали ходами. Но общая архитектурная целостность сооружения осталась. Согратль, конечно, сооружение, а не деревня. Он ловко и чисто, как бы зараз, одновременно, построен из тесаного камня»³.

Сравнение аула с полуопрокинувшимся небоскребом удивительно точно передает своеобразие типичного горного аула в Дагестане.

А вот контрастное описание панорамы Хунзаха в том же очерке: «Среди холмистых складок плато аул развалился, как чабан на пастбище. Улицы аула — к удивлению — почти горизонтальны, наклон наиболее крутых не превышает двадцати градусов. Каменные сакли не сливаются одна с другой и почти не сидят одна на другой, а, подпершись кривыми балкончиками легкого грузинского склада, стоят вразвал-

¹ П. А. Павленко, т. V, стр. 131.

² Там же. т. VI, стр. 68.

³ Там же, т. V, стр. 132—133.

ку»¹. И опять-таки удивляешься зоркой наблюдательности писателя, его остроумному и меткому сравнению — ведь действительно аул напоминает гигантского чабана, в бурке распластавшегося «а земле».

Н. Тихонов в уже упоминавшейся статье «В долинах Дагестана» подчеркивал, что не своеобразие дагестанских пейзажей в первую очередь приковывало внимание русских писателей, их интересовал современный Дагестан с его людьми и замечательными делами.

В 30-е годы в Дагестане происходило бурное строительство шоссейных дорог. И естественно, что русские писатели не могли пройти мимо этого яркого факта.

В очерках «С. Стальский» и «Дорога в Дагестан» Павленко, используя характерный для литературы 30-х годов прием контрастного сопоставления дореволюционного прошлого и настоящего, рассказывает о том, что в языке горцев Цунтинского и Тляратинского районов до 30-х годов не было даже слов «колесо» и «арба», потому что ими было нечего объяснять: жизнь в горы приходила на вьюках. Горцы «не любили» дорог, потому что, чем хуже были дороги к аулу, чем труднее пробраться к нему, тем безопаснее и счастливее чувствовали себя его жители.

Но Советская власть изменила отношение горцев к дорогам. Павленко описывает в своих очерках их трудовой порыв: «Люди полюбили дороги к своим аулам. Они строят их с невиданным энтузиазмом. Так жители бесплодных пустынь ведут к себе воду»².

В очерке «Дорога в Дагестан» Павленко показывает шумное оживление, поток машин и автобусов, своеобразные «автомобильные сходки» на дорогах республики. Шоссейные дороги изображаются Павленко как своего рода артерии, по которым течет в горы новая жизнь: поднимаются больницы, школы, электростанции. Дорога в 30-е годы сделалась в Дагестане, по словам писателя, «нужнее бревна и железа, дороже цемента», потому что Дагестан не хочет больше отгораживаться от жизни.

Тема строительства новых дорог нашла свое отражение и в творчестве В. Луговского. Он посвятил ей очерки «Аваро-Кахетинская», «Дорога». В стихотворении «Хван-ор» поэт рассказывает о тех огромных трудностях, которые стоят в Дагестане перед строителями горных дорог, им приходится сносить «на дно ущелья, в неизмеримую мглу пятьсот кубометров грома, огненную скалу»³. Но поэт уверен в трудовой победе строителей:

¹ П. А. Павленко, т. V, стр. 136.

² Там же, т. VI, стр. 64.

³ В. Луговской. Песня о ветре, М., 1955 г., стр. 147.

«Мы вытянем нашу дорогу,
Как ниточку сквозь иглу»¹.

То новое, что властно входило в жизнь аулов, показывает Павленко, рисуя яркие образы горцев. В своих очерках он создает целую галерею образов горцев, начиная от скромных рядовых дагестанцев и кончая прославленными на всю страну поэтами.

Интересен в этом отношении очерк «Люди в горах», который по своим жанровым особенностям приближается к типу очерков-портретов. В статье «Кстати о жанре» Павленко отмечал, что в литературе начинается новая эпоха — эпоха «гласного олицетворения событий и типов, когда художник на глазах у героев превращает материал своих наблюдений в элементы искусства»². Так и очерк «Люди в горах» — это рассказ строго фактический, без всякого вымысла, даже несколько суховатый, порой чересчур «протокольный». Основная мысль очерка — идея разбуженных революцией замечательных творческих сил народа подчеркнута ленинскими словами, взятыми в качестве эпиграфа: «У нас есть теперь, с точки зрения развития международного коммунизма, такое прочное, такое сильное, такое могучее содержание работы (за Советскую власть, за диктатуру пролетариата), что оно может и должно проявить себя в любой форме, и новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые, — не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые, формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма»³.

В своем очерке Павленко напоминает о том, что Дагестан издавна славился удивительными мастерами-умельцами. Дагестанские Кола Брюньэны — оружейники, медники, башмачники, седельные мастера — нередко попадали и в Бухару и в Фец, порой даже переплывали океан.

Но только революция, утверждает писатель, наполнила глубоким смыслом и развернула во всю ширь таланты народных мастеров. В очерке и рассказывается о двух таких замечательных горских самородках-умельцах.

Первый из них — Халил Мусавев из Согратля. Халил — оружейник, это мастер с большой фантазией, он изготовил маузер с секретом в виде обыкновенной тросточки с загостленной. Но это от избытка творческих сил. Вероятно, на эти остроумные пустяки ушел бы талант Халила до революции. Революция раскрыла перед ним широкую дорогу, направи-

¹ В. Луговской. Песня о ветра. М., 1955, стр. 147.

² П. А. Павленко, т. V, стр. 28.

³ Там же, стр. 131.

ла его талант на общественно полезные дела. Халил самостоятельно¹ изобрел машину для сверления бревен и просверлил ею два с половиной километра бревен для аульского водопровода. Халил — мастер на все руки. Он и архитектор и скульптор. Он подарил аулу великолепный памятник Ленину, вытесанный из цельного камня. Под его руководством была построена двухэтажная школа, по наружной стене которой Халил задумал сделать барельеф, изображающий Маркса, читающего народу «Капитал». Не случайно, вспоминая через 25 лет встречу с Халилом, Н. Тихонов называет его «настоящим горским Леонардо да Винчи, человеком большого дарования и большой души»¹.

Подстать Халилу и Нур-Магома Махмудов из Хунзаха. Кузнец по профессии, он построил гидроэлектростанцию в 10 лошадиных сил, которая дала первый свет древнему аулу. Махмудов малограмотен, всю жизнь он прожил в своем высокогорном ауле, никуда не выезжая. Электростанцию он построил по чертежам книг, прочесть которые был не в состоянии. Даже чертежи он наивно называл «прейскурантами». И несмотря на общий сдержанный, суховатый стиль очерка, писатель не может удержаться от выражения лирического восторга перед силой творческого воображения народного умельца. Он восклицает: «Какое гигантское напряжение мозга, какое вдохновение настоящего мыслителя должен был проявить этот застенчивый человек, чтобы вообразить возможные движения книжного рисунка и перенести их внутрь своей старой водяной мельницы»².

В образах замечательных умельцев Павленко прежде всего подчеркивает то новое, что воспитано в них советским строем.

Оба мастера — простые, скромные горцы. Они творят не ради славы или капитала, а потому, что чувствуют веяния нового времени («без машины теперь прожить нельзя», — говорит Махмудов), потому, что перед ними открылись просторы свободной, полной творческих дерзаний жизни.

Очерк «Люди в горах» был опубликован в 1934 году, а в 1935 году на его основе Павленко создает очерк «Дорога в Дагестан», где значительно шире изображает характерные особенности Страны гор. В этом очерке он впервые нарисовал портрет Сулеймана Стальского. Стальскому Павленко посвящает целый ряд очерков и статей («С. Стальский», «Гомер XX века», «Сулейман из Ашага Стали», «Дружба» и др.).

Необходимо отметить, что Павленко принадлежит видная

¹ Н. Тихонов, Посланцы Страны гор, «Литературная газета», 8 апреля, 1960 г.

² П. А. Павленко, т. V стр. 138.

роль в судьбе великого ашуга, который до встречи с русскими писателями был почти неизвестен за пределами Дагестана. Рассказы Павленко, Тихонова и Луговского о встрече в Дагестане с «замечательным старцем» глубоко заинтересовали М. Горького. В своих воспоминаниях о М. Горьком Павленко красочно описывает знакомство двух замечательных людей на первом Всесоюзном съезде писателей: «...Сулейман ужасно волновался и несколько раз даже снимал свою высокую черную папаху, чтобы стереть пот с головы... Стальский был маленького роста, папаху делала его выше, заметнее. Я посоветовал ему не снимать папахи, сидя рядом с высоким Горьким.

—Ах, дорогой,—сказал старик в отчаянии, махнув рукой,—когда гром над тобой, подметками не прикроешься. Одному я рад, что мы оба старики, и хоть в этом деле я старше его,—надеюсь, не посмеется надо мной.

А Горький уже шел навстречу, улыбаясь своей умной улыбкой и широко раскрыв руки для объятий. И, поздоровавшись, тотчас сел, чтобы не возвышаться над Стальским, что могло смутить гостя.

Вечером, попозже, Стальский сказал мне, кивнув в сторону Алексея Максимовича:

—Похожий.

Он твердо и красиво выговаривал это трудное слово на малознакомом ему русском языке, ничего к нему не прибавляя, точно и одного этого слова должно было вполне хватить для определения его мысли.

Не сразу дошла она до меня, каюсь.

—Как на сердце был, так и есть,—раздражаясь, что он плохо понял, добавил старик, и только тут я оценил блестящую краткость его определения»¹.

Яркими, лаконичными деталями Павленко рисует портрет Стальского, воспроизводит его характерные жесты, говорит о манере чтения ашугом своих творений: «Он невысок, сух, общителен. Лицо с короткой черно-седой бородкой и усами, закрученными на концах чуть-чуть вверх,—очень городское, очень культурное, тонкое... Он поет негромким, чуть вздрагивающим старческим голосом, пристально глядя в лицо слушателя и скупно жестикулируя рукой. Движения его руки медленны и очень достойны, продуманны. Правой рукой оттеняя чтение," в левой он часто держит мундштук с папиросой-самокруткой, к которому не прикасается губами, пока не кончит пения.

Он не поет, он получитает, полупоет, он размышляет на-

¹ П. А. Павленко, т. VI, стр. 218.

распев»¹. Во время чтения стихов «его простое, мудрое лицо торжественно».

Павленко так же, как и Н. Тихонов, в своих очерках о С. Стальском прежде всего стремится показать органическую связь ашуга со своим народом. Выходец из народных масс, С. Стальский, уже будучи знаменитым «а всю страну поэтом, продолжал жить жизнью аульчан и заниматься сельским хозяйством. Песни свои он тоже слагал во время работы. Величие Сулеймана Стальского Павленко видел в том, что он черпал свои песни из глубины души народа, а затем возвращал их ому, но уже обогащенными своей мудростью,

Во всех статьях и очерках Павленко образ С. Стальского неизменно предстает прежде всего на фоне родного аула в окружении односельчан: «...вокруг него тихой стеной стояли односельчане. Они возвращались с полей. На плечах их виднелись лопаты и кирки, лица были усталы и вместе с тем как-то по-особому успокоенны. Над саклями аула лежал сладковато-горький дым очагов, бляели овцы. Хозяйки торопились с вечерней едой, но люди, окружавшие Сулеймана, не двигались. Они слушали песни, шевеля губами, улыбаясь, покачивали головами и весело подсказывали своему поэту забытые им слова»², — рассказывает Павленко в статье «Гомер XX века», которой он откликнулся на смерть ашуга.

Красочно показывая все неповторимое своеобразие великого ашуга, Павленко в то же время постоянно подчеркивает широту художественных интересов Стальского. Он, отнюдь, не замыкался в узко местную тематику, источником его мудрости, по утверждению Павленко, являлась «дружба его со всей эпохой, с делами своего времени». «Дружу с тем, что делается вокруг. Весело мне»,—приводит писатель слова, которые любил повторять С. Стальский.

Дружба ашуга с эпохой роднила его с крупнейшими советскими поэтами. Этим и объясняется неожиданное на первый взгляд сравнение С. Стальского с Маяковским. У этих, казалось бы, столь далеких и разных поэтов, никогда не знавших друг друга, оказывается «то же рабочее отношение к стиху, та же воинственность, та же любовь к живому общению с читателем-слушателем»³.

Мысль о единстве патриотических интересов советских писателей всех национальностей подчеркивается и в очерке «Дружба» (1946 г.), в котором Павленко, наряду с образом С. Стальского, рисует образ другого прославленного дагестанского поэта—Гамзата Цадаса.

Павленко показывает экзотическую, на первый взгляд,

¹ П. А. Павленко, т. VI, стр. 69, 70.

² «Правда», № 323, 24 ноября 1937 г.

³ П. А. Павленко, т. VI, стр. 72.

фигуру Гамзата—Гамзата «на боевом посту» в дни Отечественной войны. Укутанный в бурку и башлык, по неделям не слезая с коня, народный поэт Дагестана объезжал горные аулы, потому что всюду необходимо было живое слово поэта — то песня о смельчаках — детях аула, то приветствия молодым, уходящим на фронт, то стихи о женщинах-труженицах.

Но подвижническая деятельность Гамзата была, так сказать, национальной лишь по форме и социалистической по содержанию, потому что Гамзат жил одними интересами со всей страной. Цели и задачи творчества дагестанского поэта ничем по духу не отличались от целей и задач других советских писателей в годы Великой Отечественной войны,—утверждает Павленко.

Павленко не оставил художественной портретной зарисовки Эффенди Капиева, но в статье «Поэзия и жизнь», являющейся рецензией на книгу Капиева «Поэт», он высказал ряд интересных суждений о своеобразии творческого облика выдающегося дагестанского поэта и прозаика: «Горец, он писал по-русски. Русский по своей культуре, он был весь во власти древней горской поэзии, и его литературный вкус, не пренебрегавший Байроном и Стендалем, не чуждавшийся старой иранской поэзии, но выросший и окрепший на русском стихе от Пушкина до наших дней, всегда склонялся к волшебной чистоте устной народной песни — горской песни» Павленко считал Эффенди Капиева чрезвычайно своеобразной, новой и многообещающей фигурой в советской литературе, порождением глубочайшего духовного братства народов нашей страны.

Подлинным поэтическим подвигом Капиева называет Павленко его ярко художественные переводы из Стальского, в которые Каляев вносил дух поэтической широты, присущей ему самому, но в то же время сохранял своеобычность поэзии великого ашуга.

Высокую оценку Павленко получила и книга Капиева «Поэт», в которой предстает вдохновенный образ Стальского.

Павленко и Эффенди Капиева объединяла большая и глубокая дружба. Сам Капиев рассказывал о той дружеской и истинно творческой помощи, которую оказывал ему Павленко: «Когда мои произведения читает Павленко, он критикует меня, и очень сильно критикует. Но он никогда не заменяет мою мысль своей. Он берет мою мысль и показывает мне ее так, что она вдруг становится глубже, значительнее. Он открывает во мне то, что я имею, но еще не успел осознать. И я становлюсь смелее и сильнее»².

¹ П. А. Павленко, т. VI, стр. 140.

² Цитирую по статье И. Егорова «Письмо из Крыма», «Литературная газета», 25 марта 1951 г.

В статье «Памяти павших» Павленко рассказывает о самоотверженной работе Капиева в годы Великой Отечественной войны: «Дагестанец Эффенди Каииав, освобожденный от военной службы по болезни, добился все-таки отъезда на фронт. Он стал вольнонаемным сотрудником солдатской газеты и оказался одним из самых мужественных и храбрых военных корреспондентов. Смерть настигла его не на поле сражения, а на операционном столе, но это была военная смерть, смерть солдата, отдавшего войне все свои силы»

Тема подвигов дагестанцев в годы Великой Отечественной войны ставится в очерке Павленко «Дагестанцы», написанном в 1942 году. В этом очерке Павленко рассказывает о героических деяниях Героя Советского Союза Магомета Гаджиева, о доблестных сабельных схватках легендарного героя гражданской войны Кара Караева, которому было уже за пятьдесят, когда началась Великая Отечественная война. В первые же дни войны он снова добровольно ушел на фронт. Под руководством Кара Караева был сформирован отряд добровольцев Дагестана, в который брали самых достойных представителей городской молодежи. Павленко решает в очерке характерную для его творчества тему преемственности боевых поколений. На фронтах Отечественной войны бок о бок сражались прославленные герои партизанского движения, грудью отстоявшие Советскую власть в горах, и их достойные сыновья и младшие братья.

В очерке описывается геройская смерть кумыка лейтенанта Магомед-Загира Баймурзаева. Будучи раненым, он с десятком бойцов сдерживал превосходящие силы немцев и нанес большой урон противнику. Когда кончились патроны, он забросал немцев гранатами и сам погиб от их осколков. Писатель рассказывает о подвиге безвестного лезгина из Кара-Кюре, который, пожертвовав жизнью, взорвал мост с вражеским эшелоном; о блестящем снайпере Далиеве, чье имя вошло в сводки Совинформбюро, и о героизме многих других дагестанцев.

«Все, что было в горах храброго, отважного, просилось в бой, а попав, творило чудеса отваги,² — делает общий вывод Павленко.

III. А. Павленко, т. VI, стр. 173.

² Сб. «Дагестан в русской литературе», т. II, Махачкала, 1960, стр. 181.

Р. И. ГАЙДАРОВ

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЛЕЗГИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ

Животворное влияние Октябрьской социалистической революции 1917 года и новизну эпохи, которая началась в истории человечества с этого времени, наиболее полно и глубоко, пожалуй, почувствовали малые народы, населявшие отсталые и отдаленные окраины бывшей царской империи. Эти народы получили из рук Советской власти не только одинаковые со всеми остальными народами права, но и впервые обрели возможность по-настоящему развивать свою национальную культуру. К ним относятся народности Дагестана, в их числе и лезгинская народность. За 40 лет, прошедшие со времени установления Советской власти в Дагестане, культура этой ранее отсталой горской народности достигла знаменательных успехов. Лезгины имеют национальную литературу, театр и школу. Выросла лезгинская национальная интеллигенция.

В создании и развитии национальной культуры, ее творческих кадров, равно как и в сложном процессе перестройки жизни и быта трудящихся-лезгин на новых социалистических началах, важнейшую роль играл и играет лезгинский литературный язык—один из шести младописьменных языков Дагестана.

За годы Советской власти наряду с великим русским языком лезгинский литературный язык стал незаменимым проводником идей пролетарской революции среди широких слоев населения, острым оружием Коммунистической партии в борьбе с врагами Советской власти, с вековой отсталостью и религиозными предрассудками.

В данной статье в общих чертах затрагиваются отдельные моменты и тенденции в развитии лезгинского литературного языка и письменности.

Под литературным лезгинским языком понимается язык лезгинской литературы, школы, государственных учреждений, печати и радио. Как и всякий литературный язык, лезгинский литературный в качестве составного элемента входит в общенациональный лезгинский язык, который помимо него включает в себя еще территориальные диалекты. В данном смысле литературный язык представляет более узкое, чем общенациональный язык, понятие. Однако, благодаря расширению сфер употребления, литературный язык в сегодняшней жизни народности приобретает все большее и большее значение.

Разумеется, своеобразие литературного лезгинского языка этим не исчерпывается, напротив, основные особенности, которые собственно и дают право называть его «литературным», заключаются в другом, а именно:

Литературный лезгинский язык является прежде всего нормированным языком, языком письменности; он имеет обязательные для всех, кто им пользуется, грамматические, орфографические и орфоэпические нормы, в основу которых положены особенности одного из местных диалектов, он отшлифован и обогащен мастерами искусства, и в первую очередь, виднейшими представителями художественной литературы; благодаря письменному развитию литературный лезгинский язык в сравнении с диалектами (в том числе и с диалектом, лежащим в его основе) имеет богатый словарный состав и богатую фразеологию. В отличие от лексики диалектов, в словарном составе литературного языка много заимствованных слов, а также новых, созданных как по собственно лезгинским, так и по иноязычным типам словообразования.

Более подробную характеристику лезгинского литературного языка следует начать с решения вопроса о времени его возникновения. Однако в силу того, что литературный лезгинский язык как по времени своего зарождения, так и по дальнейшему развитию неразрывно связан с лезгинской письменностью и литературой, данный вопрос нельзя рассматривать в отрыве от вопросов появления и развития лезгинской письменности и литературы.

Наиболее древней формой лезгинской письменности следует считать так называемый «аджам», т. е. письмо на основе арабской графики. Установить точно, с какого именно времени лезгины стали пользоваться данной письменностью, весьма трудно. До нас дошли поэтические сборники, относящиеся к концу первой половины XIX века. Поэтому условно можно предположить, что лезгинская письменность зародилась не позднее конца первой половины прошлого столетия. Печатных памятников, а также материалов, подтверждающих наличие официального обучения грамоте на основе данной письменности, у нас нет. По-видимому, аджамом пользо-

вались те из лезгин, которые хорошо усваивали арабское письмо.

В начале второй половины XIX века лезгинский язык стал объектом научных исследований известного русского кавказоведа П. К. Услара. Осведомителем П. К. Услара был житель аула Мамрач Казанфарбег. Благодаря совместной работе с ученым, последний научился грамоте на русском языке, а также усвоил созданный П. К. Усларом на основе русской графики (с добавлением отдельных знаков латинского и грузинского письма) кюринский (лезгинский—Р. Г.) алфавит. Кюринский алфавит Услара, несмотря на его специальное назначение, представляет собой очень близкую к практической азбуке систему письма. (В нем 49 графических знаков; в современном лезгинском алфавите—45 букв). Это обстоятельство, по-видимому, послужило одной из причин того, ЧЮ в 1870-х годах Казанфарбег предпринимает попытку распространить среди лезгин грамоту на основе усларовской азбуки. С этой целью он пишет первый лезгинский букварь и в 1871 году печатает его литографским способом в Темирхан-Шуринской типографии Мавраева.

В 1911 году в Тбилиси была издана «Кюринская азбука и первая книга для чтения»—букварь для детей, подготовленный Кавказским учебным округом. Графической основой данной книги также была кюринская азбука П. К. Услара,

Мы не располагаем сведениями о том, имело ли место обучение грамоте по названному здесь двум пособиям, т. е. распространялась ли сколько-нибудь среди лезгин письменность на основе русской графики. Отсутствие других (кроме самих «збук») памятников позволяет думать, что оба начинания остались лишь попытками создать новую форму лезгинской письменности.

Следовательно, аджамское письмо оставалось единственной формой письменности на лезгинском языке в досоветское время. Оно было вытеснено лишь в 30-х годах XX века, после того как на лезгинском языке в 1928 году была создана новая письменность (на латинской основе).

Аналогичным образом следует рассматривать вопрос и о времени возникновения лезгинской литературы.

В 70-х годах XIX века в творчестве братьев Эмина и Мелика Ялсугарских (Етим Эмин и Етим Мелик), а еще раньше (начало XIX в.) в песнях ашуга Сайда Кочхюрского лезгинская поэзия начала жить самостоятельной от фольклора жизнью.

Кроме названных крупнейших и наиболее популярных среди народа поэтов, в лезгинской литературе одно за другим

¹ По утверждению С. М. Омарова, автором азбуки был учитель из Касумкента Лбуджафар Мамедов.

появлялись имена других, разных по своим способностям и взглядам на жизнь поэтов, таких, как Гасан-Эффенди Алкадарский, Рамазан Ашарский, Гаджи Ахтынский, Абдулгамид Чилихский, Курбан Хпеджский, Али Мазинский, Султан Гаджиев и др. Вершиной развития досоветской лезгинской литературы был ранний Сулейман Стальский, который после установления в Дагестане Советской власти, как известно, стал родоначальником лезгинской советской литературы.

Таким образом, литература советского периода составляет только часть лезгинской литературы. Ей (лезгинской советской литературе) предшествовал литературный процесс, продолжавшийся более полувека. Своеобразие дооктябрьской лезгинской литературы заключается в том, что она, в отличие от современной, целиком и полностью состояла из одной только поэзии, которая прокладывала себе путь в труднейших условиях, когда зарождение национальной письменности и литературного языка только намечалось¹.

Больше того, зарождение лезгинской поэзии само имело большое значение для развития лезгинской письменности и литературного языка. С одной стороны, с появлением в большом количестве художественных произведений возникла необходимость (как для самих поэтов, так и для почитателей их таланта) записывать их, хотя бы несовершенными формами письма на основе арабской графики. С другой стороны, в указанных произведениях мы впервые (если не считать произведений устного народного творчества) встречаемся с сознательно обработанной формой языка. В этой связи следует отметить, что рукописи стихов Е. Эмина, Е. Мелика, С. Кочхюрского и некоторых других поэтов прошлого являются единственными из дошедших до нас письменными памятниками лезгинского литературного языка, написанными средствами арабской графики, потому что остальные функции литературного языка для лезгин в то время выполняли другие языки: арабский (религия, наука, шариатское делопроизводство, эпитафии и др.), русский (язык государственных учреждений) и тюркский (азербайджанский; общение с другими народами, частично гражданское делопроизводство, частная переписка, частично художественная литература и др.).

Следовательно, говорить сколько-нибудь конкретно об особенностях литературного языка в прошлом можно только на основе анализа произведений (главным образом таких, кото-

¹ Имея в виду указанную особенность, некоторые авторы (А. А. Агаев) лезгинскую литературу досоветского периода не считают почему-то литературой, а выделяют в особый, промежуточный между фольклором и литературой вид словесности под названием «Письменность» (см. А. Агаев, Лезгийрин литература, Махачкала, 1959, стр. 30).

рые дошли до нас в письменной форме) вышеназванных поэтов.

Так, например, анализ и сравнение языка С. Кочхюрского и Е. Эмина позволяет сделать ряд существенных выводов:

1. Отсутствие специальных письменных памятников, в которых отразился бы народно-разговорный язык эпохи С. Кочхюрского и Е. Эмина, делает невозможным четко определить степень литературности (обработанности) их языка.

Однако сравнение языка названных поэтов, с одной стороны, с нынешними нормами тех говоров, представителями которых они являются, а с другой—с произведениями писателей соседних народов, письменная литература которых к тому времени уже имела установившиеся традиции и достаточно обработанный литературный язык (в данном случае тюркская [азербайджанская] литература), показывает, что произведения дореволюционных лезгинских поэтов написаны таким языком, который, не совпадая ни с одним из лезгинских диалектов, по своей лексике и синтаксису напоминает скорее всего язык соответствующих жанров тюркской (азербайджанской) литературы.

2. Как у С. Кочхюрского, так и у Е. Эмина встречается много заимствований из восточных (арабского, тюркского [азербайджанского] и фарсидского) языков и почти не встречаются слова из -русского языка, как это имеет место в современной лезгинской поэзии.

3. Однако в употреблении указанной категории слов (ориентализмов) у каждого из упомянутых авторов имеются свои особенности. Кочхюрский, например, часто обращается к лексике тюркского (азербайджанского) языка, иногда даже без особой надобности, т. е. при наличии соответствующих лезгинских слов *къара* «черный», *паргъа* «артерия», *уба* «выселок», «хутор», *гуън* «день», *къаралмиш* «проклятый» и др.¹).

Сравнительно мало в стихах С. Кочхюрского арабизмов и особенно фарсизмов. Зато в произведениях Е. Эмина почти отсутствуют тюркизмы¹, которых нет в устно-разговорном лезгинском языке. При этом тюркские (азербайджанские) слова Е. Эмин берет в основном из области собственно поэзии (обращения к возлюбленной: *назлу*, *ширин*, *гуъзел*, *севдугуъм*, *яр*, *дилбер*, *багъалу*, *алагуъзли*, *ашина* и др.), т. е. такие, которые употребляются в подобных целях в самом тюркском (азербайджанском) языке. Фарсидских и арабских слов у Е. Эмина больше, чем у Кочхюрского. К ним относятся: *бедназар* (фарс.) «дурной глаз», *беймирвет* (фарс.) «безжалостный», *бейчара* (фарс.) «безвыходный»; *бени агъад* (араб.)

¹ Иноязычные слова написаны так, как они пишутся в современном языке. При переводе имеется в виду только то значение слова, в каком оно употреблено цитируемым автором.

«никто из смертных», *зайи* (араб.) «истраченный попусту», *саил* (араб.) «нуждающийся; тот, кто просит», *вагьид* (араб.) «бродяга», *тазият* (араб.) «прощание», «отдать последний долг», *исми* (араб.) «имя» и др.

4. Обработанность языка у Е. Эмина большая, чем у С. Кочхюрского. Как по лексическому составу, так и по построению предложений песни С. Кочхюрского ближе к произведениям, с одной стороны, лезгинского, с другой стороны, тюркского (азербайджанского) устного народного творчества, в особенности к ашугским песням. Произведения же Е. Эмина обнаруживают сильное влияние восточной классической поэзии¹. Говоря другими словами, язык Е. Эмина больше отличается от живой разговорной речи, в нем больше элементов так называемой книжности, чем в языке С. Кочхюрского.

5. Наконец, наблюдения над языком С. Кочхюрского, Е. Эмина и др. дореволюционных поэтов приводят к выводу о том, что литературный лезгинский язык берет свое начало на стыке XVIII и XIX веков в творчестве Кочхюрского, а к середине XIX века в поэзии Е. Эмина и Е. Мелика достигает определенного совершенства и выразительности². Однако подобное утверждение требует следующих оговорок:

а) литературный язык XIX века имел очень узкую сферу употребления, он в основном обслуживал зарождавшуюся лезгинскую поэзию, вместе с которой укреплялся сам как ее первоэлемент;

б) весьма незначительным был круг людей, пользовавшихся литературным языком;

в) основной тенденцией в развитии лексики литературного языка того времени было заимствование слов из восточных языков, калькирование фраз и словосочетаний из тюркского (азербайджанского) языка;

г) отсутствие национальной письменности, а потому и письменной литературы в полном смысле этого слова ослабляло силу влияния на процесс становления литературного языка отдельных одаренных мастеров, в результате чего наблюдают-

¹ Мы далеки от мысли о том, что Е. Эмин не использует приемов, образов, элементов и т. п. устного народного творчества, ибо известно, что отдельные его произведения, скажем, стихотворение «Гезка» почти целиком создано из одних только пословиц и поговорок. Однако его использование фольклора подчинено определенным художественным задачам. Средствами фольклора Е. Эмин создает подлинно литературные образы и произведения. В этом отношении Е. Эмина можно сравнить с Н. А. Некрасовым, который, пользуясь отдельными приемами, выразительными средствами, фразами и оборотами, свойственными живой народно-разговорной речи, создавал крупные литературные произведения и значительные образы.

² Поэзию Е. Эмина называют классической, имея в виду, главным образом, степень обработанности языка и совершенство художественно-образительных средств. (М. М. Гаджиев).

ся моменты «подъема» и «спада» в развитии литературного языка.

Особое место в истории лезгинского литературного языка принадлежит выдающемуся народному поэту Сулейману Стальскому, в произведениях которого наиболее полно использовано лексическое богатство языка. В глубоко народной поэзии Стальского наметились и получили развитие основные тенденции современного лезгинского литературного языка.

Оставаясь верным поэтическим традициям своих предшественников, которые сами в той или иной мере соблюдали каноны восточной поэтики, Стальский в то же время смело изменил основу, первоэлемент поэзии — ее язык. Анализ языка его произведений дает основание утверждать, что Стальским была совершена своеобразная реформа литературного языка в сторону его демократизации.

Во-первых, в языке С. Стальского заимствованные из восточных языков слова не занимают того места, какое занимали они в лезгинской поэзии до него. Стальский свел их количество до минимума, употребляя в основном только те из них, которые (из-за отсутствия соответствующих собственно лезгинских) в разговорном языке тогда имели широкое употребление, и, по-видимому, входили в активный фонд лексики лезгинского языка. Вместе с тем Стальский увеличил художественную нагрузку употребляемого им иноязычного слова. Достаточно сравнить лексику стихотворений С. Стальского с лексикой стихов Е. Эмина — одного из ближайших предшественников Стальского.

Так, в стихотворениях С. Стальского «Соловей», «Что к чему» в сравнении с одноименными произведениями Е. Эмина в среднем в 2,5 раза меньше заимствований из восточных языков.

Конкретные цифры следующие:

Произведение и автор	Количество слов		В том числе из восточных языков	То же в %	Примечание
	Всего				
«Соловей»	Е. Эмин	108	33	30,55	Русских слов нет
	С. Стальский	162	18	11,11	2 русских слова
«Что к чему»	Е. Эмин	72	60	80,33	Русских слов нет
	С. Стальский	126	50	39,6	7 русских слов

То же характерно и для других произведений указанных

поэтов. Во-вторых, будучи подлинным поэтом народа, С. Стальский за счет устно-разговорного языка необычайно расширил лексикон лезгинской поэзии. Стальский ввел в поэтический обиход из разговорного языка громадное количество новых слов, кратких и метких до афористичности образных выражений и оборотов. С. Стальский не только открыл для поэзии красоту уже известных до него слов и выражений, но и сам в процессе художественного творчества вместе со стихами создавал новые слова и обороты. Таковы, например, слова: *лезгиз* — наречие от слова *лезги* «лезгин, лезгинский», образованное Стальским по типу качественных наречий, *к/евиз* «громко, крепко», *яргиз* «долго» и т. д., *хьурна* — переходная форма от непереходного в языке глагола *хьун* «быть, являться».

В-третьих, С. Стальский упростил структуру фразы, сделал ее короткой, близкой к устной форме языка. Широко пользуется он неполными предложениями, фамильярными оборотами обращения, характерными для речи народных масс. Например, такими: *иеси кьей* «несчастный», букв. «пусть умрет твой хозяин» — встречается часто (употребляет по отношению к тополю, сороке, деньгам и др.); *я хва кьей кас* «эй, пусть твой сын умрет»; *сивиз кьей* «пусть я умру ради уст твоих» (по отношению к девушке, махорке и др.); *к/валин юкь уц/вей* «пусть рухнет середина очага твоего» (по отношению к мельнику), *я стхяр!* «О братцы» — впоследствии в стихах советского периода больше *юлдашар!* «товарищи», *эй, юлдашар!* «О товарищ!», *кесиб юлдаш!* «товарищ-бедняк!» и т. д.

В-четвертых, С. Стальский первый из лезгинских поэтов использовал заимствования из русского языка. Любопытно отметить, что таковые встречаются еще в самых ранних стихах поэта¹.

В произведениях советского периода число русизмов заметно возрастает².

Наконец, следует указать еще на одну особенность языка Стальского — это его атеистичность, если так можно выра-

¹ Это обстоятельство может служить подтверждением известного мнения о том, что С. Стальский свое первое стихотворение сочинил после того, как находился в городах, общался с русскими.

В данной связи интересно отметить:

а) в первом стихотворении поэта «Соловей» два слова заимствованы лезгинами из русского языка; *машина*, *граммофон*;

б) в произведении «Богачи-чиновники» (1910) — одиннадцать русских слов. Однако здесь они использованы с особой художественной нагрузкой для полноты и рельефности образа чиновника — *начальник, до свидания, погон, огонь, прогон, кастрюлька, пошел, мука, молоко, добрым утром*) — это вообще первый случай в лезгинской литературе использования особенностей языка с подобной целью.

в) Иногда русские слова употребляют поэтом и в других целях (*я перед, я назад тийижиз* — «не зная, что значит перед и что значит назад», т. е. не зная элементарных вещей; *я «нет», я «юх тийижиз»* — не зная, что значит «нет» (по-русски) и что значит «вох» (по-азербайджан-

зиться. Для Стальского, в отличие от предшественников, почти не характерно употребление слов, связанных с мусульманским вероисповеданием. Даже в тех случаях, когда речь идет о представителях духовенства или же об отдельных религиозных обрядах, Стальский, как правило, избегает ожидаемых арабских слов. В поэзии Стальского не только не употребляются такие широко распространенные в устно-разговорном языке обращения к богу, как: *я рабби, халикь, первердигар* и др., но даже слово *аллах* едва ли встречается в поэзии Стальского.

••

Новая полоса в развитии литературного языка начинается в 1928 году, когда был принят лезгинский алфавит на латинской основе. До этого времени в первые годы Советской власти из-за отсутствия национальной письменности ряд функций литературного языка (деятельность госучреждений, преподавание в школе, печать) выполняли тюркский и русский языки. Известную задержку с созданием латинизированной письменности на лезгинском языке, в сравнении с некоторыми другими дагестанскими языками, следует объяснить тем, что среди части руководящих работников республики было распространено неправильное мнение о том, что лезгины одинаково свободно владеют лезгинским и тюркским языками, то есть ставилась под сомнение необходимость развития лезгинской письменности и литературного языка¹.

ски), т. е. нисколько не зная ни русского, ни азербайджанского языка и т. д.

г) любопытен пример использования русизмов в стихотворении «Весна»;

Урус ч/алал рахаз: «Ну-ка,
Сегодня работ много,
Надо больше хлеб, мука,
Корова, масло, молоко...

(Первые слова означают: разговаривая на русском языке). Здесь Стальский зорким глазом художника заметил начавшийся еще в его время (1935—1937 гг.) процесс возникновения двуязычия лезгин, знание родного и русского языков особенно подрастающим поколением.

д) Всего в произведениях Стальского около 500 русских слов.

¹ В деле создания лезгинской письменности особую роль сыграл Р. Гаджибеков—один из первых представителей зарождающейся социалистической культуры Дагестана. Он первый выступил в печати с отрицанием «двуязычия» лезгин и требовал создания письменности на лезгинском языке. Доказывая полноценность лезгинского языка для развития на этом языке литературы, Г. Гаджибеков в 1925 г. в Москве издал первый литературный сборник на лезгинском языке (это было и первой публикацией произведений С. Стальского). Ему, между прочим, принадлежит и честь первого издателя стихов другого крупного лезгинского поэта Е. Эми-а. Вместе с аварцем Шамхаловым Гаджибеков принимал активное участие в разработке алфавитов на основе латинской графики для дагестанских языков (см. «Культура и письменность Востока», кн. II, Баку, 1928).

^{тем} ^{Посл} е обнародования алфавитов Г. Гаджибеков приложил много усилий для создания рациональных орфографий молодых литературных языков, для их быстрой нормализации.

Появившаяся новая письменность расширила сферы применения литературного языка, который до этого в основном обслуживал только одну поэзию. В 1928 году, сразу же после принятия алфавита, начался выпуск литературы на лезгинском языке.

Одновременно велась работа по нормированию письменности. Встал вопрос о выборе диалектной основы для дальнейшего развития литературного языка. Он был решен в пользу кюринского наречия, которое по численности говорящих занимает первое место среди диалектов лезгинского языка. Учитывалась, конечно, и популярность поэзии Е. Эмина и С. Стальского — представителей говоров кюринского наречия. Выбору, по-видимому, способствовало еще и то обстоятельство, что единственное крупное научное исследование по лезгинскому языку — монография известного кавказоведа П. К. Услара — было посвящено говорам, относящимся к данному диалекту лезгинского языка.

Однако вскоре обнаружилась неоднородность самого кюринского наречия, и поэтому появилась тенденция к принятию за основу литературного языка норму так называемых гюнейских говоров бывшего кюринского округа¹.

Что общего между литературным лезгинским языком и гюнейскими говорами?

Во-первых, словарное богатство литературного языка полностью включает в себя лексику гюнейского диалекта. Интересно отметить, что даже в случаях, когда представители других диалектов (главным образом ахтынского) долговременным параллельным использованием своих собственных лексем оспаривали «литературность» тех или иных гюнейских слов, в литературе, как правило, прочно утвердились гюнейские. Таковы, например, первые слова в следующих парах: *кварквалог*—*кеке* «дятел»; *яргъи* *рут* — *хважамжам* «радуга»; *санал*—*саце* «вместе» и др.

Однако следует отметить и то, что в лексике литературного языка имеется ряд слов, которых нет в гюнейских говорах. Например: *инаг* «это место, здесь»; *анаг* «то место, там»; *чулав нукъ* «скворец»; *гъилиганар* «рукавицы».

Во-вторых, почти во всех случаях, когда те или иные грамматические формы слов по диалектам имеют определенные расхождения, за литературную норму принимаются формы, характерные для говоров гюнейского диалекта. К подобным случаям следует отнести падежные формы-местоимения *вуж?* «кто?» и почти всех простых числительных, формы именительного падежа имен прилагательный, причастий и некоторых

¹ Как установлено в настоящее время, в кюринском наречии различаются говоры трех типов: гюнейские, яркинские, курахские, которые отдельными исследователями (Л. И. Жирков) квалифицируются как самостоятельные диалекты лезгинского языка.

местоимений, формы повелительного наклонения глаголов типа *фин*. «идти», *гун* «дать», *рахун* и т. п., «говорить», «разговаривать», *ракъун* «посылать», *ат/ун* «резать» и т. п.; оформление падежей: местного III покоя, местного III удаления и направительного II всех склоняющихся частей речи, употребление глагола-связки *да* рядом со связкой *-я* и др.

В-третьих, литературное произношение совпадает с произношением гюнейских говоров (местоимение *вич* «он сам», произношение чередующихся согласных в основе при изменении односложных собственных имен, регулярное ослабление согласного *н* в конце слога, произношение слов, образованных с помощью суффикса-вал и т. п.).

Вместе с тем можно указать на единичные случаи расхождения фактов литературного языка с данными говоров, которые лежат в его основе. Например, в литературном языке не употребляются глагольные формы *вице* (Испик, Шихикент и др.), *ахад* (Уллу Гатаг), *къекъец* (Магарамкент); им соответствуют формы *гице* «отдай», *ахлад* «иди обратно, иди еще раз», *къекъеч* «отстанись, отойди»), не употребляется в литературном языке и ряд гюнейских слов, обозначающих птиц, растения и др.: *пирлину* «соловей», *бит* «птенчик», *эвелук* «конский щавель».

Вслед за решением вопроса о диалектной основе литературного языка в Касумкенте и окружающих его селениях проводились совещания по выявлению произносительных норм этих говоров. Вместе с этим в научно-исследовательском институте нацкультуры Дагестана началась научная работа по составлению (нормативной грамматики лезгинского языка.

Первые итоги проводившейся по указанным двум направлениям работы подводились на Вседагестанской орфографической конференции, состоявшейся в декабре 1931 года в Махачкале. На этой конференции впервые были приняты и обнародованы орфографические правила лезгинского языка.

Как и во всяком новом деле, в решениях этой конференции имели место известные недочеты и упущения. Так, не были решены вопросы слитного, дефисного и раздельного написаний слов, не были установлены и правила употребления заглавных букв, переноса частей слова и т. д. Кроме того, при установлении правописания заимствуемых русских и интернациональных слов не было учтено особо важное значение русского языка для лезгин, допускался большой отход от правописания подобных слов в русском языке и т. д.

Дальнейшая письменная практика литературного лезгинского языка очень скоро обнаружила указанные выше недостатки. Вот почему через полтора года, в июле 1933 года, была

¹ Отдельные из приведенных здесь примеров сообщены М. А. Алипу-патовым, которому автор выражает свою признательность.

созвана II орфографическая конференция. Эта конференция приняла ряд новых правил по вопросам, которые остались открытыми на предыдущей конференции, а также заменила отдельные из принятых в 1931 году правил новыми, более соответствующими тенденциям развития лезгинского языка. В орфографии заимствуемых из русского языка слов допускалось лишь самое необходимое расхождение с графическими формами данных слов в русском языке. Это решение имело большое значение, так как именно в тридцатые годы происходило самое интенсивное заимствование дагестанскими языками русских и интернациональных слов—терминов

На основе решений II орфографической конференции и изучения опыта литературного языка в 1937 году был составлен первый полный свод правил лезгинской орфографии. Однако Своду не суждено было увидеть свет—через год лезгинская письменность перешла на новую графическую основу: в 1938 году был принят новый лезгинский алфавит на основе русской графики.

Переход на русскую графику в условиях многоязычного Дагестана имел особо важное значение. Школьники почти одновременно стали овладевать грамотой на родном и русском языках.

Немалое значение имело принятие нового алфавита и для дальнейшего развития литературного лезгинского языка. Благодаря этому акту, шире развернулось издание литературы на лезгинском языке. Оно стимулировало более быстрое усвоение норм литературного языка учащейся молодежью, особенно представителями ахтынского, яркинского, курахского диалектов.

Сразу же после перехода на новый алфавит в 1938 году был издан Свод орфографических правил на лезгинском и русском языках, который имел большое значение для нормализации литературного языка. Впоследствии на его основе был создан орфографический словарь лезгинского языка², который вместе с «Грамматикой» проф. Л. И. Жиркова (Махачкала, 1941 г.) сыграл важную роль в деле улучшения преподавания лезгинского языка в школе, а также в подготовке преподавателей родного языка для средней школы.

¹ В 1930 году начинается постепенное вытеснение ряда слов и выражений арабского, фарсидского и тюркского происхождения словами и оборотами, заимствованными из русского языка.

² Автором Свода и Орфографического словаря был покойный М. М. Гаджиев, много сделавший для развития лезгинского литературного языка. Достаточно сказать, что им составлены более десяти школьных учебников, терминологический и переводный русско-лезгинский словари. Немалый вклад внес М. М. Гаджиев в научное изучение лезгинского литературного языка, особенно в области его синтаксиса.

Громадную роль в укреплении и особенно в распространении литературного языка сыграли лезгинская школа, курсы по ликвидации неграмотности, которые были открыты повсеместно, и издание на лезгинском языке книг, а также районных газет. В эти же годы развернулась работа по научному изучению лезгинского языка. Г. Гаджибековым и А. К. Алкадарским были составлены первые учебники по лезгинскому языку. Последний особенно много сделал в деле подготовки первых преподавателей лезгинского языка.

За короткий период молодой литературный язык стал острым, незаменимым оружием, способным довести до широких слоев трудящихся правдивое слово Коммунистической партии и решения Советской власти, могущим полностью обслужить молодую бурно развивающуюся лезгинскую культуру. Что же касается облика нашего языка, его красоты, богатства и точности, словом, всего, что относится к его шлифовке, то это создавалось в процессе его развития, главным образом усилиями представителей лезгинской письменной литературы. С первых же лет создания письменности, вслед за Стальским, в лезгинской литературе появилась замечательная плеяда молодых литераторов. Эта плеяда «молодых», положившая начало лезгинской советской литературе, вместе с тем помогла лезгинскому литературному языку прочно стать на ноги.

В произведениях А. Фатахова, Т. Хурюгского, Б. К. Султанова, С. Шихалиева, З. Эфендиева, М. М. Гаджиева, А. К. Алкадарского, К. Меджидова, М. Эфендиева, А. Муталибова впервые письменно закрепились нормы литературного языка. Вместе с тем в них наметились основные тенденции становления лезгинского литературного языка—близость к народно-разговорному языку, отказ от устаревших восточных слов, широкое использование русизмов, калькирование русских выражений и оборотов и т. п.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., несмотря на то, что многие литераторы и педагоги, плодотворно работавшие в лезгинской литературе, ушли защищать Родину, развитие молодого литературного языка не только не замедлилось, но, наоборот, именно в это суровое время он был по-настоящему отточен.

Этому способствовали республиканская газета «Знамя социализма», созданная по решению ЦК КПСС в 1943 году, и увеличившиеся в эти годы радиопередачи на лезгинском языке. Кроме того, в годы войны в лезгинскую культуру пришла яловая группа одаренных мастеров, много сделавшая для развития лезгинского литературного языка. В их числе народный поэт Дагестана Т. Хурюгский, лезгинские поэты

Э. Мурадов, Мамей Эфендиев, писатель З. Эфендиев, на-

родная артистка Р. Гаджиева, таланты которых раскрылись в годы Отечественной войны.

В послевоенные годы, особенно в годы, прошедшие после исторического XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, когда во все области культуры и в первую очередь в литературу влились свежие силы представителей разных диалектов и профессий, лезгинский литературный язык еще более укрепился. В эти годы выходят из печати десятки книг и произведений писателей Н. Ахмедова, А. Агаева, А. Саидова, И. Гусейнова, Б. Салимова, К. Меджидова, З. Ризванова, Ш. Н. Каflanова и других, начало творчества которых относится к военным и послевоенным годам.

На лезгинском языке стали выходить журналы «Дружба» и «Горянка» (ныне «Новый путь»), улучшила свою работу лезгинская республиканская газета «Коммунист» и многие районные газеты. В двух вузах Махачкалы — Дагестанском государственном пединституте им. С. Стальского (ныне Дагестанский университет им. В. И. Ленина) и женском пединституте им. Г. Цадасы — открылись отделения по подготовке преподавателей родного языка и литературы. В течение последних трех лет подготовлено более полутора ста высококвалифицированных преподавателей родного языка и литературы, в том числе 48 специалистов по лезгинскому языку и литературе. Оживилась и научно-исследовательская работа по изучению лезгинского языка и его наречий. В течение последних 18 лет написаны и защищены 4 кандидатских и 3 докторских диссертации, посвященные лезгинскому языку и литературе. Вышел в свет ряд капитальных трудов, монографий, научных и научно-критических статей, которые освещают важнейшие проблемы развития лезгинской литературы и ее первоэлементов — языка.

В послевоенные годы был открыт Дагестанский филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, который за 10 лет своего существования выпустил в переводе на лезгинский язык целый ряд важнейших трудов классиков марксизма-ленинизма, большое количество общественно-политической литературы и партийных документов.

В декабре 1952 года состоялась научная сессия Дагестанского филиала Академии наук СССР, посвященная вопросам нормализации дагестанских литературных языков. Сессия внесла некоторые изменения в алфавиты и орфографии литературных языков. Были отмечены успехи, достигнутые народами Дагестана в развитии своих литературных языков. Литературные языки Дагестана оказались пригодными не только для создания оригинальных произведений большой художественной силы, но и за короткий срок обнаружили все необходимые качества для перевода на них гениальных произведений русской и мировой классики. Достаточно сказать, что

еще в 30-е годы в переводах Алибека Фатахова и Самуэля Мехтиева (ныне незаслуженно забытого) лезгины познакомились с произведениями Пушкина и Толстого, Низами и Байрона.

В 1958 году на страницах лезгинской республиканской газеты «Коммунист» открылась дискуссия по вопросам дальнейшего усовершенствования лезгинской письменности, в результате которой были намечены пути решения спорных вопросов.

* * *

Мы кратко охарактеризовали основные моменты истории лезгинского литературного языка и письменности. Следует еще отметить, что к настоящему времени в истории лезгинского языка наметились две основные тенденции: с одной стороны, происходит нивелировка, сглаживание диалектных особенностей и постепенное сближение диалектов и литературного языка, а с другой стороны, увеличиваются точки соприкосновения литературного языка с русским языком. При этом влияние русского языка начинает обнаруживаться не только в лексике, но также в фонетике и грамматическом строе (усвоение звуков о, ы, различие мягкости и твердости согласных в заимствуемых словах; ослабление закономерностей словесного ударения, различение (в связи с заимствованием русских суффиксов для образования фамилий от лезгинских имен) грамматического рода, все большее употребление конструкций, характерных для русского языка и т. д.).

В лексике происходит весьма интересный процесс постепенного освоения заимствованных из русского языка слов. Из категорий, понятных немногим, и малоупотребительных слов они переходят в категорию слов широкого обихода, из пассивного словаря — в активный.

Достижения культуры, литературы, становление младописьменных литературных языков, как и вся обновленная жизнь горцев Дагестана,—ярчайший пример ленинской национальной политики Коммунистической партии, замечательный итог славного сорокалетия установления Советской власти в Дагестане.

Б. С. СУЛЕИМАНОВ, Р. И. ЛИХТМАН

К ВОПРОСУ О КЛАССНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном даргинском литературном языке есть еще немало вопросов, которые требуют основательного изучения. К ним относится и вопрос о классных показателях. Некоторые соображения по этому вопросу мы хотим высказать в настоящей статье.

* *

Основные положения о классных показателях в грамматиках даргинского языка сводятся к следующему: в современном даргинском литературном языке существуют классные показатели:

в — мужского рода

р—1) женского рода, 2) множ. числа

б—1) среднего рода, 2) множ. числа

д — множественного числа всех родов¹.

В грамматике Л. Жиркова имеется еще одно указание о показателях д и р- он относит их и к среднему (II) роду в единственном числе².

Думаем, что не все здесь верно и не все достаточно четко и полно изложено.

Начнем с единственного числа.

* *

Бесспорным является принятое в настоящее время в дар-

¹ См. С. Абдуллаев. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954, стр. 72; С. Абдуллаев. Дарган мезла грамматика. (Фонетика ва морфология), Махачкала, 1952. По существу такая же картина «представлена и в работе П. К- Услара «Хоркилинский язык» (Этнография Кавказа, языковедение).

² Л. Жирков. Грамматика даргинского языка, М., 1926, стр. 14.

гинской грамматике положение о том, что в даргинском языке три класса¹: мужской, женский и средний. (О другом мнении, существующем в литературе, см. ниже). Распределение существительных по классам производится в основном по смыслу: к мужскому классу относятся названия лиц мужского пола и такие слова, как *аллагъ* (бог), *малайк* (ангел), *идбаг* (пророк); к женскому классу—названия лиц женского пола: к среднему классу—все остальные существительные.

У большинства самих существительных нет грамматических средств, выражающих их принадлежность к определенному классу.

Обычно принадлежность к классу выражается в формах, согласуемых с существительными: в глаголах, прилагательных, наречиях, а также в некоторых падежных формах склоняемых слов (падеж покоя и удаления). Во всех этих формах звуки *в*, *р*, *б* указывают соответственно на мужской, женский и средний класс, например:

В глаголах: *узн вак/иб* (брат пришел), *руза ракиб* (сестра пришла), *машина бак/иб* (машина пришла).

В прилагательных: *валк/а урши* (хромой мальчик), *ралк/а рурси* (хромо́я девочка), *балк/а хя* (хромо́я собака).

В местном падеже существительных: *урши хъулив лев* (мальчик находится в комнате), *рурси хъулир лер* (девочка находится в комнате), *жита хъулиб ле б* (кошка находится в комнате).

Здесь одно и то же существительное *хъули* (комната) в местном падеже (в данном случае—в падеже покоя) имеет, как и стоящий рядом глагол, разные показатели: *в*, *р* и *б*, в зависимости от того, кто находится в комнате.

То же самое в наречиях, в послелогах, имеющих классные показатели.

В даргинском литературном языке есть, однако, немало случаев, когда в формах мужского класса отсутствует показатель *в*, но отсутствие это обусловлено определенным фонетическим положением.

Во-первых, отсутствие *в* в формах мужского класса наблюдается в начале слова перед звуком *у*: *Али укун* (Али поел) ср. *Сакинат рукун* (Сакинат поела), *кигъа бугун* (баран поел); *ухъна будем* (старый дед)—ср. *рухъна неш* (старая бабушка), *бухъна хя* (старая собака). Нулевой показатель

¹ В существующей школьной практике не употребляется термин *класс*, вместо него принят термин *жинс*, т. е. род, как в русском языке. Термином *род* пользовались П. К. Услар и Л. Жирков в указанных работах. В научной грамматике С. Абдуллаева, написанной на русском языке, употребляются оба термина: род и класс, как однозначные. В настоящей статье принят термин *класс*, согласно традиции, существующей в языкознании по отношению к кавказским языкам.

мы находим и в некоторых существительных: *уриши* (сын), *узи* (брат), *узикъар* (двоюродный брат). Думаем, что отсутствие звука в начале указанных слов не является самостоятельным показателем, его можно считать фонетическим вариантом фонемы в. Очевидно, положение перед у для звука в в даргинском литературном языке является слабым: звук в вообще не встречается в положении перед у.

Во-вторых, в чередуется с нулем и в положении перед и не в начале слова на стыке морфем. При этом звук и с выпадением в, в большинстве случаев, переходит в звук й. Нуль в качестве показателя наблюдается на стыке приставки с производящей основой и «а стыке двух частей в сложных словах: *айэс* (взобраться) образовано от глагола *виэс* (находиться) при помощи приставки а, *гъалайкес* (опередить) образовано от глагола *викес* (попасть) с приставкой *гъа.и*, *пикрилизикиб* (задумался) — от существительного *пикрилизи* и от глагола *викиб*, *гъясиуб* от основ *гъяси* и от глагола *виуб* и т. п. Во всех этих и подобных примерах в качестве показателя мужского класса выступает нуль (ср. в женском классе — *ариэс*, *гъаларикес*, *пикрилизирикиб*, *гъясириуб*; в среднем *абизэс*, *гъалабикес*, *пикрилизибикиб*, *гъясибиуб*), но не как самостоятельный классный показатель, а как фонетическая разновидность показателя в.

Думаем, что точно так же нуль, как разновидность показателя в, характеризует и форму вспомогательного глагола *сай*. Соотношение между формами *сай* «(он) есть» — *сари* «(она) есть» — *саби* «(оно) есть» в сущности представляет собой то же самое, что и соотношение между формами *айэс* — *ариэс* — *абизэс*. И точно так же, как в форме *айэс* показателем мужского класса является нуль, а звук й — разновидностью префиксальной фонемы и, так й в форме *сай* й можно считать фонетической разновидностью суффиксального и (*сари*, *саби*)* а классным¹ показателем мужского класса — нуль в соответствии с показателями р и б для женского и среднего класса¹.

Следует отметить, что классные показатели характеризуют согласуемые формы не только в тех случаях, когда они согласуются непосредственно с существительными, но и тогда, когда эти формы согласуются с местоимениями. Классный показатель здесь определяет реальный предмет (лицо), на который указывает местоимение. Картина в сущности аналогична той, которую мы наблюдаем в русском языке в случаях согласования глагольных форм, имеющих родовые признаки, и форм прилагательных не только с существительными, но и с местоимениями. Сравни:

¹ Кстати, исторически форма *сай* восходит, несомненно, к форме *саг,и* ^{ср.} в современном кубачинском диалекте *саг* в соответствии с литературно-историческим *сай*, претерпевший фонетические изменения (утрату в перед и и изменение и после а в и неслоговое).

ну *вак/ира*, ну *валк/ара*-, я пришел, я хромой
 ну *рак/ира*, ну *ралк/ара*; я пришла, я хромая
 ну *бак/ира*, ну *балк/ара*; я пришло, я хромое
х/у вак/ири, *х/у валк/ари*; ты пришел, ты хромой
х/у рак/ири, *х/у ралк/ари*; ты пришла, ты хромая
х/у бак/ири, *х/у балк/ари*; ты пришло, ты хромое
сай вак/иб, *сай валк/а сай*; он пришел, он хромой
сари рак/иб, *сари ралк/а сари* \ она пришла, она хромая
саби, *бак/иб*, *саби балк/а саби* \ оно пришло, оно хромое.

Кроме указанных классных показателей, в даргинском языке встречаются еще отдельные случаи, когда в глаголах в форме единственного числа выступает как показатель среднего класса аффикс *д* в начале слова.

С. Абдуллаев указывает на это в своей статье «Что дает фольклор для изучения языка?»¹. Он высказывает предположение, что в прошлом средний класс в даргинском языке представлял собой два класса, каждый из которых характеризовался классным показателем *б* или *д*. С этим можно согласиться. Но означают ли эти факты, что в современном даргинском языке есть два показателя среднего класса?

Рассмотрим теперь положение с классными показателями *д* и *б*.

Во-первых, мы находим их в старой поэзии, где одни глаголы, согласуясь с существительными среднего класса, характеризуются показателем *б*, а другие—*д*.

Примеры с *б*²: *Гумай бац/бухъун* или... (Опустело место сборища аульчан). *Убк/ул барх/и ах гъабза*, *Балли урчира бибк/аб*)В день кончины храбреца Пусть и конь его надает). *Шишимайзи ихъиби*, *Ши балтани белири*, *Батараши урх'ьи ии*, *Балтира шалал дуне* (Если *б* люди от тоски, Покидали свой аул, Я *б* покинул белый свет³).

Примеры с *д*⁴: *Азирличу дяв якуъл*... (Сражающийся против тысячи). *Ч/ич/а урк/и циркунил*... (Поевший сердце змеи). *Нуни язихъц,икъани*... (То, что мне жалко). *Гъак/лариб г/ярчумагли*... (Взмахнув плетью). *Х/аьли ах/на гъабзала Ах/яйрар х/ябразир х/яб*, *Шивухъун багъадурла Лир ар гъо дублир ц/илда*. (Нет, прославленный герой, На кладбище не лежит, И надгробья храбрецам ставят на краю дорог).

В первой группе примеров глаголы выступают с показателем *б*: *бац/бухъун*⁵ «опустело» согласуется со словом *гумай* (место для отдыха, где собираются аульчане), *бибк/аб* (пусть падает)—со словом *урчира* (конь), *батараши* (покидали)—

¹ См. «Языки Дагестана», Труды Института истории, языка и литературы народов Дагестана, вып. 1, Махачкала, 1948.

² Примеры взяты из песен Батырая Дагтиз, 1954.

³ Перевод на русский язык Эффенди Капиева.

⁴ Первые три примера взяты из указанной статьи С. Абдуллаева, стр. 144—145.

⁵ Слово сложное, и классный показатель повторен в обеих основах.

со словом *ши* (аул), *балтира* (покинул)—со словом *дуне* {свет}.

Во второй Группе примеров мы йаходим в согласуемых глаголах показатель д — тоже как показатель ср. класса: *дикьул* (делающий) согласуется со словом *дяв* (бой), *ц,ир-кунил* (поевший)—со словом *урк/и* (сердце), *язихъяикъяни* (бывает жалко)—со словом *мукъара* (ягненок) и т. д.

Во-вторых, случаи оформления глаголов показателем д а не б со значением среднего класса встречаются и в современном даргинском литературном языке, в частности в живой разговорной речи. Случаи эти имеют место в следующих выражениях: *гъими&хъун* (зло взяло, дословно—зло вышло); *урки дакъун* (мутило, дословно—сердце мутило); *урк/и гъудурицуб* (тошнило, дословно—сердце переворачивалось); *мире цакъун* (землетрясение было). Слово *мире* в современном даргинском языке не употребляется, его значение неизвестно.

Здесь средний класс выражается показателем д.

Однако отсюда очевидно, что это явление можно считать архаичным, остаточным в языке, как вследствие малочисленности примеров, так и в силу того, что они представляют собою, по-видимому, устойчивые сочетания (в первом примере мы видим даже слияние сочетания в слово).

И в других сочетаниях эти же глаголы в современном даргинском литературном языке оформляются показателем б, согласуясь с существительными среднего класса, например: *Хя дуц/бухъун* (собака побежала), *Х/енкълизи маза гъудур-буиб* (овца смешалась со стадом).

Другие глаголы в других сочетаниях, сочетаясь с данными существительными, тоже оформляются аффиксом -б, а не -д: *Гъими бак/иб* (желчь вышла). *Урк/и бузули саби* (сердце работает).

Следует отметить, что в некоторых говорах не во всех приведенных сочетаниях мы находим показатель д, например, в Нижне-Мулебкинском диалекте и Викринском говоре Муиринского диалекта говорят *урк/и бакъун* в соответствии с литературным *урк/и дакъун*.

Наконец, **в-третьих**, в ряде современных говоров, чаще и свободнее, чем в литературном языке, встречается д как показатель среднего класса единственного числа. Например, в Кайтакском диалекте нами отмечено: *телефон калишив* (телефон установили), в Викринском диалекте: *телефон ка&и-шиб*, в Карбукском диалекте: *кино цак/иб* (кино пришло). Во всех этих случаях в литературном даргинском языке употребляют формы *кабихъиб*, *бак/иб*.

Эти факты, несомненно, свидетельствуют о том, что даргинский язык в прошлом знал и классный показатель д в формах единственного числа, и поэтому можно говорить о

наличии в прошлом двух разных классов, соответствующих современному одному—среднему классу. Однако наличие я в указанных случаях никак не может быть основанием для того, чтобы вообще в современном даргинском языке (литературном, во всяком случае; положение в говорах требует еще детального исследования) можно было считать д классным показателем единственного числа, а следовательно, говорить о двух средних классах. Поэтому мы согласны с тем, что и в грамматике П. Услара, и в грамматиках С. Абдуллаева д не считается классным показателем в формах единственного числа и для современного даргинского языка указываются лишь три класса.

Ввиду всего сказанного мы не видим оснований для утверждения, что в современном даргинском языке четыре класса (рода). Мнение это, недостаточно мотивированное, высказал в своей грамматике Л. Жирков¹. Он считает, что ко II среднему классу в современном даргинском языке относятся некоторые существительные «с общим для всех чисел и лиц родовым признаком д-, -р»: «все это неодушевленные предметы, по большей части вещественного значения, как-то: шин—вода, ний—молоко, гъум—песок и пр.»². Однако, на наш взгляд, эти существительные никак нельзя относить к особому классу.

Действительно, при этих существительных согласуемые формы характеризуются аффиксами д и р, например, *шин* дярг/или *сари* (вода холодная). Но эти д и р никак нельзя считать показателями какого-то особого, IV класса. Дело в том, что формы дярг/или и сари являются формами множественного числа (а во множественном числе д и р вообще характеризуют слова среднего класса, не только с вещественным значением). То, что с вещественными существительными согласование, идет действительно во множественном числе, хорошо видно из тех случаев, когда с этими существительными согласуются прилагательные при помощи суффикса, явно указывающего на множественное число, например: *зуйти шин* (соленая вода), *муритн чай* (сладкий чай) *ах/тн крупа* (хорошая крупа) и т. п. Во всех этих случаях -ти — суффикс со значением множественного числа (ср. *зуйсн хияр* (соленый огурец), *зуйти хиярти*—(соленые огурцы), но при существительном *шин* может быть только форма с -ти и не может быть с -си и т. п. Таким образом, в сочетаниях типа *шин цлрг/или сари* (вода холодная) звуки д и р в деепричастии и вспомогательном глаголе тоже являются аффиксами множественного числа, и поэтому нет никаких оснований для отнесения слов

¹ Л. Жирков, указ. работа, стр. 13—14. Ср., также совсем немотивированное аналогичное утверждение в работе Е. А. Бокарева «Краткие сведения о языках Дагестана». Махачкала, 1949, стр. 14.

² Л. Жирков, там же, стр. 17.

типа *шин* в современном даргинском языке ко II среднему классу.

Аналогичные рассуждения можно привести и по поводу высказанного С. Абдуллаевым предположения о том, что слова *дигай* (любовь), *х/еб* (весна) и т. п. представляют собой остаток II среднего класса¹. С. Абдуллаев основывается на том, что согласуемые с этими существительными формы характеризуются в современном даргинском языке показателем *д*, а не *б*. Однако и в этих случаях аффикс *д* следует рассматривать как аффикс множественного числа, поскольку есть и другие несомненные указания на то, что с этими существительными согласование идет во множественном числе, ср: *ах/ти х/еб* (хорошая весна), *цаибти дигай* (первая любовь).

**

Рассмотрим случаи оформления среднего класса показателя в формах множественного числа.

Во множественном числе согласуемые формы всегда имеют один из трех возможных звуков, отличающих формы множественного числа от форм единственного: *д*, *р*, *б*.

Образование согласуемых форм множественного числа можно представить следующим образом:

Лицо Положе- ние	1—2 лицо		3 лицо	
	в начале слова	не в начале слова	в начале слова	не в начале слова
Класс				
м., ж.	д	р	б	
ср.			д	р

Покажем это на примерах.

В первом и во втором лице согласуемые формы характеризуются двумя звуками в каждой форме: в начале слова всегда бывает звук *д*, а не в начале — *р*. При этом принадлежность к классу ни *д*, ни *р* никогда не показывают. Сравним:

Нуша далк/аби сарра (мы хромые).

Хиуша дак/ирая (вы пришли).

Нуша дак/ира (мы пришли).

Хиуша далк/аби саррая (вы хромые).

В этих примерах формы глаголов *дак/ира* (дак/ирая), *сарра* (саррая), прилагательного *далк/аби* никак не указывают на субъект: женщины это или мужчины или не женщины и не мужчины.

Казалось бы, не может быть сомнений в том, что *д*, как и *р*, не указывая на класс, не могут считаться классными показате-

¹ С. Абдуллаев, указ. грамматика, стр. 74.

телями. Однако у Абдуллаева мы находим именно такое толкование аффиксов *д* и *р*: «Классные показатели во множ. числе в даргинском языке различны не только по классу существительного, но и смотря по тому, к какому лицу относится слово, снабженное классным показателем: множ. число первого и второго лица выражается показателями *д-* (в начале слова) и *-р-* (в середине и конце слова)». Затем после нескольких примеров, автор делает вывод: «В первых двух лицах во мн. числе все классы совпадают по классному показателю *-д*»¹.

Последнее замечание автора, несомненно, верно, но именно поэтому мы никак не можем согласиться с тем, что *д* и *р* являются здесь классными показателями.

В даргинском языке в 1 и 2 лице соотношение единственного и множественного числа аналогично тому, что наблюдается в русском языке. Так, в русском языке мы не находим родового значения в окончании *-и* в формах множественного числа глагола: *мы (вы) пришли*; сравн. в ед. числе различаются родовые формы по окончаниям: *я (ты) пришел, пришла, пришло*; или в окончании *-ые (-ие)* прилагательного: *мы (вы) хромые*, сравн. в ед. числе: *я (ты) хромо́й, хро́мая, хро́мое*.

В даргинском языке, в сущности, то же самое: в формах 1 и 2 л. единственного числа каждый класс имеет свое грамматическое выражение (см. выше примеры), в формах же множественного числа класс никак не выражается. Так же как в русском языке, указанные окончания *-и*, *-ые* и т. п. не являются родовыми показателями, так и аффиксы *-д*, *-р* в указанных даргинских формах множественного числа не могут рассматриваться как классные показатели. Их следует считать аффиксами (префиксами и суффиксами) множественного числа (ср. в единственном числе они отсутствуют).

Другую картину мы находим в 3 лице множественного числа.

Здесь существует противопоставление среднего класса двум другим—мужскому и женскому, например: *муйли бак/иб* (мужчины пришли); *хьунри ба/иб* (женщины пришли); *машина би дак/иб* (машины пришли).

Как видно из примеров, согласуемая с существительным среднего класса форма характеризуется в начале слова звуком *д*, а форма, согласуемая с существительными мужского и женского класса, звуком *б*.

То же самое и на конце слова: *муйли леб* (мужчины есть); *хьунри леб* (женщины есть), *машинаби лер* (машины есть); *муйли хьулиб саби* (мужчины в комнате), *хьунри хьулиб саби*

¹ С. Абдуллаев, указ. грамматика, стр. 73.

(женщины в комнате), *житни хъулир сари* (кошки в комнате).

Здесь формы, согласуемые с существительным среднего класса, имеют -р, в отличие от форм, согласуемых с существительными мужского и женского класса.

Таким образом, в третьем лице в формах множественного числа, несомненно, в качестве классных показателей среднего класса выступают показатели: 1) д, употребляющийся во всех прилагательных и наречиях и в подавляющем большинстве глаголов¹ и 2) -р, употребляющийся в склоняемых словах в падежах покоя и удаления и глаголах (*лер, сари*).

Сложнее решить вопрос об аффиксе -б в указанных примерах в формах, согласуемых с существительными мужского и женского класса. Поскольку -д и -б выражают противопоставление по классам и поскольку д является классным показателем одного класса, б тоже следует считать классным показателем, не различающим мужского и женского класса, но противопоставляющим оба класса третьему.

Из всего сказанного следует, что в даргинском литературном языке можно говорить о следующих шести классных показателях: в, р¹, б¹, б², д, р².

Распределяются они таким образом:

Единственное число		Множественное число	
1-2-3 лица		3 лицо	
м	в	б ²	
ж	р ¹		
ср.	б ¹	д-, р ²	

Речь идет именно о 6 классных показателях, хотя звуков здесь и меньше. Неточность, очевидно, допускает С. Абдуллаев, когда пишет: «В даргинском языке имеются три грамматических класса и четыре классных показателя...

Классные показатели даргинского языка следующие:

в—мужского рода.

-р—1) женского рода, 2) мн. числа,

-б—1) среднего рода 2) — мн. числа,

-д—множественного числа».

Очевидно, судя по числу 4, которым исчисляются классные показатели в даргинском языке, С. Абдуллаев считает аффиксы—омонимы одним и тем же показателем. Во всяком случае,

¹ Имеются в виду слова, которые вообще характеризуются классными показателями.

² С. Абдуллаев, указ. грамматика, стр. 72.

следует сказать, что в даргинской средней школе этот вопрос так и трактуется: говорят, например, что показатель женского рода -р может во множественном числе указывать на любой род.; показатель среднего рода -б может во множественном числе указывать на мужской и женский род. Это мешает учащимся понять самые несомненные и простые случаи разграничения омонимичности и многозначности.

Именно поэтому мы и говорим о б показателях, что r^1 и r^2 , так же как и b^1 и b^2 , представляют собой не один аффикс с разными значениями, а разные омонимичные аффиксы.

..

До сих пор речь шла о классных показателях в согласуемых формах. Однако в даргинском языке есть случаи, когда в самом существительном мы находим классный показатель.

Это, во-первых, существительные, обозначающие живых существ: *узи* (брат), *рузи* (сестра), *бузи* (один из детенышей животного по отношению к другому), *узыкьар* (двоюродный брат), *рузыкьар* (двоюродная сестра), *уриши* (мальчик, сын), *рурси* (девочка, дочка), *вег/* (хозяин), *рег/* (хозяйка), *бег/* (по отношению к животному—в значении «обладатель»).

Во-вторых, сюда относятся названия частей тела, то есть существительные, которые оформляются одним из трех классных показателей—в, -р, -б — в зависимости от того, кому принадлежит данная часть тела: если мужчине—показателем в, женщине—показателем р, не мужчине и не женщине — показателем -б. Например: *вай, рай, бай* (талия); *варг, рарг; барг* (внутренность); *вах, рах/, бах/* (лицо). Круг таких существительных, конечно, лексически ограничен.

Все эти примеры дает и С. Абдуллаев в своей грамматике¹. Но наряду с этими существительными автор приводит и ряд других, в которых он также усматривает классные показатели, например: *дякъ, дяхъи, бут/а, бак/ри* и т. п. С. Абдуллаев считает здесь начальные звуки д и б классными показателями, очевидно, на том основании, что эти существительные являются производными от глаголов, которые снабжены классными показателями. Так, существительное *дякъ* (проход) сопоставляется с глаголом *дукъес, букъес, укъес* (идти), *бак/ри* (нарыв)—с глаголом *бак/ес, раклес, вак/ес, дак/ес* (прийти) и т. д.

Несомненно, что в указанных глаголах есть классные показатели. Однако может ли это обстоятельство являться основанием для определения звуков д и б в указанных производных существительных классными показателями? Думаем, что нет. Конечно, если рассматривать эти существительные с

¹ С. Абдуллаев, указ. грамматика, стр. 74.

исторической точки зрения, то ясно, что этимологически д и б выступают как классные показатели, так как они вошли в производное слово вместе с производящей основой, где они являлись (и являются) классными показателями. Но если рассматривать их с точки зрения современного даргинского языка, то нет никаких оснований считать их классными показателями, так как в даргинском языке не существует соотносительных с ними существительных того же корня, но с показателем другого класса.

Сравним эти существительные с приведенным выше, типа: *узи, рузи...*, *вах/*, *рах/!*..., где можно усматривать классные показатели именно ввиду наличия соотносительных рядов, в которых каждое из существительных снабжено аффиксом, четко указывающим на тот или иной класс.

Мы считаем также, что и в формах *дарг* и *дах/* звук д нельзя считать классным показателем, как делает это С. Абдуллаев. Слова *дарг* и *дах/* противопоставляются, как формы множественного числа соответственно формам единственного числа: *варг, рарг, барг; вах!, рах/, бах/*. Если в единственном числе разные формы указывают на принадлежность к определенному классу, то во множественном числе звук д указывает не на принадлежность к классу, а только лишь на множественное число. Поэтому его следует считать не классным показателем, а префиксом множественности. (Ср. выше—такое же положение с аффиксом д в глаголах в 1 и 2 лице мн. числа). Этот префикс д в указанных существительных в принципе ничем не отличается от других аффиксов множественности, в частности, от суффикса *т*, который употребляется у существительных, обозначающих и женщин, и мужчин: *губдалунт* (губденцы), *лавашакунт* (левашинцы), *къадарунл* (кадарцы)—однако он считается не классным показателем, а лишь суффиксом множественного числа.

Б: И. СКУПСКИЙ

СОВПАДЕНИЕ ФОРМ ИМЕНТЕЛЬНОГО И ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖЕЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

(Статья 2-я)

В настоящей статье¹, (посвященной указанной теме, рассматриваются изменения, приведшие к совпадению форм именительного и винительного падежей множественного числа в *твердом*² варианте склонения существительных мужского рода, а также делается общее заключение о сущности этого явления.

Что касается *состава* твердого варианта склонения существительных мужского рода, то заметим следующее.

По свидетельству древнерусских памятников, с существительными твердого варианта склонения на **-о** мужского рода еще до начала процесса совпадения форм именительного и винительного падежей множественного числа объединились, существительные, принадлежавшие ранее к основам на **-и**. Последние в дальнейшем переживали общие процессы с существительными мужского рода с основами на **-о**. Одним из таких процессов, общих для этих двух ранее различных типов склонений, и было совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа.

Есть основания, следовательно, думать, что форма именительного падежа множественного числа *сыны, меды* и т. п.

¹ Первая статья под тем же названием напечатана в «Ученых записках Дагестанского государственного университета имени В. И. Ленина», т. IV, вып. I, Махачкала, 1959.

² О совпадении форм именительного и винительного падежей множественного числа в мягком варианте склонения существительных мужского рода см. в статье первой. Там же содержатся краткие сведения об известных в научной литературе точках зрения на сущность процессов, следствием которых явилось совпадение форм именительного и винительного падежей у существительных мужского рода в древнерусском языке.

развилась в тех же условиях, что и форма типа *плоды, рабы*. Древнерусские памятники, в частности, свидетельствуют о том, что существительные, принадлежавшие ранее к основам на -и, приняли в значительной степени окончания сущ. мужского рода с основой на -о- также и в именительном падеже множественного числа. Это видно из того, что в древнерусских памятниках XI—XIII вв. включительно, когда почти единственной формой именительного падежа множественного числа от древних основ на -о существительных мужского рода (твердый вариант) была форма на -и; иногда (правда, очень редко) встречаются аналогичные окончания и от древних основ на -и- (рядом с обычным окончанием -ове).

Вот все случаи этой формы, обнаруженные в памятниках этого периода: *дома*—Ефремовская кормчая XII в., 219¹; *дома*—3-я Софийская летопись б²; *вьрси*—Хроника Амартала (XIV в.), 245; также контаминированные формы: *с(ы)н(о)ви*—Русская правда по списку ок. 1282, 16; Ипатьевская летопись, 105 (988) и 170 (1073)³. Можно поэтому думать, что форма именительного падежа множественного числа на -ы у этих существительных заменила собою не исконную форму на -ове, а форму на -и, развившуюся частично под влиянием основ на -о. Характерно при этом, как увидим ниже, что развитие формы именительного падежа множественного числа на -ы от существительных, принадлежавших ранее к основам на -и, происходило в древнерусском языке примерно в то же время, что и у существительных мужского рода, принадлежащих ранее к твердому варианту на -о мужского рода⁴. К сожалению, опубликованные древнерусские памятники дают очень мало материала для какого-нибудь совершенно бесспорного заключения об эволюции именительного падежа множественного числа существительных этого типа.

В соответствии со сказанным целесообразно рассмотреть совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа в твердом варианте склонения существительных мужского рода, не подразделяя его на основы -о и на -и.

С. П. Обнорский. О языке Ефремовской кормчей XII века.—В кн. Исследования по русскому языку, т. III, вып. 1, Спб., 1912, стр. 72.

И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. Спб., 1893, стр. 700.

Ср. также формы именительного падежа множественного числа *х.-ыци, сынови, волови*—в старославянских памятниках.

Подробнее о существительных типа *сынъ* см. Б. И. Скупский. Совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода в древнерусском языке. Кандидатская диссертация, М., 1953, стр. 92 и след.

1. Хронология процесса

Форма именительного падежа множественного числа на -ы от существительных мужского рода встречается иногда еще в памятниках XII века: «отимуться *грехы*»¹—Паремейник XII века²; также «народы текоша» — Юрьевское евангелие ок. 1120 г., 134; «Три же *рогы*... три *це(са)ря* съказаеть» — Слово св. Ипполита, II, 38. Вряд ли, однако, эти случаи свидетельствуют о начале совпадения форм именительного и винительного падежей множественного числа в твердом варианте склонения существительных мужского рода. С большим основанием эти случаи можно отнести за счет старославянского языка³. Характерно в этой связи, что древнейшие русские грамоты, если и употребляют именительный падеж множественного числа от этих существительных, то только на -и (а не -ы): «еже ми отьць даялъ и *роди* съдаяли»—берестяная грамота первой половины XI в.⁴; «выпросили *посли*»—Гр. кас. до снош. № 1а (1267—1259); «снидутся *послуси*»—Гр. кас. до снош. № 1б. (1257—1259); «А на томь *послуси*» РЛА*, № XXVIII, 1266.

Древнейшим примером формы на -ы у существительных мужского рода, который обычно не вызывает сомнений у исследователей, является следующий: «неизмерныя *чины* раставлени⁵ быша». — Житие Нифонта, 1219 г., 334⁶.

¹ Здесь и ниже буква *е* в примерах из древнерусских памятников употребляется вместо буквы *ять*.

² А. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4, 1907, стр. 194.

³ Ср., там же.

⁴ Грамота эта опубликована уже несколько раз. Лучшее издание — А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953, стр. 40—42.

* Объяснение некоторых сокращений.

ДАИ 1—Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. т. 1, СПб, 1846.

ДДГ—Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М—Л, Изд-во АН СССР, 1950. Дв. гр.—А: А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. Части I и II. В кн.: Исследования по русскому языку, т. 2, вып. 3. Изд. ОРАС. Имп. АН СПб., 1903, См. ч. II. Издание 115 грамот XV века, стр. 1—157.

Новг. гр.—А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV века. В кн.: Исследования по русскому языку, т. 1, вып. 2. Спб., изд. ОРАС Имп. АН, 1885—1895. См. Приложение.

РЛА—К. Е. Напьерский. Русско-ливонские акты, собранные К. Напьерским. СПб, 1868.

⁵ У акад. Л. А. Булаховского *раставлены*—неверно (Курс русского литературного языка. стр. 127). Так же у акад. Мейера, 1923, стр. 119.

⁶ Этот пример проф. П. Я. Черных считает недостаточным (Историческая грамматика русского языка, стр. 156), так как, по его мнению, в этом памятнике *и* и *ы* вообще смешиваются. В действительности, однако, *ы* и *и* в Житии Нифонта 1219 г. никогда не совпадают, не смешиваются за исключением нескольких случаев смешения *ры* и *ри*, о чем см. П. О. Потапов. Декілька слів в прозначення текстів в Життя Нифонта.—Матеріали зістор візантійсько-слов'янської культури мови». Одесса, 1929, стр. 10.

Всего в грамотах XIV века форма именительного падежа множественного числа на **-ы** засвидетельствована 18 раз, а форма на **-и** — 15.

Интересно распределение форм на **-ы** в грамотах разных периодов XIV века. В грамотах первой половины XIV века соотношение форм на **-и** и на **-ы** равно 3:1; в грамотах 3-й четверти XIV в. форм на **-и** обнаружено столько же, сколько и форм на **-ы** (по 10); наконец, в грамотах последней четверти XIV в. форма на **-ы** засвидетельствована 6 раз, а форма на **-и** всего дважды, т. е. соотношение старых и новых форм именительного падежа множественного числа равно 1:3.

Если принять во внимание, что некоторая часть старых форм употреблялась в письменных памятниках (в том числе и в грамотах) по традиции, то можно будет предположить, что замена формы именительного на **-и** формой на **-ы** завершилась в живом языке примерно к концу XIV века.

Не только грамоты, но и памятники книжной письменности XIV века содержат значительное количество форм именительного падежа множественного числа на **-ы**. В Хронике Амартола, например, эта форма употреблена 15, в Чудовском завете — 14, в Лаврентьевской летописи 1377 года 21 раз. Отдельные примеры из памятников книжной письменности XIV в. сообщает также акад. А. И. Соболевский¹.

Старая форма именительного падежа множественного числа на **-и** еще довольно часто встречается в памятниках XV—XVI вв. Нередко употребляется она и в грамотах, но, как правило, почти исключительно в одних и тех же словах, (*тиуни*, *наместници*, *послуси* и нек. др.), причем обычно в заставших канцелярских формулах-трафаретах². Известна она и в памятниках деловой письменности XVII—XVIII вв. Но употребление ее здесь все больше и больше ограничивается, причем все чаще попадаются случаи, свидетельствующие о том, что форма эта уже не являлась живой в XV—XVI вв. и тем более в позднейшее время.

2. Происхождение формы именительного падежа множественного числа на **-ы** у существительных мужского рода

Рассмотрим, в какой связи находилось развитие форм

¹ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4, стр. 195.

² Всего в грамотах XV в. форма на **-ы** засвидетельствована 370 раз, форма на **-и** — 167, причем всего от 12 слов, в том числе форма *тиуни* засвидетельствована 64 раза, *наместници* — 42, *послуси* — 42, *десятинници* — 6, *игумени* — 4, по одному разу обнаружены следующие формы: *недрузи*, *дьякони*, *внуци*, *правнуци*, *священници*. Таким образом, большая часть форм именительного множественного на **-и** в грамотах XV в. приходится всего на три слова: *тиуни*, *наместници*, *послуси*, наиболее часто встречающиеся в канцелярских формулах-трафаретах.

именительного падежа множественного числа на **-ы** у существительных мужского рода с двумя другими процессами общего характера—объединением форм твердых и мягких вариантов склонений на **-а** и на **-о** и с обобщением основы в твердом варианте склонений на **-а** и на **-о**. С целью большей последовательности изложения остановимся сначала на связи развития формы именительного падежа множественного числа на **-ы** с объединением форм твердых и мягких вариантов склонений.

Развитие формы именительного падежа множественного числа на **-ы** у существительных мужского рода напоминает процесс объединения форм твердых и мягких вариантов основ на **-а** и на **-о**.

Одним из частных случаев этого процесса явилось установление обязательного соответствия между окончаниями **-ы** в твердых вариантах и **-и** в мягких, не только в склонении на **-а** (родительный падеж единственного числа, именительный, винительный падежи множественного числа), но и в склонении существительных мужского рода (винительный падеж множественного числа).

И только в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода эта обязательность нарушалась: и в твердом, и в мягком вариантах имелось одно и то же окончание **-и**.

До смягчения всех несмягченных согласных перед гласными переднего ряда тождество окончаний твердого и мягкого вариантов в именительном падеже множественного числа не означало еще тождества их форм, так как твердость или мягкость конечных согласных основы перед окончанием **-и** могла служить достаточным средством различения форм, твердого и мягкого вариантов. После же смягчения всех несмягченных согласных перед гласными переднего ряда (в том числе и в винительном падеже множественного числа существительных мужского рода) положение в корне изменилось: формы твердого и мягкого вариантов склонения существительных мужского рода перестали различаться в именительном падеже множественного числа.

Сохранение формы именительного падежа множественного числа на **-и** в твердом варианте склонения существительных мужского рода нарушало ту стройность в соотношении между формами на **-ы** и на **-и**, обязательность которого установилась прежде во всех прочих случаях. Это и могло вызвать необходимость замены старой формы именительного падежа множественного числа на **-и** у существительных мужского рода формой на **-ы**, которая соответствовала бы форме на **-и** в мягком варианте. Вследствие этого и в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода уста-

навливается точно такое же соотношение между формами твердого и мягкого вариантов, какое прежде установилось в связи с объединением форм твердого и мягкого вариантов склонений на -а и на -о во всех других случаях.

Развитие формы именительного падежа множественного числа на **-ы** можно считать, таким образом, тоже одним из частных случаев общего процесса объединения форм твердого и мягкого вариантов склонений на -а и на **-о**.

Доказательство того, что развитие формы именительного падежа множественного числа на **-ы** у существительных мужского рода находилось в связи с общим процессом объединения форм твердого и мягкого вариантов основ на -а и на -о, можно видеть в том, что развитие именительного множественного на **-ы** происходит как раз в одно время с объединением форм указанных вариантов.

Итак, объединение форм твердого и мягкого вариантов началось еще в XI веке. В течение XI—XII вв. этот процесс распространился на все случаи, где формы твердого и мягкого вариантов были различны, за исключением винительного падежа множественного числа существительных мужского рода. К началу XIII века относятся первые примеры этого процесса в винительном падеже множественного числа существительных мужского рода. Еще позднее, с середины XIII века, начинается развитие именительного множественного на **-ы**. Эта форма и в дальнейшем все время отстает в своем развитии от винительного множественного на **-и** в мягком варианте. К концу XIII—нач. XIV вв. заканчивается развитие винительного падежа множественного числа на **-и**, а к концу XIV в.—развитие именительного падежа множественного на **-ы** у существительных мужского рода.

Таким образом, развитие формы именительного падежа множественного числа на **-ы** у существительных мужского рода все время следовало позади всех прочих случаев объединения форм твердого и мягкого вариантов, где установилась обязательность соотношения форм на **-ы** в твердом и на **-и** в мягком вариантах.

Предложенному объяснению, на наш взгляд, нисколько не противоречит то обстоятельство, что развитие именительного падежа множественного числа на **-ы** у существительных мужского рода, рассматриваемое нами как один из частных случаев объединения форм твердого и мягкого вариантов склонений на **-а**- и на **-о**-, происходит позднее всех прочих известных нам случаев объединения твердого и мягкого вариантов склонений на **-а**- и на **-о**-¹. Мы говорили выше, что •

¹ См. критические замечания по нашему адресу проф. П. С. Кузнецова в его «Очерках исторической морфологии русского языка», М—Л, 1959, стр. 66—67.

совпадете форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода, наступившее вследствие установления окончания **-и** в именительном падеже множественного числа мужского рода, привело бы к затруднениям в различении субъекта и объекта действия. Естественно поэтому предположить, что стремление сохранить старое различие форм именительного и винительного падежей множественного числа могло несколько задерживать установление новой формы именительного множественного на **-ы** у существительных мужского рода по сравнению с прочими известными случаями объединения форм твердых и мягких вариантов склонений на **-а** и на **-о**.

Не является чем-то неожиданным и то обстоятельство, что развитие формы именительного падежа множественного числа на **-ы** в твердом варианте склонения существительных мужского рода происходит позднее, чем развитие винительного множественного на **-и** в мягком варианте того же склонения, несмотря на то, что как развитие именительного множественного на **-ы**, так и развитие винительного множественного на **-и** были по своему существу совершенно тождественными процессами, так как каждый из них не только представлял собою частный случай более общего процесса объединения форм твердых и мягких вариантов, но и приводил к совпадению форм именительного и винительного падежей множественного числа в соответствующих разрядах существительных. Замена формы винительного множественного на **е** формой на **-и** в мягком варианте склонения существительных мужского рода представляла собою один из частных случаев «обычного» направления объединения форм твердых и мягких вариантов: форма винительного множественного на **-и** развилась вследствие влияния твердого варианта склонения существительных мужского рода на мягкий.

Форма на **-ы** развилась иначе. Она установилась в твердом варианте склонения существительных мужского рода в соответствии с формой на **-и** в мягком варианте. Естественно, что такое «необычное» направление процесса объединения форм твердых и мягких вариантов могло иметь место лишь в особых условиях, в период наиболее интенсивного действия процессов объединения форм твердых и мягких вариантов.

Таким образом, нет как будто никаких существенных препятствий для того, чтобы считать развитие именительного множественного на **-ы** у существительных мужского рода одним (хотя и особым) из частных случаев более общего процесса—объединения форм твердых и мягких вариантов склонения **-а** и **-о**.

Что же касается связи развития именительного падежа множественного числа на **-ы** у существительных мужского рода с другим процессом—обобщением основы в твердом вари-

анте склонений на -а- и на -о-, то ее можно представить в следующем виде.

В древнерусском языке, как известно, имело место чередование задненебных со свистящими и шипящими в определенных фонетических условиях: *нога*, *ногы*, но нозе. В определенный период истории русского языка произошло обобщение основы у этих существительных и установилась единая основа на задненебный согласный во всех падежных формах, сравн. в современном русском — *нога*, *ноги*, *ноге* и т. п. Процесс этот, согласно показаниям письменных памятников, происходил в течение XI—XIV вв.

Простое сопоставление хронологии обобщения основы у существительных на задненебный согласный и развития формы именительного падежа множественного числа на-ы у существительных мужского рода может служить достаточным свидетельством прямой связи между этими двумя процессами: оба они — если даже и не начинались одновременно — наиболее интенсивно протекали в один и тот же период — в течение второй половины XIII—XIV вв. Очевидно, что форма именительного падежа множественного числа *пастоухи* могла развиваться и из древней *пастоуси* по аналогии с *пастоухъ*, *пастоуха* и т. п., как форма *ноге* из древней *нозе* по аналогии с *нога*, *ногы* и т. п.

Нам кажется, что можно говорить о стремлении к установлению единого типа основы не только у существительных на задненебный согласный, но и у всех остальных существительных мужского рода с конечным твердым согласным основы, а также в местоимениях. Свидетельством этого может быть, например, обобщение основы (по мягкому варианту) у существительных *сосед*, *черт*, *холоп*¹; установление единой основы указательных местоимений во множественном числе и т. п.

А если это так, то можно предположить, что и у существительных мужского рода не на задненебный согласный развитие окончания именительного падежа множественного числа на -ы (вместо древнего -и) могло в определенной степени происходить в связи со стремлением установить единый — твердый тип основы везде, где это возможно.

Итак, развитие формы именительного падежа множественного числа на -ы в твердом варианте склонения существительных мужского рода вообще (т. е. в том числе и формы на -ги, -ки, -хи у существительных на задненебный согласный) представляло собою частный случай двух более общих про-

¹ Подробнее об этом см. Б. И. Скупский. Из истории склонения существительных *сосед*, *черт*, *холоп* в русском языке. — «Ученые записки Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина» вып. 1 1957, стр. 82—88.

цессов, происходивших в древнерусском языке примерно в один и тот же период объединения форм твердых и мягких вариантов склонений на -а и на -о и обобщения основы в твердом варианте этих склонений.

З а к л ю ч е н и е

Итак, совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа в разных разрядах существительных мужского рода произошло в исторически разное время и явилось следствием нескольких общих морфологических процессов: объединения разных типов склонений, объединения форм твердого и мягкого вариантов одного и того же типа склонения и обобщения основы в твердом различии склонений. Такое объяснение подтверждается целым рядом доказательств, из них важнейшие — хронологические данные.

Существующие объяснения¹ оставляют открытым вопрос, почему формы именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода совпали, несмотря на то, что это привело к утрате формального различия субъекта и объекта действия, т. е. к положению, которое вряд ли может быть расценено как шаг вперед на пути к совершенствованию грамматического строя языка по сравнению с его прежним состоянием. Наше толкование, думается, дает возможность ответить на этот вопрос: совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа рассматривается как проявление ряда общих процессов.

Все эти процессы, одним из частных проявлений которых явилось совпадение форм этих двух падежей у существительных мужского рода, имели своим следствием утрату многообразия форм, с различием которых не связывались различия грамматических отношений. Поэтому они могут служить примером того, как совершенствуется в своем развитии грамматическая система русского языка. В этой связи становится понятно, что развитие формы именительного падежа множественного числа, равной винительному, у одних разрядов существительных мужского рода и формы винительного падежа множественного числа, равной именительному множественного, у других как частичное проявление этих процессов тоже может быть рассмотрено в качестве одного из звеньев общих изменений грамматической системы русского языка в направлении к ее совершенствованию. Очевидно, совпадение

¹ См. нашу первую статью «Совпадение форм именительного и винительного падежей у существительных мужского рода в древнерусском языке». — Уч. зап. Дат. госуниверситета, т. IV, вып. 1 (Махачкала, 1960), стр. 265—267.

форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода, явившееся следствием этих изменений и приведшее к некоторым затруднениям в различении субъекта и объекта действия, следует рассматривать как своего рода уступку, на которую пошел язык в связи с действием общих процессов, происходивших в нем.

Все сказанное позволяет сделать общий вывод по вопросу о совершенствовании грамматического строя в процессе своего развития.

Если отдельные, частичные проявления общих процессов, направленных на совершенствование грамматического строя языка, могут иметь следствием также создание отдельных неудобств, затруднений по сравнению с прежним состоянием, то отсюда следует, что грамматический строй языка совершенствуется не строго по прямой линии. Изменения грамматического строя языка, ведущие в общем к его совершенствованию, могут в отдельных своих проявлениях иметь своим следствием и некоторые отклонения от этого общего направления¹.

¹ Вопросу о совпадении форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода в древнерусском языке специально посвящена наша кандидатская диссертация, на которую выше имеются ссылки (защищена в 1953 г.). Вопросу этому уделялось много внимания также в некоторых последующих диссертациях и других научных работах. П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка (М., Изд-во АН СССР, 1959); Г. А. Махароблидзе. Склонение имен существительных в московских деловых документах XV века. Кандидатская диссертация, М., 1954; Ю. П. Ульянов. История склонения имен существительных с основой на *i* в памятниках русской письменности XI—XVII вв. Кандидатская диссертация М., 1956; Т. И. Демидова. История форм именительного падежа множественного числа имен существительных в русских памятниках XII—XVII вв. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1958; см. также ее статьи, опубликованные в Ученых записках ЛПГИ им. Герцена, т. 144, 164, 202. А. А. Тележниковой, В. В. Ананьевой, Г. А. Яковлевой, Л. И. Молодых и др. Не имея возможности осветить результаты наблюдений этих авторов, отсылаем интересующихся к указанной литературе.

М С ШЕРШНЕВА

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Категория залога освещалась многими лингвистами с различных точек зрения. В данной статье не рассматривается проблема залога во всем ее объеме, а ставится ограниченная задача: проанализировать некоторые типы корреляций, которые входят в область залога и не подвергались еще обстоятельному изучению.

В своих суждениях мы исходим из того, что категория залога выражает отношение действия к субъекту и объекту. По своим функциям она связана как с грамматикой, так и с лексикой. Близость категории залога к лексике состоит в том, что она включает в свою сферу определенные модификации лексических значений слов; близость ее к грамматике заключается в том, что она охватывает различные типы отношений между словами, а именно: разные отношения сказуемого к его субъекту и объекту.

В классификации залогов мы придерживаемся точки зрения большинства лингвистов, которые в основу конструирования системы залогов кладут принцип соотносительности форм переходных глаголов и тех же глаголов с присоединением к ним аффикса **-ся**. В разработке соотношений глаголов с **-ся** и без **-ся** сделано много, но недостаточно уделено внимания другим образованиям, соотносительным по залогу.

Поэтому несомненный интерес вызывают соотношения типа *чернигь—чернеть*, о которых в лингвистической литературе почти ничего не сказано. Некоторые замечания о подобных глаголах находим только в работе проф. С. Богородицкого «Общий курс русской грамматики». Образованные от одной и той же производящей основы, но с помощью разных суффиксов, глаголы типа *чернить—чернеть* различаются между собой характером проявления процесса. Так, в глаголе

чернить выражается переходное действие, которое распространяется на объект; оно означает «делать что-либо черным» (*чернить* кожу—делать ее черной. «Забыла волосы *чернить* и через три дни поседела». А. Грибоедов, Горе от ума); иначе: «делать что-либо таким, каково значение производящего имени». *Чернеть* же выражает непереходный процесс, который происходит в самом субъекте, подвергая его изменениям, и означает «становиться черным» («Останови кровь, а она *чернеть* почнет, а там хоть и всю ногу напрочь рубай». Л. Леонов, Сочинения, т. 2, 249); иначе: «субъект испытывает изменения, становясь таким, каково значение производящего имени». Таким образом, различие в образованиях типа *чернить*—*чернеть* состоит в характере проявления действия по отношению к субъекту и объекту: если в *чернить* оно направлено на объект, то в *чернеть* замыкается в субъекте, подвергая его изменению.

Такое проявление действия является выражением залоговых отношений, и поэтому подобные корреляции имеют прямое отношение к категории залога.

Соотношения *чернить*—*чернеть* интересны и тем, что в них переходность и непереходность имеет не только синтаксическое выражение, которое обнаруживается в наличии или отсутствии при глаголе имени в винительном падеже в значении прямого объекта действия, но и морфологическое: в переходных—суффикс **-и-**, в непереходных—**-е-**.

Случаев подобных соотношений, т. е. глаголов переходных, действительного залога, и непереходных, среднего залога, образованных от одной и той же производящей основы, в современном русском языке много, более семидесяти; все они, с точки зрения способов словообразования, представляют довольно стройные ряды. Основную массу составляют простые глаголы, бесприставочные, часть из которых соотносится по залогу и тогда, когда входит в приставочные видовые корреляции; но большинство простых глаголов соотносится только в несовершенном виде.

Назовем их: *богатить*—*богатесть*, *грязнить*—*грязнеть*, *густить*—*густеть*, *беднить*—*беднеть*, *веселить*—*веселеть*, (*повеселить*—*повеселеть*), *желтить*—*желтеть* (*пожелтить*—*пожелтеть*), *зеленить*—*зеленеть* (*позеленить*—*позеленеть*), *кислить*—*кислеть*, *круглить*—*круглеть*, *молодить*—*молодеть*, *паришить*—*паришесть* (*опаришить*—*опаришесть*), *хмелить*—*хмелеть* (*охмелить*—*охмелеть*), *леденить*—*леденеть*, *пестрить*—*пестреть*, *синить*—*синеть* (*посинить*—*посинеть*), *мутнить*—*мутнеть* (*помутнить*—*помутнеть*), *простить*—*простеть*, *пьянить*—*пьянеть* (*опьянить*—*опьянеть*), *плотнить*—*плотнеть*,

¹ С. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Изд. 1935, стр. 163—164.

рябить—рябеть, старить—стареть, сиротить—сиротеть (осиротить—осиротеть), светлить—светлеть (посветлить—посветлеть), солодить—солодеть, темнить—темнеть (потемнить—потемнеть), толстить—толстеть, тяжелить—тяжелеть (отяжелить—отяжелесть), трухлявить—трухляветь (иструхлявить—иструхляветь), худить—худеть, хохлатить—хохлатеть (охохлатить—охохлатеть), чернить—чернеть (почернить—почернеть), охладить—охладеть, оголить—оголеть.

Другие соотношения образуют залоговые корреляции только в приставочной форме, без приставок такие глаголы не образуют залоговых корреляций, так как одна из бесприставочных форм отсутствует в языке:

обрусить—обрусеть, оздоровить—оздороветь, очерствить—очерстветь, обветрить—обветреть, обнажить—обнажить, опошлить—опошлеть, отрезвить—отрезветь, остервенить—остервенеть, издырывать—издырываеть, опаскудеть—опаскудеть, ослабить—ослабеть, расслабить—расслабеть.

В русском языке есть глаголы *русеть*, *здороветь*, *черстветь*, *ветреть*, *нагнать*, *пошлеть*, *трезветь*, *стервенеть*, *дырывать*, *паскудеть*, а глаголов «*русить*», «*оздоровить*» и т. д. в языке нет. В соотношениях *ослабить—ослабеть*, *расслабить—расслабеть* без приставки значения слов расходятся и несоотносительны по залогу.

Наконец, залоговые корреляции встречаются в отыменных образованиях, созданных префиксально-суффиксальным способом: *оболванить—оболванеть*, *обезлесить—обезлесеть*, *обанкротить—обанкротеть*, *обезденежить—обезденежить*, *обезоружить—обезоружеть*, *обессмертить—обессмертеть*, *обесхлебить* (обл.)—*обесхлебеть*, *обезглавить* (кн.)—*обезглаветь* (кн.), *обезлошадить—обезлошадеть* (с-х, обл.), *обезголосить—обезголосеть* (разг.), *обезлюдить* (обл.)—*обезлюдеть*, *обесплодить—обесплодеть*, *обессиловать—обессилеть*, *обезводить—обезводить*, *обезземелить—обезземелеть* и многие другие.

Как показывает материал, система соотношений глаголов *мг-ить*, *-еть*, образованных от одной и той же производящей основы, представляет определенные словообразовательные ряды:

1. Бесприставочные, простые. Некоторые из них представлены в формах совершенного и несовершенного вида.

2. Приставочные. Особенностью их является то, что они не имеют соотношений в форме без приставок (из-за отсутствия одной из бесприставочных форм).

3. Образованные префиксально-суффиксальным способом.

Такие ряды соотношений глаголов в современном языке продуктивны. Они активно пополняются новообразованиями; *злить—злеть*; *хмурить—хмуреть*; *затруднить—затруднеть*; *отменить—окаменеть* и др.

«...а вот начал городить, и до того я озлел, ажник сердце распухло» (М. Шолохов, Тихий Дон.)

«Их лица ясны,
Яснее, чем блюдце,
Где надо—хмуреют,
Где надо—смеются».

(В. Маяковский, Чудеса.)

«Если Союзу день *затруднел*, близкий видится бой ему».
(В. Маяковский, Плюшкин.)

«Между тем болван сидел за самоваром и в бессмысленном испуге, раскрыв рот и выпучив глаза, глядел на свою подругу, почти *окаменившую* его своим появлением». (Ф. Достоевский, Дядюшкин сон.)

Таким образом, соотносительные глаголы типа *чернить* — *чернеть* представляют собой систему регулярных образований, которые различаются по характеру проявления действия, причем соответственные модификации, несомненно, соприкасаются со сферой залога, поэтому они имеют прямое отношение к залоговой категории и должны рассматриваться как ее составная часть.

Наряду с соотношением глаголов на **-ить -еть**, в языке есть и другой вид корреляций, имеющий отношение к залогу, а именно: образования на **-еть, -иться** типа *отрезветь* — *отрезвиться*, но такие корреляции будут более ясны после краткого обзора функций аффикса **-ся** в глаголе вообще и в глаголах второго продуктивного класса в частности.

Аффикс **-ся** при непереходных глаголах принято считать основным морфологическим выражением залога. Присоединяясь к переходному глаголу, аффикс **-ся** делает действие замкнутым в самом субъекте, и таким образом создается целый ряд различных частных залоговых лексико-грамматических оттенков.

Функции аффикса **-ся** в языке разнообразны. В зависимости от характера глагольной основы, ее лексического значения и ряда других причин, аффикс **-ся** выполняет различную роль: он может быть словообразующим и формообразующим.

Словообразующий аффикс **-ся** изменяет первоначальное значение основы, создает совершенно новое слово, новую лексическую единицу, например: *плести*—*плестись*, *брать*—*братся*, *нести*—*нести* и др. *Плести*—это «соединять узкие полосы, нити чего-нибудь, перевивая их и закрепляя в одно целое; изготавливать что-нибудь из соединяемых таким способом полос, нитей», а *плестись*—это «идти медленно и устало, с трудом передвигая ноги» (разговорное).

Словообразовательная функция **-ся** проявляется и в глаголах, образованные путем одновременного присоединения к

основе приставки и аффикса **-ся**: *жить—вжиться, бежать—разбежаться, работать—наработаться, срабатываться* и т. п.

Формообразовательный аффикс **-ся** не влияет на основное лексическое значение глагола, а изменяет его только грамматически. Формализация аффикса **-ся** бывает различной степени: либо полная, либо частичная. В формах страдательного залога происходит полная формализация, так как различие между глаголами с **-ся** и без **-ся** в данном случае только грамматическое. Ср.: «Водитель останавливает вагон» и «Вагон останавливается водителем». «Рабочий выполняет задание в срок» и «Задание выполняется рабочим в срок». Лексическое значение в образованиях: *останавливает* и *останавливается*, *выполняет* и *выполняется* от присоединения аффикса **-ся** не изменилось, они обозначают одно и то же, но различаются грамматически. Слова: *останавливает* и *выполняет* обозначают действие переходное, имеющее отношение к объекту, который стоит в форме винительного падежа (вагон, задание). Это глаголы действительного залога. Иное в глаголах *останавливается* и *выполняется*. Присоединение аффикса **-ся** изменило направление действия и повлекло за собой изменение форм других членов данной синтаксической конструкции: объект действия стал подлежащим, а субъект, приняв форму творительного падежа, стал второстепенным членом.

Таким образом, аффикс **-ся** изменил залоговое содержание глагола, внес страдательно-возвратное значение. Здесь роль аффикса **-ся** грамматическая, формообразующая.

Иное в глаголах *купать—купаться, мыть—мыться, оторвать—оторваться, ругать—ругаться, обнимать—обниматься* и т. д. Глаголы эти находятся на грани между сферой грамматики и сферой словообразования, так как аффикс **-ся**, не видоизменяя основного значения слова, только в той или иной мере модифицирует лексическую и грамматическую природу глагола, его залоговые свойства. Так, если в *купать* выражено действие, которое переходит на другой предмет (купать ребенка), то в *купаться*—действие распространяется на самого деятеля (купать себя).

Аффикс **-ся**, присоединяясь к переходному глаголу, в зависимости от синтаксического окружения указывает, каково отношение действия к субъекту, как оно реализуется, а это отражается и на лексическом значении слова. Так, с помощью аффикса **-ся** вносятся в глаголы частные залоговые значения (собственно-возвратное, взаимно-возвратное, общевозвратное и др.), которые зависят от лексического значения глагола и контекста, в котором он находится. В условиях образования частных залоговых значений функция аффикса **-ся** в основном формообразующая, но с некоторым лексиче-

ским наслоением, поэтому ее можно назвать лексико-грамматической или частично формообразующей.

Словообразовательное значение аффикса **-ся** наблюдается в глаголах первого, третьего, четвертого продуктивных классов: '«...А я лишь теперь понимаю, как надо любить и жалеть, и *прощать*, и *прощаться*». (О. Берггольц. Стихи из дневников, 1939—1956 гг.), *пустить*—*пуститься*, *жаловать*—*жаловаться* и т. п.) и некоторых непродуктивных (*бить*—*биться*, *нести*—*нестись*, *мчать*—*мчаться*), но совсем отсутствуют такие образования от глаголов второго продуктивного класса, что следует объяснить особым значением основы данных глаголов, которые по своей природе являются непреходными. Аффикс **-ся** в таких глаголах выражает только некоторые оттенки отношения действия к его производителю, связанные косвенно с залоговыми отношениями.

В глаголах второго продуктивного класса, выражающих состояние, становление, возможности присоединения аффикса **-ся** очень ограничены, пожалуй, в большей мере, чем у всех других непреходных. Здесь образуется только небольшой ряд слов: *зеленеться*, *желтеться*, *краснеться*, *белеться*, *иметься*, *синеться*, *темнеться*, *светлеться*, *чернеться*, *яснеться*, которые соотносительны с теми же основами, но без **-ся**; причем, это соотношение касается только одного из значений глаголов без **-ся**, а именно: «виднеться в определенном цвете». Эти же глаголы в других случаях вовсе не сочетаются с аффиксом **-ся**, что, по-видимому, следует объяснить спецификой их значений.

Языковедами XIX в. (К. Аксаковым, Ф. Фортунатовым и др.) неоднократно отмечалось, что от присоединения аффикса **-ся** к непреходному глаголу семантика слова не изменяется, усиливается лишь непреходность. Анализ фактического материала показывает, что это давно установившееся положение требует некоторых коррективов.

Между глаголами типа *желтеть* и *желтеться*, *зеленеть* и *зеленеться* есть разница, хотя и трудно уловимая.

Глагол *желтеть* имеет два значения: 1) становиться желтым и 2) выделяться своим желтым цветом, виднеться (о желтом). («Где-то за рекой голосисто подвывала собака, *желтел* огонек». М. Шолохов, Поднятая целина). Глагол *желтеться* имеет одно значение: виднеться (о желтом). («По золотистым полосам скирды *желтелись*. (Языков). В данном случае значения глаголов *желтеть* и *желтеться* весьма сходны, но все же не совпадают полностью.

В. И. Даль, толкуя значения слов *зеленеть* и *зеленеться*, указывает: «...Иные говорят: вот зеленеет лес, ясно и ярко зеленеется, не издали, вблизи, **-ся**, казаться, являться зеленым, особ, издали. По склонам *зелеуются* озими. Что-то вда-

ли *зеленеется*»¹. Такое же толкование может быть применимо и к словам *желтеть* и *желтеться*, которые различаются по степени проявления признака: в *желтеть* признак желтизны проявляется более определенно и активно, чем в *желтеться*, где такой определенности и активности нет.

То же наблюдаем и в глаголах *чернеть* и *чернеться*. Из трех значений глагола *чернеть* (по Толковому словарю под ред. проф. Д. Н. Ушакова) одно почти совпадает с единственным значением глагола *чернеться*: «виднеться (о черных, темных (предметах))». («Хвойные леса, до отказа напитанные влагой, мрачно *чернели* на горных склонах сквозь дым тумана». (А. Авдеенко, Над Тиссой.) «*Чернеется* никнувший лес в убранстве из листьев увялых». (А. Блок, Стихи). Однако, как указывает В. И. Даль, *чернеться*—это «видеться черным, неясно, издалека, являться чернотою. Что-то *чернеется* по овиди, словно конник. В этом же смысле говор, и *чернеть*, если это густая, сильная чернота и вблизи, где и предмет ясең. На гребцах шляпы *чернеют*, кушаки на них алеют, пес». . Такое сравнение проявления признака в *чернеть* и *чернеться* показало, что в *чернеть* признак черноты является ясным, постоянным, присущим предмету, находящимся в нем; предмет как бы сам излучает свою черноту, а в *чернеться* признак проявляется неопределенно, издали, внешне, воспринимается только зрительно. Следовательно, в *чернеть* признак действия проявляется активно, в *чернеться*—пассивно.

Такое различие в проявлении признака у глаголов *чернеть*—*чернеться* создается аффиксом *-ся*, присоединение которого к глаголам рассматриваемого типа исключает определенность, регулярность, активность проявления признака. Вот этот не всегда отчетливо выступающий нюанс в значении в глаголах типа *чернеть*—*чернеться* и есть тот лексический оттенок, который приводит к двум выводам:

1. Усиление непереходности, о которой часто говорят языковеды, создается не присоединением аффикса *-ся* к непереходному глаголу, а предопределяется тем лексическим оттенком, который создается в результате присоединения аффикса *-ся*. Иначе: усиление непереходности есть нечто производное, созданное лексико-грамматическими нюансами, вносимыми в слово.

2. Глаголы типа *чернеть*—*чернеться*, *желтеть*—*желтеться* различаются в значении «виднеться (о чем-то черном, желтом)» определенностью проявления действия: в форме без *-ся* оно протекает отчетливей, определенной, в форме с *-ся* теряется оттенок определенности проявления признака, появляется оттенок неопределенного, в какой-то мере только кажущегося признака неотчетливого проявления действия.

¹ В. Даль. Толковый словарь русского языка. М., т. I, 1955, стр¹ 677.

² Там же.

Все изложенное о функции аффикса **-ся** в какой-то мере проливает свет на некоторые корреляции глаголов, имеющие отношение к категории залога.

Присоединение аффикса **-ся** к некоторым глаголам от основ имен на **-ить** иногда изменяет только направление распространения действия, сравним глаголы: *грязнить*—*грязниться*, *круглить*—*круглиться*. *Грязнить*—это что-то «делать грязным, пачкать» (Эта старая щетка больше грязнит, чем чистит), а *грязниться*—это становиться грязным (Белое платье быстро грязнится); *круглить*—это «делать что-либо круглым, придавать чему-нибудь круглую форму», а *круглиться*—это становиться круглым или виднеться круглым.

Таким образом, в глаголах типа *грязнить*, *круглить* выражено действие, направленное на объект, заставляющее его стать таким, как обозначено в производящей основе, а в *грязниться*, *круглиться*, благодаря аффиксу **-ся**, выражено действие непереходное, оно замыкается в субъекте, выражая становление признака, какой назван в производящей основе. Таких примеров в языке немало: *опошлить*—*опошлиться*, *солодить*—*солодиться*, *старить*—*стариться*, *охладить*—*охладиться*, *отрезвить*—*отрезвиться*, *оздоровить*—*оздоровиться*, *оголить*—*оголиться*, *оподлить*—*оподлиться*, *остервенить*—*остервениться*, *обветрить*—*обветриться*, *обезлесить*—*обезлеситься*, *оболванить*—*оболваниться*, *развеселить*—*развеселиться*, *иструхлявить*—*иструхлявиться*.

Наличие большого количества глаголов на **-иться** со значением становления, состояния направляет наше внимание к другому виду корреляций—типа *отрезветь*—*отрезвиться*, *оголеть*—*оголиться*, *грязнеть*—*грязниться*, *оподлеть*—*оподлиться*, о которых в лингвистической литературе ничего не сказано.

Глаголы такого типа образованы от одной и той же производящей основы, выражают один и тот же процесс, оба непереходные, обозначают состояние, становление, но относятся к разным продуктивным классам — ко второму и четвертому. Такие глаголы образуют закономерные соотносительные ряды с глаголами на **-ить** от той же производящей основы. Ср. *отрезвить* — *отрезветь* и *отрезвить*—*отрезвиться*.

Соотношение типа *отрезвить* — *отрезветь* различается характером проявления процесса, в одном глаголе действие переходит на объект, в другом замыкается в-себе. Такое же явление мы наблюдаем в соотношении типа *отрезвить*—*отрезвиться*, где присоединение аффикса **-ся** сделало глагол непереходным.

Из этих соотношений следует, что глагол *отрезвить* в равной мере соотносится как с глаголом *отрезветь*, так и с глаголом *отрезвиться*.

Схематически это можно изобразить так:

отрезвить $\begin{cases} \text{отрезветь} \\ \text{отрезвиться} \end{cases}$

Таким образом, глагол *отрезвить* соотносится по характеру протекания действия как с глаголом *отрезвиться*, так и с глаголом *отрезветь*, значит, глаголы на *-еть* (типа *отрезветь*), образованные от одной и той же производящей основы, что и глаголы на *-ить*, *-иться*, втягиваются в залоговую систему, имеют прямое отношение к ней и находятся в ее сфере.

Соотношения типа *отрезвить—отрезветь* и *отрезветь—отрезвиться* обнаруживают интересную способность некоторых глаголов второго продуктивного класса на *-еть* соотноситься по залоговым приметам с однокоренными глаголами других классов с аффиксом *-ся* и без него. Эти соотношения можно представить в виде таблицы:

Глаголы 4-го класса на <i>-ить</i>	Глаголы 2-го класса на <i>-еть</i>	Глаголы 4-го класса на <i>-иться</i>
опошлить	опошлеть	опошлиться
солодить	солодеть	солодиться
старить	стареть	стариться
охладить	охладеть	охладиться
отрезвить	отрезветь	отрезвиться
протрезвить	протрезветь	протрезвиться
оздоровить	оздороветь	оздоровиться
оголить	оголеть	оголиться
очерствить	очерстветь	очерствиться
обветрить	обветреть	обветриться
обезлесить	обезлесеть	обезлеситься
оболванить	оболванеть	оболваниться
остервенить	остервенеть	остервениться
округлить	округлеть	округлиться
оподлить	оподлеть	оподлиться
грязнить	грязнеть	грязниться
загустить	загустеть	загуститься
иструхлявить	иструхляветь	иструхлявиться
издыривить	издыриветь	издыривиться
загрязнить	загрязнеть	загрязниться
круглить	круглеть	круглиться (в 1 значении)
просветлить	просветлеть	просветлиться
прояснить	прояснеть	проясниться
замшить	замшеть	замшиться
отяготить	отяготеть	отяготиться

Примеров подобных соотношений глаголов от одной и той же производящей основы на *-еть* и *-иться* в современном языке можно привести довольно много, и, как показывает материал, процесс роста и развития рассматриваемых соотношений не остановился, что подтверждается новообразованиями: к глаголам четвертого продуктивного класса возникли соотно-

сительные глаголы второго класса: злить, злиться — злеть; хмурить, хмуриться — хмуреть и др.

Словари русского языка толкуют такие глаголы как совпадающие по значению, например, в Толковом словаре под ред. проф. Д. Н. Ушакова указывается: *отрезветь* — это «освободиться от опьянения, стать трезвым, трезвее», *отрезвиться* — «то же, что отрезветь»; *оподлеть* — «то же, что и оподлиться», а *оподлиться* — это — «стать подлым, низким, бессовестным»; *опростеть* — «то же, что и опроститься»; *остервенеть* — «то же, что и остервениться»; глагол *стареть* определяется как «становиться старым», а *стариться* — «стареть, делаться старым, достигать старости». В словаре В. И. Даля такие глаголы объединяются союзом *или* и объясняются вместе, ср.: «стариться или стареть» (том 4, стр. 317, изд. 1955 г.). В Словаре русского языка С. И. Ожегова *отрезвиться* объясняется как «отрезветь», *стариться* — «стареть», *оподлеть* и *оподлиться* дается в одной словарной статье и т. д.

Однако есть основание полагать, что если бы такие слова полностью совпали по значению, это были бы дублеты, и одно из них, как правило, вытеснялось бы, чего на самом деле не происходит. Поэтому нужно думать, что между этими формами имеются какие-то различия, раз они параллельно живут в языке. Но эти различия следует искать, видимо, не в реальном значении, так как такие глаголы обозначают один и тот же процесс, а в сфере проявления действия, в сфере залоговой.

При сравнении проявления действия в глаголах второго продуктивного класса на *-еть* и в словах на *-иться* можно заметить, что в последних действие проявляется как бы через субъект, в то время как в глаголах на *-еть* наблюдается проявление действия вообще, замыкающегося в субъекте. Сравним примеры:

«Отрезвился я сполна, мечтанья с глаз долой, и спала пелена». (Грибоедов, Горе от ума). «Человек, ты видишь, в отчаянии; просто остервенился, а ты ему рассудок суешь». (Тургенев). «Волк пришел в остервенение, остервенел на меня». (Даль) «Дети старели. Они на глазах превращались в маленьких стариков и старушек». (Горбатов, Семья Тараса). «Старушка материнским чутьем всепоняла. Поняла и не обиделась: старому стариться, молодому расти». (Полевой, Повесть о настоящем человеке).

Приведенные примеры раскрывают различие в глагольных соотношениях типа *отрезветь—отрезвиться*. Обозначая один и тот же процесс, в формах на *-ся* действие выражается не замкнутым в самом субъекте, а сосредоточенным на нем, воздействующим на субъект и проявляющимся через него. Формы на *-иться* представляют состояние, которое выражено через действие, что отличает их от форм на *-еть*.

Таким образом, между формами на **-иться** и на **-еть**, восходящими к одной и той же производящей основе, есть различие.

Различаются рассматриваемые глаголы и по сочетаемости со словами. Сравним глаголы **стареть** и **стариться**. По значению они выражают одно и то же: делаться старым, достигать старости, по сочетаемости со словами они неодинаковы: к человеку, лицу применимы и *стареть* и *стариться*, но о неодушевленном мы скорее скажем *стареет*, чем *старится* (ср.: мода стареет и мода старится; понятие стареет и понятие старится; память стареет и память старится). Глаголы *грязнеть* и *грязниться* имеют одно значение: становиться грязным, однако форма *грязниться* в современном употреблении более продуктивна: мы скорее окажем о чем-то, что оно грязнится а не грязнеет, напр.: Светлое белье быстро грязнится (а не грязнеет). Стены грязнятся.

Таким образом, корреляции типа *отрезвить*—*отрезветь*, *отрезветь* — *отрезвиться* привлекают к себе внимание тем, что эти пары глаголов выделяются из всех других соотносительных глаголов второго продуктивного класса, хотя и своеобразными, но отчетливо выступающими залоговыми нюансами. Это свидетельствует о том, что широко распространенное мнение, будто глаголы второго продуктивного класса находятся полностью вне сферы залога, требует существенных коррективов.

Л. Р. ЕВСЕЕВА

УПОТРЕБЛЕНИЕ ДАТЕЛЬНОГО БЕСПРЕДЛОЖНОГО И РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖЕЙ С ПРЕДЛОГОМ «ДЛЯ» ПРИ КРАТКИХ И ПОЛНЫХ ФОРМАХ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Частный вопрос об употреблении родительного падежа с предлогом *для* и дательного беспредложного при кратких¹ и полных формах имени прилагательного не стоит изолированно. Он связан с целым рядом проблем русского языкознания. Одной из них является проблема управления вообще и, в частности, управления приаждективного.

Способность имен прилагательных управлять существительными, местоимениями и другими частями речи в значении существительного была отмечена очень давно. Еще М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» (1755 г.) писал, что имя прилагательное может распространяться именем существительным. В дальнейшем это положение развивалось и уточнялось в трудах многих русских языковедов: И. Орнатовского, Н. М. Кошанского, Н. И. Греча, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. А. Шахматова¹ и других.

Однако признавая наличие приаждективного управления, они не касались вопроса о специфике конструктивно-синтаксических свойств кратких и полных прилагательных. Приво-

¹ И. Орнатовский. Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных, Харьков, 1810; Н. М. Кошанский. О русском синтаксисе. Труды любителей российской словесности, ч. XV, 1819; Н. И. Греч. Практическая русская грамматика, СПб, 1827; А. Х. Востоков. «Русская грамматика» Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная, СПб, 1939; Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русск. языка. Синтаксис. М., 1869; А. А. Потебня: Из записок по русской грамматике, т. II, Харьков, 1889; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка». Изд. 2. Л., 1941.

дились примеры преимущественно с краткой формой имени прилагательного в качестве управляющего слова, хотя встречались и отдельные примеры на управление при полных формах имени прилагательного.

Впервые неодинаковую способность полных и кратких прилагательных сочетаться с зависимыми от них существительными отметил А. М. Пешковский. Он считал, что краткая форма прилагательного уже по самой своей форме неразрывно связана с предикативностью, и поэтому она «подобно сказуемому обладает управлением (и при том даже сильным управлением, так как сочетание «он был способен», «был склонен» и т. д. без управляемого имени кажутся неполными)», а полная в этом положении совершенно лишена управления¹.

После высказываний А. М. Пешковского мнение о том, что краткие прилагательные обладают большей способностью к управлению, довольно прочно закрепилось в лингвистической литературе. Способность полных прилагательных управлять именами существительными связывалась лишь с их атрибутивно-предикативной функцией (т. е. функцией обособленного определения)².

Эта точка зрения, сложившаяся в лингвистической-литературе, была подвергнута критике в докторской диссертации проф. Н. Н. Прокоповича «Адъективные словосочетания в современном русском языке». Проанализировав обширнейший материал, Н. Н. Прокопович приходит к выводу, что конструктивно-синтаксические свойства полных прилагательных явно недооценивались. Полные прилагательные обладают широко развитой системой управления. Однако проф. Н. Н. Прокопович не ставил своей задачей исследование управления при кратких и полных прилагательных в сопоставлении, считая, что этот вопрос требует специального изучения³.

Анализ управления при полных и кратких прилагательных представляет интерес для исследователя не только потому, что он помогает решить отдельные вопросы приадъективного управления, но и потому, что он неразрывно связан и с другой проблемой русского языка, проблемой о месте кратких прилагательных в системе частей речи—об их отношении к полным прилагательным и словам «категории состояния».

Процесс взаимодействия полных и кратких прилагательных сложный и противоречивый. С одной стороны, являясь лишь формами полных прилагательных, краткие прилагательные тесно связаны с ними и лексически, и словообразователь-

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 225.

² См., например, работу И. С. Ильинской «Управление как проблема лексики и грамматики». Уч. зап. Московского городского педагогического института. Кафедра русского языка. Вып. 1, т. 5, М., 1941.

³ См. указ. работу, стр. 405.

но, и морфологически. С другой стороны, обособившись от полных прилагательных синтаксически, частично морфологически (утрата склонения), краткие прилагательные стремятся оторваться от них и лексически. Академик В. В. Виноградов пишет:

«Между краткими и полными формами имен прилагательных образуется все более глубокая семантическая грань. В краткой форме имени прилагательного значение качества переходит в значение качественного состояния. Краткие формы при наличии известных условий могут оторваться от полных форм имен прилагательных и переходить в другую¹ грамматическую категорию»².

Эта двойственность и противоречивость связи кратких и полных прилагательных проявляется и в системе их управления. С одной стороны, и краткие, и полные прилагательные могут управлять одними и теми же падежными или предложно-падежными формами существительных или местоимений, но, с другой стороны, почти каждый из типов управления оказывается характерным только для одной из форм имени прилагательного—краткой или полной.

В этом отношении весьма показательно употребление при них родительного падежа с предлогом *для* и дательного беспредложного.

Параллельное употребление родительного падежа с предлогом *для* и дательного беспредложного уже давно было отмечено³ лингвистами. А. М. Пешковский считал, что употребление той или другой формы существительного обусловлено значением конструкции. Он писал: «*для* с родительным имеет только одно значение, и притом не пространственное и не временное. Значение это можно определить как однородное со значением дат. пад., но отличающееся от него «отдаленностью» или «косвенностью» объекта **еще на одну ступень**, так что возможна пропорция: значение *для* с родительным относится к значению дательного так, как значение дательного к значению винительного»³.

Однако в художественной литературе (да и вообще в русском языке) это различие в значении конструкций с дательным и родительным падежом с предлогом *для* не учитывается, и нередко выбор той или иной формы существительного обусловлен лишь стилистическими соображениями.

Например: «Павлу Андреевичу казалось, что они приняли для него какой-то новый, *чуждый ему* отпечаток». (Горький, Нищенка).

¹ Под «другой грамматической категорией» В. В. Виноградов имел в виду категорию состояния.

² В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 264.

³ А. П. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 316.

Прилагательное «чуждый» может управлять и дательным беспредложным, и родительным падежом с предлогом *для*, однако А. М. Горький употребляет при нем дательный падеж, чтобы избежать повторения конструкции.

Н. Н. Прокопович делает ценные замечания относительно употребления родительного падежа с предлогом *для* и дательного беспредложного при именах прилагательных. Он считает, что между родительным падежом с предлогом *для* и дательным беспредложным идет «конкуренция», обусловленная целым рядом факторов. Имена прилагательные, «соотносительные с глаголами и образующие однотипные с ними словосочетания (покорный, верный и под.), оказывают влияние и на те прилагательные, которые с глаголами не связаны (дорогой, милый и под.), или связаны с глаголами, распространяемыми другими падежами (ненавистный, интересный и под.)... В то же время таким прилагательным... присуща способность образовывать и словосочетания с родительным падежом и предлогом *для* (дорогой для меня), также выражающие объектные отношения..., что и обуславливает «конкуренцию» этих двух типов словосочетаний»¹.

Остановимся более подробно на употреблении дательного беспредложного и родительного падежа с предлогом *для* при кратких и полных формах имени прилагательного.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ДАТЕЛЬНОГО БЕСПРЕДЛОЖНОГО ПРИ КРАТКИХ И ПОЛНЫХ ФОРМАХ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Конструкции, где в качестве управляемого слова при имени прилагательном употребляется дательный падеж косвенного объекта, широко распространены и отличаются не только употребительностью, но и разнообразием управляющих прилагательных.

Уже в самом начале изучаемого нами периода²—в произведениях А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова—управление дательным беспредложным отмечается и при кратких, и при полных формах имени прилагательного.

1. «...ямщик поблагодарил его усердным поклоном и, не рассудив за благо въехать в город, отправился в *известное ему* увеселительное заведение...» (Пушкин. Дубровский).

«Приезд Троекурова и прием ему оказанный (были уже *известны* всему околотку». (Пушкин. Дубровский).

2. «Ее легкая, но благородная походка имела в себе что-то девственное, ускользающее от определения, *понятное взору*». (Лермонтов. Герой нашего времени).

¹ Н. Н. Прокопович. Адъективные словосочетания в современном русском языке. Докторская диссертация. М. 1955, стр. 158.

² Материалом для исследования послужили произведения русской художественной прозы от Пушкина до наших дней.

«...коварная нескромность истинного друга *понятна каждому*» (Лермонтов. Герой нашего времени).

В дальнейшем управление дательным беспредложным так же широко распространено и при кратких, и при полных формах имени прилагательного.

Приведем примеры:

1. «Фома, которого крестный привел на торжество после долгих увещаний,—не нашел себе товарища среди этих *неприятных ему* людей.» (Горький. Фома Гордеев)

«Но хотя полюбилась ему работа, в результате которой выходили *полезные людям* вещи, сильно тосковал он по ребячьей жизни.» (В. Кочетов. Журбины).

«Эти слова были *неприятны Фоме*, но они были *полезны ему* тем, что заставляли его так или иначе внутренне откликаться на них.» (Горький. Фома Гордеев).

2. «...почувствовала, что потеряла *дорогого ей* человека». (Горький. Горемыка Павел).

«Я глядел на нее—и как *дорога* и *близка* становилась она *мне*.» (Тургенев. Первая любовь).

3. «Вы будете уже почтенною матерью семейства, а я автором какого-нибудь почтенного, *никому не нужного* статистического сборника.» (Чехов. Верочка).

«А почему их нет, потому что *немцу* они *не нужны*.» (Тургенев. Дым).

4. «Нужно жить всегда влюбленным во что-нибудь, *не доступное тебе*.» (Горький. Фома Гордеев).

«Вы еще молоды, а образование *доступно всем*.» (Горький. Фома Гордеев).

Управлять дательным падежом без предлога могут полные прилагательные во всех синтаксических функциях—атрибутивной, полупредикативной и предикативной. Однако отмечается крайняя ограниченность употребления дательного беспредложного при полных прилагательных в функции сказуемого. Замена краткого прилагательного полным прилагательным без изменения всего строя предложения, за очень редким исключением, невозможна. (См. приведенные выше примеры). В повести А. М. Горького «Фома Гордеев» на 33 примера употребления дательного беспредложного при полных формах имени прилагательного в функции определения приходится всего два примера на употребление дательного беспредложного при полном прилагательном в функции сказуемого. Причем один из них носит разговорно-просторечный характер:

«Ругаюсь—потому, что вижу в тебе что-то не мое... Что оно—не знаю, а вижу—есть... И *вредное* оно тебе...» (Горький. Фома Гордеев).

Во втором примере употребляется прилагательное, не имеющее краткой формы:

«Желтое, безжизненное, с черными пятнами вокруг огромных широко раскрытых глаз—оно было *чужое* ^му.» (Горький. Фома Гордеев).

Как показывает фактический материал, дательный беспредложный чаще употребляется при кратких формах имени прилагательного, чем при полных формах даже в функции определения. Например, в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова употребление дательного беспредложного при кратких прилагательных встречается 26 раз, при полных прилагательных—16 раз. В романе А. М. Горького «Фома Гордеев» дательный беспредложный при кратких прилагательных употребляется 54 раза, при полных прилагательных—33 раза. Даже в «Повести о директоре МТС и главном агрономе» Г. Николаевой, где управление при полных прилагательных встречается значительно чаще, чем управление при кратких прилагательных, дательный беспредложный при кратких формах употребляется 14 раз, а при полных формах—8 раз.

В чем же причина преобладания дательного беспредложного при кратких формах имени прилагательного?

Место дательного падежа несколько особое в системе других падежей русского языка: он широко употребляется при безличных глаголах и словах категории состояния. Косвенное дополнение в форме дательного падежа имени является необходимой структурной частью предложений с безлично-предикативными словами¹.

Дательный субъекта при словах категории состояния «обозначает лицо, которое испытывает то или иное состояние, но не создает и не может мыслиться активным создателем его»².

Косвенное дополнение в дательном падеже при имени прилагательном, как указывает «Грамматика русского языка» изд. Академии наук СССР, «обозначает косвенный объект, т. е. лицо или предмет, по отношению к которому обнаруживается или проявляется тот или иной признак»³.

Иными словами, дательный беспредложный при словах категории состояния характеризуют как «дательный субъекта», а дательный беспредложный при именах прилагательных —как «дательный косвенного объекта». Однако эти различия между дательным субъекта при категории состояния и дательным объекта при именах прилагательных не всегда проявляются в достаточной степени ярко. Возьмем предложения:

¹ См. В. В. Бабайцева. Предложения с безлично-предикативными словами в современном русском языке. Канд. диссертация, 1955.

² Там же, стр. 150.

³ «Грамматика русского языка», т. 2, изд. АН СССР, 1956, стр. 566.

«Между тем *княжне* мое равнодушие было *досадно*». (Лермонтов. Герой нашего времени) и «*Княжне* было *досадно*».

Первое предложение личное, дательный падеж зависит от краткого прилагательного в форме среднего рода. Второе предложение безличное, дательный падеж зависит от категории состояния. Однако значение дательного падежа и в первом, и во втором предложении, на наш взгляд, одно и то же.

Как указывалось выше, краткие прилагательные синтаксически очень близки к словам категории состояния, границы между ними подчас оказываются шаткими и неопределенными.

В ряде случаев краткие прилагательные начинают обозначать не качество, а качественное состояние предмета и, таким образом, сближаются со словами категории состояния лексически¹. Употребляясь в качестве сказуемого в предложениях, где подлежащее выражено неодушевленным существительным, краткие прилагательные обозначают не только признак предмета (подлежащего), но и состояние того лица, которое названо дательным падежом существительного. (Интересно отметить, что в качестве управляемого слова в предложениях данного типа употребляются, как правило, одушевленные существительные или личные местоимения).

«Зависимость моего положения была всегда *мне тягостна*». (Пушкин. Роман в письмах).

«Печальное *нам смешно*, смешное грустно». (Лермонтов. Герой нашего времени).

«...она будет *ему горька*, как память о несбывшихся мечтах первоначальных дней, но *сладка* она будет *тому*, в ком кипят еще силы». (Тургенев. Накануне).

«Вам не может быть *приятна* жизнь, целиком посвященная погоне за рублем». (Горький. Фома Гордеев).

«И это-то упорство было *страшно Аксинье*». (Шолохов. Тихий Дон).

«Это ее качество *мне* было уже *ясно*». (Г. Николаева. Повесть о директоре МТС и главном агрономе).

В предложениях, где подлежащее выражено местоимениями *все* и *это*, связь кратких прилагательных с категорией состояния проявляется еще сильнее. В таких случаях провести границу между кратким прилагательным и словом категории состояния бывает очень затруднительно. Это связано с особенностями лексического значения местоимений *все* и *это*. Большая степень отвлеченности способствует ослаблению у них лексического значения и переходу в частицы. Синтаксическая функция кратких прилагательных становится неопре-

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М—Л, 1947, стр. 263.

деленной. «Морфологическая характеристика слов на «о» в предложениях с подлежащими-местоимениями *все*, *это* и другими очень сложна и противоречива, она зависит от характера местоимения-подлежащего. Чем конкретнее лексическое значение местоимения, тем ближе слово на «о» к категории прилагательного, чем абстрактнее значение местоимения, тем слабее связь слов на «о» с категорией прилагательного»¹.

Косвенное дополнение в форме дательного падежа становится необходимой структурной частью этих предложений, как и предложений с безлично-предикативными словами.

Предложения, где подлежащее выражено местоимениями *все* и *это*, а дательный падеж существительного или местоимения зависит от краткого прилагательного среднего рода на «о», близкого к словам категории состояния, широко распространены в русском языке.

«Ну, пожалуй, *мне* это было бы *приятно*». (Куприн, Олеся). «Вот его и провозжают дальше... Ему что? Он уже мертвый... *ему* это *не больно*, *не обидно*... (Горький. Фома Гордеев). «Сейчас *мне* все *ясно*...» (Г. Николаева. Повесть о директоре МТС и главном агрономе). «Потом они пошли по полуденному парку, где поглуше, и все было *ясно им обоим*». (Леонов. Русский лес). «Откуда у него появился такой огромный талант к этой науке, я и сам, браток, не знаю. Только очень *мне* это было *лестно*, и гордился я им, страсть, как гордился*». (Шолохов. Судьба человека).

Итак, как нам кажется, одной из причин, обусловивших преобладание управления дательным беспредложным при кратких формах имени прилагательного, является их взаимодействие со словами категории состояния, отсутствие резко очерченной границы между ними. Количество примеров на управление при кратких формах имени прилагательного значительно возрастает за счет тех предложений, где синтаксические и морфологические приметы кратких прилагательных становятся неопределенными и иногда допускают двоякое толкование. Лишь наличие формального подлежащего, выраженного местоимением *все* и *это*, поддерживает связь слов на «о» с категорией прилагательного, однако в ряде случаев оно легко может быть опущено без ущерба для содержания предложения.

Близость кратких прилагательных к словам категории состояния ведет к их лексическому обособлению от полных прилагательных. Наличие новых оттенков в лексическом значении способствует увеличению канстрруктивно-синтаксических свойств кратких прилагательных. Управление при кратких прилагательных оказывается в большей степени лек-

¹ В. В. Бабайцева. Переход кратких прилагательных в состав безлично-предикативных слов. Ученые записки Кабардинского гос пед инст вып. 7, 1955, стр. 128.

сически обусловленным, т. е. «более сильным», чем при соответствующих полных прилагательных. Краткие прилагательные: *нужен, доступен, необходим, известен, знаком; мил* (кому-либо), *дорог* (кому-либо) и др., как правило, употребляются вместе с зависимыми существительными, в то время как наличие зависимых существительных при соответствующих полных прилагательных не является необходимым, хотя и возможно.

УПОТРЕБЛЕНИЕ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА С ПРЕДЛОГОМ «ДЛЯ» ПРИ КРАТКИХ И ПОЛНЫХ ФОРМАХ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Приаждективное управление родительным падежом с предлогом *для* в начале 19 в. было менее распространено, чем управление дательным беспредложным, но уже и в этот период родительный падеж с предлогом *для* мог употребляться при кратких и полных формах имени прилагательного.

Например, при полных формах имени прилагательного: «Около получаса прошло в *несносном для него ожидании*». (Пушкин, Барышня-крестьянка).

«Я молчал и, пользуясь суматохой, отошел к окну с Верой, которая мне хотела сказать что-то очень *важное для нас обоих*». (Лермонтов, Герой нашего времени).

При кратких формах имени прилагательного:

«Сия эпоха жизни моей столь *для меня важна*, что я намерен о ней распространиться». (Пушкин, История села Горюхина).

«Наши мужчины так не любезны вообще, что с ними кокетничать должно быть *для умной женщины несосно*». (Лермонтов, Герой нашего времени).

Ввиду сравнительно небольшого количества примеров трудно категорически утверждать, какая из форм имени прилагательного — полная или краткая — употреблялась чаще в данных конструкциях.

В настоящее время управление родительным падежом с предлогом *для* является самым продуктивным среди всех типов приаждективного управления. Круг управляющих прилагательных широк и разнообразен:

1. «...мы впадаем в страшное самообольщение, когда считаем свои писания столь *важными для народной жизни*». (Добролюбов. О степени участия народности в развитии русской литературы).
«...*для нас, русских, особенно важна финансовая сторона*». (Тургенев, Дым).
2. «...ей хотелось быть *нужной для него*». (Горький. Фома Гордеев). «Она *для меня очень нужна*». (Горький. Фома Гордеев).
3. «Иммиграционные власти нашли, что этот человек является, безусловно, *опасным для нынешнего американского*

режима и запретили ему сойти на берег». (Краминов. Американские встречи, «Новый мир», № 3, 1954 г.).

«Затяжка со строительством была особенно *опасна для ко- раблей*». (А. Гусев. Материк тайн, «Пионер», № 1, 1958 г.).

4. «Либо поручение даст к счастливому сопернику, либо избе- рет меня сосудом излияния всяких нежных, но *для меня* совсем *неинтересных* чувств». (Куприн. К славе). «Дейст- вительно, было что-то идиотское в его неторопливых, не- одушевленных движениях, в односложных ответах, в не- умении оживиться и заинтересоваться тем, что было *инте- ресно для всех* его *окружающих*». (Горький. Горемыка Павел).

Однако конструкции, где в качестве управляющего слова употребляются полные формы имен прилагательных, в языке несколько преобладают. Некоторые ограничения в управлении дательным беспредложным у полных прилагательных воспол- няются за счет все возрастающей способности управлять ро- дительным падежом с предлогом *для*.

В ряде случаев, где при краткой форме имени прилага- тельного возможен и дательный и родительный падеж с пред- логом *для*, при полной форме имени прилагательного воз- можен только родительный падеж с предлогом *для*.

Прилагательное «новый» в краткой форме управляет и дательным, и родительным падежом с предлогом *для*, в полной форме—только родительным с предлогом *для*.

1. «И вот, когда она раскрылась, наконец, передо мною, каким пленительным светом озарился ее образ, как он был *нов для меня*». (Тургенев. Ася).

«Все было *ново нам*» (Гончаров. Фрегат «Паллада».)

2. «...на этом прелестном, *новом для меня* лице, в одно мгно- вение отразились, сменяя друг друга, недоумение, испуг, тревога». (Куприн. Брегет).

Прилагательное *тяжелый* в краткой форме управляет и дательным беспредложным, и родительным с предлогом «для»,— в полной форме только родительным с предлогом «для».

1. «Эта мысль была *ему* особенно *тяжела* и неприятна». (Куприн. Дознание).

(Ср. «Эта мысль была *для него* особенно *тяжела* и не- приятна»)

2. «И вслед за тем наступила *тяжелая для всех* минута пол- ного молчания». Горький. Фома Гордеев).

Прилагательное *тягостный*:

1. «Тайна, какого роду ни была бы, всегда *тягостна* *женско- му сердцу*». (Пушкин. Метель).

(Ср. «Тайна, какого роду ни была бы, всегда *тягостна для женского сердца*»).

2. «Ее почему-то очень радовало событие, такое *тягостное для отца*». (Кочетов. Журбины).

Прилагательное *отрадный*:

1. «И так мне были *отрадны* эти горестные ощущения, так упивался». (Тургенев. Первая любовь).

(Ср. «И так для меня были *отрадны* эти горестные ощущения»).

2. «Тогда мне в первый раз пришла страшная для других и *отрадная для меня* мысль о самоубийстве». (Толстой Л. Н., Записки маркера).

Краткие прилагательные, как видно из приведенных выше примеров, довольно широко управляют родительным падежом с предлогом *для*, имеющим значение объекта. Но в целом ряде случаев, там, где при полных прилагательных употребляется родительный падеж с предлогом *для*, при кратких прилагательных более употребительным оказывается дательный беспредложный. Нередко это связано с различиями в оттенках лексического значения кратких и полных прилагательных.

Стремление ряда кратких и полных прилагательных управлять различными предложно-падежными формами подтверждается и статистическими данными. Так, например, в изученной нами литературе при полном прилагательном *трудный* употребление родительного падежа с предлогом *для* встретилось 4 раза, употребление дательного беспредложного не обнаружено ни разу, в то время как при кратком прилагательном *труден* употребление дательного беспредложного представлено также четырьмя примерами. При полном прилагательном *страшный* употребление родительного падежа с предлогом *для* встретилось 8 раз, употребление дательного беспредложного не встретилось ни разу. При кратком прилагательном *страшен* употребление дательного беспредложного встретилось 6 раз, употребление родительного с предлогом *для* не встретилось ни разу. При полном прилагательном *тягостный* управление родительным падежом с предлогом *для* встретилось 2 раза, управление дательным беспредложным не встретилось ни разу; при кратком прилагательном *тягостен* управление дательным беспредложным встретилось 6 раз, управление родительным с предлогом *для* не встретилось ни разу.

Вполне возможно, что наши данные несколько изменились бы, если бы были привлечены другие произведения художественной литературы. Однако это не меняет общего вывода о том, что для ряда полных прилагательных употребление родительного падежа с предлогом *для* более продуктивно, чем употребление дательного беспредложного, в то время как для кратких форм имени прилагательного более продуктивно управление дательным беспредложным, чем родительным па-

т,сжом с предлогом *для*. Употребление родительного падежа с предлогом *для* при кратких формах имени прилагательного как бы встречает противодействие дательного беспредложного.

Интересен тот факт, что даже в тех случаях, когда и при полной, и при краткой форме одинаково возможно употребление и того и другого падежа, при полной форме имени прилагательного все-таки более предпочтительным оказывается родительный падеж с предлогом *для*, при краткой — дательный беспредложный.

1. «Смутно вспоминая свой выпускной спектакль—исполнение заглавной партии в «Шопениане» и дебют в театре в столь *памятной для меня* «Спящей красавице»,—я должна сказать, что была далеко не так технична, как мне бы того хотелось». (Уланова. Школа балерины, «Новый мир». № 3, 1954 г).
«Как *мне памятен* этот угол». (Л. Толстой. Детство, отречение и юность).
- 2- «Иногда, затрудняясь объяснить ей что-нибудь, слишком, по моему мнению, *непонятное для полудикарской ее головы...* я возражал на ее жадные вопросы». (Куприн. Олеса).
«*Мужчинам* не так *понятны* все ужасы нищеты, как женщинам». (Чехов. Ненужная победа).
3. «Я решил поискать ключа к этой высоко *интересной для меня загадке*». (Горький. На соли).
«Однако чувствовалось, что разговор болезненно *интересен ему*». (Ганина. Первые испытания).

Мы уже указывали выше, что, по мнению профессора Н. Н. Прокоповича, между родительным падежом с предлогом *для* и дательным беспредложным идет «конкуренция». Как нам кажется, эта конкуренция поддерживается процессом обособления кратких и полных прилагательных и их стремлением управлять различными формами имени для выражения одного и того же значения. Но, с другой стороны, оставаясь лишь формами одного и того же слова, они все-таки в большинстве случаев сохраняют способность управлять одними и теми же формами имени существительного или местоимения. В связи с этим в настоящее время и дательный падеж без предлога и родительный падеж с предлогом *для* могут употребляться и при кратких, и при полных формах имени прилагательного, но в то же время каждый из падежей становится более продуктивным только при какой-либо одной из форм имени прилагательного—краткой или полной.

Интересны статистические данные относительно употребительности дательного беспредложного и родительного падежа

с предлогом «для» при кратких и полных формах имен прилагательных.

П а д е ж и	Общее количество примеров	Количество примеров при полных формах	Количество примеров при кратких формах
Дательный беспредложный	370	154	216
Родительный с предлогом «для»	338	200	138

Сравнительно небольшая группа прилагательных может управлять и в полной, и краткой форме только дательным падежом без предлога. Замена дательного беспредложного родительным падежом с предлогом *для* оказывается невозможной ни при краткой, ни при полной форме имени прилагательного. Круг таких прилагательных лексически ограничен. В основном здесь намечаются две группы:

1. Имена прилагательные, называющие признак лица по его зависимому, подчиненному отношению к другому лицу или группе лиц: *верный* (в значении «преданный»), *подвластный*, *подконтрольный*, *подсудный*, *покорный*, *послушный*, *преданный*. Сюда же с некоторыми оговорками можно отнести прилагательные *благодарный* и *подверженный*, которые не обозначают признака лица по его зависимому, подчиненному положению.

Для данных прилагательных управление дательным беспредложным возможно и при краткой, и при полной форме.

Например, при краткой форме имени прилагательного: И села и нивы *покорны тебе*. (Пушкин. Песнь о вещем Олеге). «Я не знаю, что со мною будет, но и после смерти Д. останусь *верна его памяти*, делу всей его жизни». (Тургенев, Накануне). «Прошу личную жизнь не затрагивать. Надеюсь, она не *подконтрольна завкому*» (В. Кочетов. Журбины). «Такие дела окружному *суду не подсудны*». (Кононов. Верное сердце).

При полной форме имени прилагательного:

«А между тем, кто не видит, что литература, при всех своих утратах и неудачах, осталась *верною своим благородным преданиям*». (Добролюбов. О степени участия народности в развитии русской литературы). «Это был человек суровый, грубый, смелый, *преданный славянскому делу*. (Тургенев. Накануне). «Народ, в котором и церковь и государство с одинаковым усердием умертвляли душу, стараясь обратить его в *покорную их воле физическую силу*,—народ был лишен и права и возможности создавать свои догадки о смысле жизни...» (Горький. Разрушение личности).

2. Только дательным падежом без предлога управляют имена прилагательные, называющие признак предмета по его соответствию другому предмету: *«подобный, противоположный, равный, равносильный, соразмерный, созвучный, соответственный и др.»*. Хотя круг управляющих прилагательных довольно ограничен, он постепенно все-таки расширяется, главным образом, за счет прилагательных, бытующих в книжном стиле: *аналогичный, адекватный, параллельный, пропорциональный, синонимичный, тождественный* и др. Данные прилагательные могут управлять дательным падежом без предлога и в полной, и в краткой форме.

Например, при краткой форме имени прилагательного: *«Все противоположно прежнему»*. (Гончаров. Фрегат «Паллада»), *«Лицом и фигурой Гиль был подобен русскому богатырю Добрыне Никитичу»*. (С. Виноградарская. Первые годы). *«Процесс образования «я» аналогичен процессу образования эпического героя»*. (Горький. Разрушение личности). *«Отсюда резкость общественной оценки пропорциональна недостаткам работы»*. (Леонов. Русский лес).

При полной форме имени прилагательного:

«Я так же вижу, так же слышу, так же думаю; та же странная непоследовательность, шаткость и легкость в мыслях, столь противоположная тому единству и ясности, которые, бог знает зачем, дано воображать человеку». (Куприн. Белый пудель). *«Если приглядишься внимательно, то ясно увидишь всю ее (гору), подобную гигантскому сказочному чудовищу»*. (Куприн. Листригоны). *«Поэтому мне кажется вероятным, что низшие животные обладают сознанием в мере, пропорциональной степени развития органа этого сознания»*. (Вересаев. Записки врача).

Наличие зависимых существительных в форме дательного падежа без предлога обусловлено семантикой прилагательных и той и другой группы. Влияние семантического фактора оказывается настолько сильным, что управление охватывает и полные, и краткие формы имени прилагательного. На конкретное лексическое значение прилагательных *покорный, подвластный, преданный, подконтрольный* и др. наслаивается дополнительный оттенок в значении, который является общим для всех прилагательных данного ряда: они обозначают признак лица по его зависимому, подчиненному отношению к другому лицу. Поскольку это обобщенное значение сохраняется и у полной, и у краткой формы имени прилагательного, управление дательным беспредложным оказывается возможным для обеих форм имени прилагательного.

То же самое мы можем сказать и о прилагательных *равный, подобный, пропорциональный* и т. д.

Управление и для той и для другой группы прилагательных является сильным, но степень «силы» управления у крат-

ких и полных прилагательных различна. Полные прилагательные легко обогащаются новыми значениями и оттенками значений, которые подчас препятствуют употреблению при них. зависимого существительного в дательном падеже. Например: *преданный друг, покорный взгляд, подобный ответ, равные права* и т. д. У кратких прилагательных новые оттенки в значении появляются значительно реже. Если полные прилагательные могут употребляться и релятивно и абсолютно, то краткие прилагательные данных групп, большей частью (но не всегда), употребляются релятивно. *Подобен* обязательно чему-либо, *предан* кому-либо, *благодарен* кому-либо и т. п.

Таким образом, управление при кратких формах имен прилагательных данного разряда оказывается «более сильным», чем при полных формах. Поэтому наличие зависимых существительных при кратких прилагательных встречается несколько чаще, но это не меняет общего вывода, что имена прилагательные данного разряда могут управлять дательным падежом без предлога и в полной, и в краткой форме.

Э. К. СИЛЬЧЕНКО

ОБОСОБЛЕНИЕ ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Сущность обособления формы множественного числа существительных как способа словообразования заключается в том, что новое существительное появляется в языке на базе другого существительного, словоформа множественного числа которого переосмысливается, расщепляется и выделяет из себя новое слово. Напр. «button» — «пуговица», «buttons» — «пуговицы»
/ «buttons» — «пуговицы»
\ «buttons» — коридорный.

В дальнейшем изложении новое, возникшее в результате обособления¹ существительное будет называться обособившимся, а существительное, послужившее базой для обособления, — исходным.

Вопрос об обособлении в лингвистической литературе специально еще не освещался. Имеются лишь отдельные замечания об этом интересном языковом явлении в ряде пособий по лексикологии и грамматике английского языка². Цель данной статьи — рассмотрение путей обособления и его роли в развитии и обогащении английского языка. Предварительно, в порядке определения наших исходных позиций, кратко излагаются некоторые важные для понимания статьи общие положения, а также вопрос о критериях образования нового слова при обособлении.

Всякое существительное имеет две неразрывно связанные

¹ Обособление здесь есть сокращенное обозначение обособления формы множественного числа существительных в английском языке как способа словообразования.

² См. И. Р. Гальперин и Е. Б. Черкасская. Лексикология английского языка, М., 1956, стр. 50; А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка, 1956, стр. 111 и др.

друг с другом стороны: внешнюю и внутреннюю. Внешняя сторона, называемая нами для удобства изложения оформлением, представляет собой совокупность звукового и графического образов существительного; внутренняя сторона есть совокупность присущих ему лексических и грамматических значений¹. Особенно важное значение при изучении обособления имеют грамматические значения числа. Грамматическое значение единственного числа существительного показывает, что выражаемый им предмет мысли один; грамматическое значение множественного числа, напротив, свидетельствует о том, что обладающее им существительное выражает более чем один принадлежащий к одному и тому же разряду предмет мысли. В противопоставлении двух числовых грамматических значений выявляется внутренняя сторона категории числа существительного.

Числовые грамматические значения существительного находят свое выражение в его числовых грамматических формах, представляющих собой основу существительного плюс числовые словоизменятельные морфемы; последние и являются непосредственными выразителями грамматических значений числа существительного.

У подавляющего большинства английских существительных числовая словоизменятельная морфема единственного числа представлена нулем, а словоизменятельная морфема множественного числа формантом-s (напр., *table* «стол» — *tables* «столы»). В значительно более редких случаях, однако, последняя может иметь и нулевое выражение, в результате чего обе числовые словоформы существительного получают одинаковое оформление (напр. *sheep* «овца» — *sheep* «овцы»)². Нулевые словоизменятельные морфемы в них, естественно, имеют разный характер (нуль и нуль¹), так как они выражают разные числовые грамматические значения. Нулевые словоизменятельные морфемы числа могут иметь место как у существительных, оформленных в виде единственного, так и у существительных, оформленных в виде множественного числа (напр. *sheep* «овца» — *sheep* «овцы», *works* «завод» — *works* «заводы»). Грамматическая форма существительного и его оформление — явления разнопорядковые.

В зависимости от отношения к категории числа³ англий-

¹ Об основных типах лексических значений см. И. Р. Гальперин, Очерки по стилистике английского языка, М., 1958, стр. 105—123.

² А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 24; Его же. Лексикология английского языка, М., 1956, стр. 25—26.

³ Говоря о категории числа существительных, мы имеем в виду только ее морфологический компонент, т. е. числовые грамматические значения, числовые грамматические формы и словоизменятельные морфемы числа существительных. С точки зрения синтаксиса, все английские существительные исчисляемы. О числовых словоформах существительных мы также говорим с учетом только их морфологических данных.

ские существительные делятся на исчисляемые и неисчисляемые. Исчисляемое, т. е. обладающее категорией числа существительное, представляет собой совокупность двух числовых словоформ: единственного и множественного числа, каждая из которых характеризуется соответственно грамматическими значениями единственного и множественного числа, а также выражающими их числовыми словоизменительными морфемами. Совокупность двух числовых словоформ (двух числовых грамматических значений и двух числовых словоизменительных морфем) для исчисляемого существительного обязательна, ибо присущая ему категория числа и выявляется в их противопоставлении. Очевидное наличие одной числовой словоформы существительного означает непременно наличие и другой; напротив, полное отсутствие одной числовой словоформы есть полное отсутствие и другой, т. е. категории числа существительного в целом.

Исчисляемыми, между прочим, являются и существительные типа *trousers* «брюки», традиционно рассматриваемые как существительные, имеющие только форму множественного числа. С нашей точки зрения, они являются словоформами единственного числа, если обозначают один предмет, т. е. имеют числовое грамматическое значение единственного числа (напр. *trousers* «одни брюки»), и — словоформами множественного числа, если обозначают несколько однородных предметов, т. е. имеют грамматическое значение множественного числа (напр. *trousers* «несколько брюк»). Обычное же восприятие существительных этого типа как словоформ множественного числа обусловлено не якобы постоянно заключенным в них грамматическим значением множественного числа, а действительно характерным для них, но принципиально отличным от числового грамматического значения множественного числа явлением, которое мы будем условно называть многосоставностью. Ее сущность состоит не в указании на реальное множество однородных предметов мысли, а в осознании каждого из характеризующихся ею предметов мысли, состоящим из двух или нескольких составных частей.

В отличие от числового грамматического значения множественного числа, являющегося языковой категорией, многосоставность скорее есть категория мышления; она не имеет внешнего морфологического языкового выражения. Формант *-s* у существительных типа *trousers* «брюки» словоизменительной морфемой множественного числа не является; его отбрасывание приводит либо к образованию варианта слова (напр. *binoculars* «бинокль» — *binocular* «бинокль»), либо к появлению другого слова (напр. *glasses* «очки» — *glass* «стекло»), либо, наконец, к разрушению слова как такового (напр. *trousers* «брюки»). Формант *-s* у существительных типа *trousers* «брюки» не создает словоформы множественного числа

существительного, а лишь оформляет последнее в виде множественного числа; при этом существительные этого типа имеют омонимичные числовые словоформы и нулевые словоизменительные морфемы единственного и множественного числа (напр. *trousers* «одни брюки» — *trousers* «несколько брюк»).

Тот факт, что существительные типа *trousers* «брюки» обычно согласуются со словоформами множественного числа глаголов и местоимений, также не делает эти существительные словоформами множественного числа. Существительное обладает грамматическим значением числа независимо от его сочетания с другими словами, вне этого сочетания (напр. *table* «стол» — *tables* «столы»). Напротив, выбор сочетающейся с существительным числовой словоформы глагола или местоимения зависит от особенностей существительного; при этом всякая идея множества в существительном (числовое грамматическое значение множественного числа или многосоставность) приводит к согласованию его со словоформами множественного числа глаголов и местоимений. Являясь разнопорядковыми явлениями, числовые грамматические значения, с одной стороны, многосоставность и противопоставляемая ей целостность (воспитание выражаемого существительным предмета мысли неделимым целым), с другой, не исключают и не подменяют друг друга в слове, а сосуществуют в нем (напр. *trousers* «одни брюки», *tables* «столы»). Подобно оформлению, целостность и многосоставность непосредственного отношения к числовой грамматической характеристике существительного не имеют.

В отличие от исчисляемого, неисчисляемое существительное категорией числа не обладает вообще. Это значит, что неисчисляемые существительные нельзя рассматривать как одну из числовых словоформ существительного, что оно не имеет ни числовых грамматических значений, ни числовых словоизменительных морфем. Неисчисляемые существительные могут быть оформлены как в виде единственного, так и в виде множественного числа (напр. *sediment* «осадок» — *dregs* «осадок»); при этом нередко случаи их двоякого числового оформления (напр. *ash* «зола» — *ashes* «зола»). Само собой разумеется, что формант *-s* у неисчисляемых существительных словоизменительной морфемой множественного числа не является.

Из сказанного следует, что принципиальная разница между самостоятельным существительным, с одной стороны, и каждой из числовых словоформ существительного, с другой, не сводима ни к их оформлению по линии числа, ни к характеризующей их целостности или многосоставности. Упомянутая разница лежит в числовых грамматических зна-

чений и заключающих их грамматических формах числа рассматриваемого существительного. При этом самостоятельное существительное либо обладает обязательно двумя числовыми грамматическими значениями и двумя грамматическими формами числа (исчисляемое существительное), либо не обладает числовыми грамматическими значениями и грамматическими формами числа вообще (неисчисляемое существительное). Напротив, каждая из числовых словоформ существительного всегда имеет только одно из числовых грамматических значений и только одну из грамматических форм числа. Естественно, что требования, предъявляемые к самостоятельному существительному вообще, справедливы и для обособившегося существительного в частности.

Образование нового существительного при обособлении начинается с одновременного развития в исходной словоформе множественного числа (во всей словоформе, а не только в ее основе) новых лексических и грамматических значений. При этом появление нового исчисляемого лексического значения сопровождается развитием сочетающегося с ним грамматического значения единственного числа (например, *buttons* «пуговицы» — *buttons* «коридорный»); развитие же нового неисчисляемого лексического значения есть появление в исходной словоформе множественного числа лексического значения, не сочетающегося с заключенным в ней грамматическим значением множественного числа вообще (напр. *rackets* «ракетки» — *rackets* «теннис»). Закрепление в исходной словоформе множественного числа несвойственных ей значений и создает тот семантический разрыв, который приводит к разрушению внутренней цельности слова.

Внутренние изменения происходят параллельно с внешними. Появление в исходной словоформе множественного числа новых лексических и грамматических значений приводит к развитию в ней новой основы, расширенной за счет форманта *-s*, который, лишаясь грамматического значения множественного числа, перестает быть числовой словоизменятельной морфемой множественного числа, лексикализуется и переразлагается в пользу новой основы. Таковы, например, новые основы *rackets-* и *buttons-* в исходных словоформах множественного числа *rackets* «ракетки» и *buttons* «пуговицы» с основами *racket-* и *button-*. При этом, если выражаемое новой основой предметно-логическое значение исчисляемо, в исходной словоформе множественного числа развивается и словоизменятельная морфема единственного числа (нулевая), выражающая сочетающееся с новым предметно-логическим значением грамматическое значение единственного числа; если же новое предметно-логическое значение неисчисляемо, новая основа с числовой словоизменятельной

морфемой не сочетается вообще. Закрепление в исходной словоформе множественного числа новой основы и словоизменительной морфемы единственного числа означает одновременное наличие в ней двух разных основ и словоизменительных морфем, что невозможно и ведет к расщеплению исходной словоформы на два разных одинаково звучащих существительных¹.

Обособившиеся языковые единицы при этом являются либо неисчисляемыми существительными (напр. *rackets* «теннис»), либо словоформами единственного числа исчисляемых существительных (напр., *buttons* «коридорный»), которые в момент своего возникновения вызывают к жизни и соотносимые с ними словоформы множественного числа новых исчисляемых существительных (напр. *buttons* «коридорные»). Расщепление исходной словоформы множественного числа существительного происходит здесь не потому, что смысловая связь между исходным и обособившимся существительным утрачивается (напр., *buttons* «пуговицы» — *buttons* «коридорный»); она может и сохраняться (напр., *rackets* «ракетки» — *rackets* «теннис»). Расщепление исходной словоформы множественного числа существительного при обособлении обусловлено тем, что на ее базе возникает новое существительное со своей внутренней и внешней сторонами, отличными от таковых у исходного существительного (ср., напр., *racket/rackets* «ракетка/ракетки» и *rackets* «теннис»; *button/buttons* «пуговица/пуговицы» и *buttons/buttons* «коридорный/коридорные»), что и создает необходимые условия для существования в языке самостоятельного слова.

Обособление стало заметно развиваться с начала XVI века и достигло значительной продуктивности в XIX веке. К началу XX века в английском языке появилось около 200 обособившихся существительных². Большинство их оказалось возможным объединить в семантические группы; меньшая часть обособившихся существительных обладает пестрой, не поддающейся группировке семантикой.

Одну из семантических групп составляют обособившиеся существительные, обозначающие лицо (деятеля). Это *boots*

¹ Вопрос о том, являются ли обособившееся существительное и его исходная словоформа множественного числа лексико-грамматическая омонимиями, зависит от понимания омонимии, которая в статье не рассматривается. Очевидно, однако, что обособление не сводимо к образованию полных лексических омонимов, возникающих в результате распада полисемантического слова.

² Обособившиеся существительные и все сведения о них взяты нами из Большого Оксфордского словаря. В статье рассматриваются не все обособившиеся к началу XX века существительные. Языковой материал XX в. нами не анализировался совсем.

«коридорный», «младший офицер полка, младший член клуба», *buttons* «мальчик-коридорный», *guns* «офицер, руководящий артиллерийской стрельбой», *money-bags* «скупец», *rolls* «булочник», *sparks* «радист» и *pills* «неприятный человек, доктор», исходными по отношению к которым послужили соответственно *boot* «ботинок», *button* «пуговица», *gun* «оружие, пушка, ружье», *money-bag* «денежный мешок», *roll* «булочка», *spark* «искра, вспышка», *pill* «шарик, пилюля»¹.

Обособление возникло здесь в результате общеязыковой метонимии, которая в случаях *rolls* «булочник» и *pills* «неприятный человек» переплетена с метафорой. Метонимия при этом выявляет либо отношение деятеля и орудия производства (напр., *guns* «офицер, руководящий артиллерийской стрельбой» — *guns* «пушки»), либо — деятеля и связанного с ним признака (напр., *buttons* «мальчик-коридорный» — *buttons* «пуговицы»). Большинство рассматриваемых существительных однозначны, и только некоторые имеют по несколько значений. При этом *pills* «неприятный человек, врач», употребляется также, как кличка, прозвище врача, т. е. имеет и назывное значение.

Особняком в этой семантической группе стоят существительные *butter-fingers* «растяпа», *lazy-bones* «лентяй», *saw-bones* «хирург», *square-toes* «формалист, педант» и *sly-boots* «хитрец». Их отличительная особенность заключается в том, что обособившимися здесь являются не слова целиком, а лишь вторые компоненты сложных слов, возникшие соответственно на базе словоформ множественного числа существительных *finger* «палец», *bone* «кость», *toe* «палец на ноге» и *boot* «ботинок»; поскольку при этом упомянутые вторые компоненты как основы самостоятельных обособившихся существительных в языке не существуют, можно предполагать, что обособление происходит здесь не самостоятельно, а одновременно со словосложением. В отличие от свободного обособления в случаях типа *buttons* «коридорный», обособление, развивающееся параллельно со словосложением, можно назвать зависимым. Первые компоненты приведенных сложных существительных представляют собой основы либо существительных, либо прилагательных, почему эти сложные существительные в целом можно характеризовать соответственно как сложные существительные типа: 1) основа существительного плюс основа существительного и 2) основа прилагательного плюс основа существительного.

Обособившиеся существительные, обозначающие лицо,

¹ В целях упрощения приводятся по возможности лишь словоформы единственного числа исходных существительных с некоторыми из их значений.

исчисляемы, обладают омонимичными числовыми словоформами (напр., *boots* «коридорный» — *boots* «коридорные») и функционируют в языке как обычные исчисляемые существительные. Напр. *He was a tiger, a buttons*. «Он был тигром, пажем». *I am a buttons as belongs to the house*. «Я тот слуга, который работает в этом доме»; *All of them are square-toes* — «Все они педанты». *Even a Square-toes has a certain vivacity when his stake is imperilled* — «Даже педант немного оживляется, когда его интересы подвергаются опасности». В последнем примере существительное *Square-toes* «формалист, педант», приобретает контекстуальное назывное значение, о чем свидетельствует, в частности, написание его с заглавной буквы.

Все рассмотренные существительные являются достойным разговорной лексики; некоторые из них имеют синонимы с нейтральной стилистической окраской. Таковы *miser* (*niggard, skinflint*) «скупец», *baker* «булочник», *physician* (*doctor*) «доктор, врач», *blunderhead* «растяпа», *idler* «лентяй», *surgeon* «хирург» и др. Обособление существительных этой семантической группы, таким образом, привело к появлению в английском языке ряда стилистических синонимов.

Вторая семантическая группа представлена существительными, обозначающими одежду для нижней половины тела. Это *continuations* «брюки», *cords* «брюки из рубчатого плиса», *corduroys* «брюки из рубчатого плиса», *ducks* «парусиновые брюки», *jeans* «брюки из бумажной ткани», *knickerbockers* «широкие штаны, застегивающиеся у колен», *leathers* «кожаные брюки», *moles* «молескиновые брюки», *nunkeens* «брюки из нанки», *pantaloon* «кавалерийские рейтузы, брюки, кальсоны», *plushes* «брюки из плюша», *slacks* «широкие дамские брюки», *smalls* «трусики», *shorts* «трусики», *tights* «трико» и *velveteens* «брюки из вельветина», обособившиеся соответственно от *continuation* «продолжение», *cord* «веревка, шнурок», *corduroy* «рубчатый плис, вельвет, изделие из рубчатого плиса, вельвета», *duck* «прубое полотно, изделие из грубого полотна», *jean* «род бумазеи, изделие из бумазеи», *knickerbocker* «житель Нью-Йорка», *leather* «кожа, изделие из кожи», *mole* «крот», *nunkeen* «нанка, изделие из нанки», *pantaloon* «Панталоне (персонаж итальянской комедии), второй клоун», *plush* «изделие из плюша», *slack* «ослабнувшая веревка, слабина», *small* «что-то маленькое», *short* «что-то короткое», *tight* «что-то плотное», *venetian* «венецианец».

И здесь путями обособления являются метафора и метонимия. Последняя в большинстве случаев выявляет либо отношение любого изделия из известного материала и конкретного изделия из него (напр. *leathers* «изделия из кожи», *leathers* «кожаные брюки»), либо лица (жители определенной

местности) и предмета его одежды (*knickerbockers* «жители Нью-Йорка» — *knickerbockers* «брюки, застегивающиеся у колен»). В случае *pantaloons* «кавалерийские рейтузы» налицо общезыко́вая антономасия, развивающаяся самостоятельно или в сочетании с метафорой; в случае «моlesкиновые брюки», возможно, многостепенная метонимия (*moles mole* «крот» — *mole* «кожа крота» — *moles* «моlesкиновые брюки»), причем во втором звене — метонимия стилистическая. Подобно существительным, обозначающим лицо, существительные, обозначающие одежду для нижней половины тела, исчисляемы и имеют омонимичные числовые словоформы (напр., *leathers* «одни кожаные брюки» — *leathers* «более чем одни кожаные брюки»); однако, в силу присущей им многосоставности они всегда функционируют в языке как словоформы множественного числа существительных (напр. *Where are my leathers? They are in the kitchen.* «Где мои кожаные брюки? Они на кухне»). Большинство таких существительных имеют нейтральную стилистическую окраску, и лишь некоторые (*corduroys* — «брюки из рубчатого плеса» и *continuations* «брюки») являются достоянием разговорной лексики. Многие существительные этой семантической группы синонимичны.

Среди немногочисленных обособившихся существительных, обозначающих другие виды одежды (напр., *oilskins* «клеенчатый костюм», *silks* «шелковое платье»), обращают на себя внимание существительные: *clothes* «платье, одежда, белье» и *bodice* «корсаж», обособившиеся соответственно от *cloth* «ткань, сукно, холст» и *body* «тело, туловище, корпус, осто́в». Первое существительное неисчисляемо и обладает весьма общим предметно-логическим значением, что позволяет использовать его для обозначения любого вида одежды. Обособление второго существительного сопровождалось изменением его написания: *bodies* — *bodice*. Основа существительного *clothes* «одежда» входит в состав ряда сложных слов (напр., *bed-clothes* «постельное белье» *clothes-basket* «бельевая корзина», *clothes-brush* «платяная щетка», *clothes-line* «веревка для развешивания белья»), которые являются не результатом зависимого обособления, а появились в языке после свободного обособления существительного *clothes* «одежда».

Существование в английском языке словообразовательной модели существительного с оформлением в виде множественного числа и значением «одежда» (разные виды одежды) подтверждается аналогичными образованиями типа *overall(s)* «комбинезон» с преимущественным оформлением в виде множественного числа.

Третью семантическую группу случаев обособления составляют существительные, обозначающие болезни. Сюда относятся *barbs* «ящур» (болезнь скота), *flaps* «болезнь рта

у лошадей», *gapes* «зевота» (болезнь кур), *heaves* «запал» (у лошадей), *tumps* «свинка», *purples* «болезнь, характеризующаяся красной сыпью», *scratches* «подсед» (у лошадей), *shingles* «опоясывающий лишай», *staggers* «колер» (у лошадей), *worms* «глисты» (болезнь), обособившиеся соответственно от *barb* «ость, колючка, бородка, зубец», *flap* «что-либо, прикрепленное за один конец, удар, хлопок», *gape* «зевок», *goggle* «изумленный, испуганный взгляд, выпученные глаза», *heave* «подъем, волнение моря», *tump* «grimаса», насмешливое выражение лица, ком, разрастание», *purple* «пурпурный цвет, пурпур», *scratch* «царапина, скрип, зуд», *shingle* «галька, кровельная дрань», *stagger* «шатание, пошатывание», *worm* «глист, червь».

Существительное *small-pox* «оспа», возможно, результат сложного зависимого обособления, которое сопровождается изменением написания: *pox* вместо *pocks* «оспины».

Все приведенные существительные появились в языке в результате метонимии, выявляющей отношение признака болезни и болезни как таковой. Все обособившиеся, кроме *tumps* «свинка, хандра» и *staggers* «колер» (у лошадей), «вертячка» (у овец), имеют только одно значение; многие из них представляют собой медицинские термины, т. е. принадлежат литературно-книжной лексике (напр., *goggles* «вертячка», *barbs* «яшур»); отдельные — являются достоянием разговорной лексики (*purples* «болезнь, характеризующаяся красной сыпью»). В отличие от обособившихся существительных предыдущих семантических групп, существительные, обозначающие болезни, неисчисляемы.

Четвертую семантическую группу образуют существительные, обозначающие игры. Это *bars* «игра в бары», *bowls* «игра в шары», *cards* «игра в карты», *dibstones* «бабки», *dice* «игра в кости», *dominoes* «игра в домино», *draughts* «игра в шашки», *fives* «игра в мяч», *forfeits* «игра в фанты», *graces* «игра в серсо», *jack-straws* «игра вроде бирюлек», *knuckle-bones* «бабки», *letters* «игра в буквы», *marbles* «игра в шары», *proverbs* «игра в пословицы», *pills* «бильярд», *rackets* «род тенниса», *rounders* «английская лапта», *quoits* «игра в метание колец в цель», *skittles* «игра в кегли», *squalls* «игра, в которой диск направляется к цели щелчком», *tables* «игра в трик-трак», обособившиеся соответственно от *bar* «барьер», «прилавок», *bowl* «шар, ролик», *card* «карта (игральная), карточка», *dibstone* «фишка, игральная кость», *die* «игральная кость», *domino* «кость домино», *draught* «шашка, ход в игре в шашки», *five* «пятерка, пятый размер», *forfeit* «фант, штраф, конфискованная вещь», *grace* «(муз) фиоритура, привлекательность, грация», *jack-straw* «чучело, ничтожество», *knuckle-bone* «бабка (игральная кость)», *letter* «буква, письмо», *marble* «шарик, употребляемый в игре»,

proverb «пословица», *pill* «пилюля, шарик», *racket* «ракетка», *rounder* «полный круг, обегаемый игроком», *quoit* «кольцо с острыми краями», «кегля», *squail* «диск», *table* «стол».

Наблюдаемая во всех приведенных случаях метонимия выявляет отношение той или иной детали игры и игры как таковой.

Результатом зависимого обособления являются существительные *ninepins* «кегли» и *tenpins* «кегли» (разновидность) типа: основа числительного плюс основа существительного. Но уже после их образования эти два существительных стали восприниматься как словоформы множественного числа, что позднее привело к появлению в языке соотносимых с ними словоформ единственного числа *ninepin* «кегля» и *tenpin* «кегля».

Большинство существительных, обозначающих игры, принадлежит лексике с нейтральной стилистической окраской.

Наконец, последнюю крупную семантическую группу составляют существительные, обозначающие вещества. Подобно обособившимся существительным, обозначающим болезни и игры, вещественные существительные неисчисляемы.

Рассматриваемая семантическая группа объединяет в себе две, несколько отличные друг от друга подгруппы слов:

1. Собственно вещественные существительные, т. е. существительные, действительно обозначающие те или иные вещества:

2. Несобственно вещественные, или приближающиеся к вещественным существительные, которые обозначают не вещества, как таковые, а совокупность тех или иных мелких предметов; последние хотя и могут быть сосчитаны, в действительности же никогда счету не подвергаются и поэтому могут рассматриваться как единая и неделимая масса, вещество.

К первой подгруппе относятся существительные *aloes* «сабур» (слабительное), *fleetings* «сливки, творог», *meltings* «продукт таяния», *sprawlings* «слюна», *swipes* «скверное пиво» и *stickings* «плохое мясо», обособившиеся соответственно от *aloe* «алоз»; *fleeing* «снятие накипи, сливок, творога», *melting* «таяние», *sprawling* «отхаркивание слюны», *swipe* «сильный удар», *sticking* «вонзание, закалывание».

Ко второй подгруппе принадлежат существительные *carrots* «рыжие волосы», *combing* «счесанные волосы», *fillings* «то, что наполняет или используется для наполнения свободного пространства», *gleanings* «собранные после жатвы колосья; фрукты, факты», *hards* «пакля», *knockings* «мелкий уголь, отбиваемый молотком», *roundings* «обрезки, кожура, корки» *shakings* «концы», *shavings* «продукт бритья, стружки», *shearings* «продукт стрижки», *shorts* «мелкие отруби», обособившиеся соответственно от *carrot* «морковка»,

combing «причесывание», *filling* «заполнение, погрузка», *gleaning* «собираание колосьев, винограда, фактов», *hard* «нечто характеризующее твердостью», *knocking* «отбивание, стучание», *rounding* «округление, огибание», *shaking* «трясение, качание», *shaving* «бритье», *shearing* «стрижка», *short* «что-то короткое».

Обособление здесь происходит как в результате метонимии, так и в результате метафоры. Метонимия при этом выявляет либо отношение действия и объекта этого действия (напр., *fleetings* «снятие накипи» — *fleetings* «накипь»), либо отношение явления и его результата (напр., *meltings* «случай таяния», *meltings* «таялая вода»).

Некоторые обособившиеся существительные многозначны (напр., *fleetings* «накипь, сливки, творог»), другие имеют только одно значение (*swipes* «скверное пиво»).

Большинство существительных этой семантической группы принадлежат лексике с нейтральной стилистической окраской; некоторые (*carrots* «рыжие волосы, рыжеволосый человек», *swipes* «скверное пиво») — разговорной лексике, и лишь отдельные (*hards* «твердый уголь» горн.) — литературно-книжной.

Аналогичными являются образования типа *washings* «обмылки», ранее оформлявшиеся в виде единственного числа (напр., *washing* — «обмылки»), и *droppings* «то, что упало или падает: дождь, стекающий жир» с преимущественным оформлением в виде множественного числа.

Остальные семантические группы немногочисленны и каждая из них состоит из трех-пяти обособившихся языковых единиц. Всего три обособившихся существительных, например, обозначают кушанья (блюда). Это *trotters* «ножки» (свинные и т. п.), *olives* «блюдо из мяса вроде голубцов и луковников» и возникшее в результате зависимого обособления *pettitoes* «свинные ножки», исходными по отношению к которым являются соответственно *trotter* «рысак», *olive* «маслина, олива», *toe* «палец на ноге». Как и в предыдущих случаях, обособление развилось здесь в результате метафоры или метонимии. Существительные этой семантической группы неисчисляемы.

Четыре обособившихся существительных обозначают масти карт. Это *clubs* «трефовая масть», *diamonds* «бубновая масть», *hearts* «червонная масть», *spades* «пиковая масть», обособившиеся соответственно от *club* «дубина, карта масти трефы», *diamond* «бриллиант, карта масти бубны», *heart* «сердце, карта масти черви» и *spade* «лопата, карта масти пики». Путем обособления во всех этих случаях является метонимия, выявляющая отношение карт определенной масти и масти как таковой.

Три обособившихся существительных: *glasses* «очки»,

goggles «защитные или темные очки», *giglamps* «очки» — обозначают оптический прибор; четыре существительных *pinchers* «клещи, щипцы, пинцет», *nippers* «острогубцы, кусачки, щипцы», *snuffers* «щипцы для снятия нагара» и *tweezers* «пинцет, щипцы» — разновидности щипцов и, наконец, четыре существительных: *clips* «ножницы для стрижки овец», *clippers* «ножницы», *shears* «ножницы» и *shearlegs* «ножницы» — разновидности ножниц. Обособление развивалось соответственно от *glass* «стекло», *goggle* «изумленный, испуганный взгляд», *giglamp* «фонарь у двуколки», *pincher* «тот, кто или то, что щиплется», *nipper* «тот, кто или то, что кусает, щиплет», *snuffer* «нюхательный табак», *tweezer* «тот, кто или то, что выщипывает», *clip* «стрижка», *clipper* «тот, кто стрижет», *shear* «стрижка», *shearleg* «одна составная часть ножниц». Пути обособления здесь являются, таким образом, метафора (напр., *giglamps* «фонари у двуколки» — *giglams* «очки») и метонимия; последняя выявляет либо отношение составной части предмета к предмету в целом (напр., *glasses* «стекло» — *glasses* «очки»), либо действия к предмету, которым это действие производится (напр., *shears* «стрижки» — *shears* «ножницы»).

Все существительные пяти последних семантических групп, кроме существительного *giglamps* «очки», относятся к лексике с нейтральной стилистической окраской. Существительное *giglamps* «очки» принадлежит разговорной лексике.

Ряд обособившихся существительных имеет пеструю, отличную друг от друга семантику, что делает невозможным их группировку по значению. Таковы *accents* «речь, язык», *bars* «решетка», *beads* «четки, бусы», *guards* «гвардия», *figures* «арифметика», *letters* «литература, ученость», *looks* «вид, наружность», *matins* «заутреня», *pence* «пенс», *petticoats* «женский пол», *quartrs* «квартира, казарма», *shambles* «бойня», *stairs* «лестница», *stinks* «химия», *works* «завод», *waxworks* «паноптикум» и др., обособившиеся соответственно от *accent* «ударение, произношение», *bar* «полоса», *bead* «шарик, бусина, бисерина», *figure* «фигура, цифра», *guard* «бдительность, конвой», *letter* «буква, письмо», *look* «взгляд»; *mating* «утреннее щебетание птиц», *penny* «пенни», *petticoat* «нижняя юбка, юбочка», *quarter* «четверть, квартал, место»; *shamble* «неуклюжая походка», *stair* «ступенька, лестничный марш», *stink* «зловонье», *work* «работа, изделия», *waxwork* «восковая фигура, муляж» и др.

В большинстве случаев обособление возникло в результате метонимии, в немногочисленных случаях (напр., *matins* «заутреня») — в результате метафоры. Метонимия при этом выявляет разновидности отношения части и целого (напр., *beads* «бусины» — *beads* «бусы»). Обособившиеся существи-

тельные в основном однозначны, и лишь немногие имеют по несколько значений. Обособление существительного *pence* «пенс» сопровождается изменением графики. Существительное *accents* «речь, язык» принадлежит литературной лексике, *stinks* «химия» — разговорной лексике; остальные необъединяемые общностью семантики существительные являются достоянием лексики с нейтральной стилистической окраской. На базе указанных не объединяемых общностью семантики обособившихся существительных в английском языке появился ряд сложных слов и фразеологических единиц, например: *to tell the beads* «читать молитвы», *man of letters* «писатель, ученый», *twopence* «два пенса», *threepence* «три пенса» и т. д. до *elevence* «одиннадцать пенсов», *A penny soul never came to twopence* «Мелочный человек никогда не достигнет успеха», *to beat up quarters of* «навещать кого-либо», *head-quarters* «главный штаб» и т. д.

Одним из наиболее интересных, сложных и спорных вопросов обособления является вопрос о морфологической структуре обособившихся существительных вообще и о лингвистической природе форманта *-s* в частности. (Напомним, что формант *-s* является не словоизменяющей морфемой множественного числа обособившегося существительного, а принадлежит его основе). Решение поставленного вопроса для разных случаев обособления неодинаково и определяется точкой зрения автора на проблемы морфологической структуры английских существительных вообще. Ниже мы попытаемся наметить лишь одно из возможных толкований поставленного вопроса.

Если обособление свободное, а смысловая связь между исходным и обособившимся существительными утрачена, (напр., *buttons* «пуговицы» — *buttons* «коридорный»), членение обособившегося существительного на элемент, равный корню исходного существительного (напр., *button* —), и формант *-s* нецелесообразно. Такое членение противоречило бы общепринятому пониманию корня как основного носителя лексического значения слова. В подобных случаях обособления можно считать, что формант *-s* принадлежит корню обособившихся существительных, а эти существительные простые. Приведенные в статье обособившиеся существительные свидетельствуют о том, что переразложение форманта *-s* в пользу корня при свободном обособлении наблюдается довольно редко. Напротив, при зависимом обособлении, где компоненты сложных слов вообще и их вторые, возникшие в результате обособления компоненты, в частности, самостоятельного лексического значения не имеют, образование новых корней при обособлении происходит всегда (напр., *square toes* «педант», где *toes* — второй корень сложного слова). Вы-

тельные в основном однозначны, и лишь немногие имеют по несколько значений. Обособление существительного *pence* «пенс» сопровождается изменением графики. Существительное *accents* «речь, язык» принадлежит литературной лексике, *stinks* «химия» — разговорной лексике; остальные необъединяемые общностью семантики существительные являются достоянием лексики с нейтральной стилистической окраской. На базе указанных не объединяемых общностью семантики обособившихся существительных в английском языке появился ряд сложных слов и фразеологических единиц, например: *to tell the beads* «читать молитвы», *man of letters* «писатель, ученый», *twopence* «два пенса», *threepence* «три пенса» и т. д. до *elevenpence* «одиннадцать пенсов», *A penny soul never came to twopence* «Мелочный человек никогда не достигнет успеха», *to beat up quarters of* «навещать кого-либо», *head-quarters* «главный штаб» и т. д.

Одним из наиболее интересных, сложных и спорных вопросов обособления является вопрос о морфологической структуре обособившихся существительных вообще и о лингвистической природе форманта *-s* в частности. (Напомним, что формант *-s* является не словоизменительной морфемой множественного числа обособившегося существительного, а принадлежит его основе). Решение поставленного вопроса для разных случаев обособления неодинаково и определяется точкой зрения автора на проблемы морфологической структуры английских существительных вообще. Ниже мы попытаемся наметить лишь одно из возможных толкований поставленного вопроса.

Если обособление свободное, а смысловая связь между исходным и обособившимся существительными утрачена, (напр., *buttons* «пуговицы» — *buttons* «коридорный»), членение обособившегося существительного на элемент, равный корню исходного существительного (напр., *button* —), и формант *-s* нецелесообразно. Такое членение противоречило бы общепринятому пониманию корня как основного носителя лексического значения слова. В подобных случаях обособления можно считать, что формант *-s* принадлежит корню обособившихся существительных, а эти существительные простые. Приведенные в статье обособившиеся существительные свидетельствуют о том, что переразложение форманта *-s* в пользу корня при свободном обособлении наблюдается довольно редко. Напротив, при зависимом обособлении, где компоненты сложных слов вообще и их вторые, возникшие в результате обособления компоненты, в частности, самостоятельного лексического значения не имеют, образование новых корней при обособлении происходит всегда (напр., *square* — *toes* «педант», где *toes* — второй корень сложного слова). Вы-

членение форманта -s из корня второго компонента здесь нецелесообразно.

Иное положение наблюдается в тех случаях, когда смысловая связь между исходными и обособившимися существительными отчетливо сохраняется (напр., *leather* «кожа» — *leathers* «кожаные брюки», *racket* «ракетка» — *rackets* «теннис»). Последнее обстоятельство дает основание считать, что исходное и обособившееся существительные имеют один и тот же корень, т. е. что членение обособившегося существительного на корень и формант -s принципиально возможно. Целесообразность такого членения становится особенно ощутимой в тех случаях, когда рассматриваемые обособившиеся существительные входят в состав одной и той же семантической группы (напр., *rackets* «теннис», *dominoes* «игра в домино», *draughts* «игра в шашки» и т. п.). Формант -s здесь как бы обладает тем общим для всех рассматриваемых существительных грамматикализированным предметно-логическим значением (напр., значение игры в существительных *rackets* «теннис», *dominoes* «игра в домино» и т. д.), которое объединяет их в одну семантическую группу и уподобляет формант -s словообразовательному суффиксу, всегда, с нашей точки зрения, обладающему такого типа значением (напр., значение лица у суффикса -er, участвующего в образовании существительных *teacher* «учитель», *worker* «рабочий», *speaker* «оратор» и т. п.). Однако безоговорочно считать формант -s словообразовательным суффиксом в приведенных выше обособившихся существительных вряд ли возможно. В отличие от последнего, образующего новые слова путем присоединения к производящей основе (напр., *write* + *er* = *writer* «писатель»), формант -s в подобные сочетания с морфемами языка не вступает, он лишь мысленно выделяется в ряде обособившихся существительных уже после их образования. Все это позволяет считать формант -s у объединяемых в семантические группы обособившихся существительных суффиксальной морфемой особого рода, а обладающие ею обособившиеся существительные — производными. Обособление, с этой точки зрения, привело к появлению в английском языке суффиксальных морфем особого рода у ряда обособившихся существительных, обозначающих одежду для нижней половины тела, болезни, игры и вещества. При этом упомянутые морфемы у разных семантических групп являются омонимами по отношению друг к другу. Что же касается, наконец, необъединяемых в семантические группы обособившихся существительных, смысловая связь которых с исходными существительными сохранена (напр., *work* «работа» — *works* «завод»), то здесь мы все-таки склонны видеть образование нового корня, так как вычленение лишнего какого бы то ни было положительного значения форманта -s в ка-

честве отдельной морфемы представляется неоправданным.

Подавляющее большинство исчисляемых обособившихся существительных имеет две нулевые числовые словоизменятельные морфемы—нуль и нуль¹ (напр., *boots* «коридорный»—*boots* «коридорные»); отдельные существительные—нулевую словоизменятельную морфему единственного числа и словоизменятельную морфему множественного числа—*s* (напр., *bodice* «корсаж» — *bodices* «корсажи»). Неисчисляемые обособившиеся существительные числовых словоизменятельных морфем не имеют вообще.

Приведенный материал позволяет отметить следующее:

1. Основными путями обособления являются метафора и метонимия, которые иногда сливаются друг с другом в едином процессе. Метафора и метонимия при обособлении словообразовательны, т. к. приводят не к развитию нового значения, а к образованию нового слова.

2. Свободное обособление есть один из способов английского словопроизводства. Не являясь высокопродуктивным, оно дало, однако, английскому языку несколько живых словообразовательных моделей существительных, оформленных в виде множественного числа. На базе обособившихся существительных в английском языке появился ряд сложных слов, фразеологических единиц и стилистических синонимов. Свободное обособление привело к появлению немногочисленных новых корневых морфем и нескольких омонимичных суффиксальных морфем — *s* особого рода.

3. Зависимое обособление реализуется одновременно со словосложением. Зависимое обособление вызвало в английском языке появление нескольких сложных существительных и новых корневых морфем.

4. Обособление приводит к пополнению разных стилистических пластов английского словаря преимущественно однозначными существительными.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Б. С. Фарбер. Ленин и литературное наследство XIX века	3
Т. Д. Фролова. Очерки и рассказы П. А. Павленко о Дагестане	17
Р. И. Гайдаров. Из истории становления лезгинского литературного языка и письменности	31
Б. С. Сулейманов, Р. И. Лихтман. К вопросу о классных показателях в даргинском языке	47
Б. И. Скупский. Совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода в древнерусском языке	59
М. С. Шершнева. К вопросу о категории залога в современном русском языке	71
Л. Р. Евсеева. Употребление дательного беспредложного и родительного падежей с предлогом «для» при кратких и полных формах имени прилагательного	83
Э. К. Сильченко. Обособление формы множественного числа существительных в английском языке как способ словообразования	99

Ученые записки
Дагестанского университета

т. VIII

(филологическая серия)

Редактор *Рассказова Н. С.*

Корректор *Важова В. Г.* Технический редактор *Зенин В. В.*

НГ14452. Сдано в набор 22.VIII-61 г.	Подписано к печати 3.II-62
Формат 60×92 ¹ / ₁₆ .	Печ. л. 7,25. Уч.-изд. л. 7,36
Заказ № 1299	Тираж 600 Цена 60 коп.

Издательство Саратовского университета
Отпечатано в типографии издательства «Коммунист»
Саратов, пр. Ленина, 94.

60 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА